

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ — 1973

5

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 5

СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ

БАКУ—1973

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. А. ДАДАШЗАДЕ,
С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. ҚОНОНОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Э. В. СЕВОРТЯН,
И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор), ЯШЕН КАМИЛЬ

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Рукописи не возвращаются.

Корректоры *А. Е. Сорокина, Э. Я. Алиева.*

Сдано в набор 21/IX 1973 г. Подписано к печати 23/I 1974 г. ФГ 09520. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 4,38. Физ. печ. л. 8,75. Усл. печ. л. 12,25. Уч.-изд. л. 12,0.
Заказ 6307. Тираж 4400. Цена 1 руб.

Адрес редакции: 370602, ГСП Баку-122, просп. Нариманова, 31. Академгородок.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.

ИМАДЕДДИН НАСИМИ

Художник М. Абдулаев

К 600-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИМАДЕДДИНА НАСИМИ

М. Ю. ГУЛИЗАДЕ

ИМАДЕДДИН НАСИМИ — ВЕЛИКИЙ ПОЭТ И МЫСЛИТЕЛЬ

Великий азербайджанский поэт и мыслитель Имадеддин Насими принадлежит к числу тех выдающихся деятелей культуры, которые своим творчеством и жизненным подвигом оказали глубокое влияние на культуру и общественную мысль не только своего народа, но и на всю духовную жизнь сопредельных с его родиной стран, в данном случае — Ближнего и Среднего Востока. Но прежде всего Имадеддин Насими, естественно, оказал огромное благотворное влияние на развитие общественной мысли и художественной литературы родного народа, сыграв исключительную роль в формировании азербайджанского литературного языка. Средневековые источники свидетельствуют, что своим ярким поэтическим талантом, самоотверженной борьбой с ортодоксальным исламом, унижавшим человеческое достоинство, высокими гуманистическими идеалами Насими еще при жизни покорила умы и сердца многих лучших людей своего времени и снискал их глубокие симпатии.

Авторы средневековых тезкире последующего времени, высоко почитавшие поэта, писали о Насими как о «волшебнике пера», «самоотверженном подвижнике (ашиге) на пути к истине», «всегда провозглашавшем истину».

Общепринятой, правда, приблизительной датой рождения Сейида Али Имадеддина Насими является 1369 год. Место рождения — город Шемаха — столица Ширвана, славившаяся своими учеными и поэтами, имена которых были хорошо известны и далеко за пределами родного Азербайджана. Происходил Насими из трудовой и просвещенной семьи ремесленника. Насими, как и его великие предшественники Хагани и Низами, получил разностороннее по тому времени образование в медресе. Он в совершенстве овладел персидским и арабским языками, что открыло ему путь к творчеству корифеев восточной культуры Рудаки, Абу Али Ибн Сина, Фирдовси, Саади, Джалаледдина Руми и др. Он хорошо изучил естествознание, математику, астрономию, философию.

Вторая половина XIV века в Азербайджане характеризовалась усилением народных волнений.

Стихийный протест народа против феодального произвола и религиозного фанатизма, его стремление ко всеобщему благоденствию и братству всех людей, независимо от их религиозной и расовой принадлежности, — все это нашло выражение в учении и движении хуруфитов.

Основателем хуруфизма был поэт и мыслитель Фазлуллах Наими. Странствуя и проповедуя свое учение, Наими прибыл в Ширван, где познакомился и сблизился с молодым поэтом Сейидом Али Имадеддином и другими представителями азербайджанской литературы. Желая подчеркнуть свою близость с учителем Фазлуллахом Наими, Сейид Али избрал себе созвучный псевдоним «Насими»¹. То, что Насими с готовностью примкнул к хуруфитам, было естественным следствием его предшествующих идейно-творческих исканий. Когда Фазлуллах Наими по приказу Тимура был предан казни, Насими, выполняя его предсмертную волю, вместе с другими хуруфитами покинул пределы родины.

Некоторое время он жил в Турции. Своим творчеством, проникнутым духом свободолюбия и гуманизма, он заслужил глубокое уважение и любовь турецких прогрессивных поэтов (Шейхи, Рафии и др.). Жестокие преследования, которым стали здесь подвергаться хуруфиты, заставили Насими переехать в Сирию, в город Халеб (Алеппо), поддерживавший в то время оживленные торговые связи с родиной поэта Ширваном.

В Алеппо Насими в непродолжительное время приобрел как поэт широкую популярность.

По преданию, один из молодых почитателей и учеников Насими как-то публично прочитал его газель:

Чтоб лицезреть меня, нужно обладать зрением, способным видеть истину,
Ведь самовлюбленное око не в состоянии лицезреть бога...

Смысл этого бейта заключается в следующем: «Во мне воплощается божество: лицезреющий меня — зрит бога».

Духовство не могло это расценить иначе как богохульство и безбожие. Юноша, желая отвести опасность от любимого учителя, выдал стихотворение за свое и должен был быть казнен. Насими, узнав об этом, признал свое авторство и был предан мучительной казни: с него живого содрали кожу.

Так трагически в 1417 году погиб Насими. Его могила находится в сирийском городе Халебе (Алеппо).

Жестокая казнь Насими, проявленное им беспримерное мужество возвысили его в глазах людей. Слава поэта распространилась далеко за пределы Азербайджана, достигнув Турции, Средней Азии, Армении и других стран Востока. Ашуги слагали о поэте песни. В 1775 г. узбекский поэт Асири написал поэму о Насими, вдохновенно воссоздающую его легендарный образ. Туркменский поэт XVIII в. Махтумкули посвятил трагической гибели Насими целый ряд стихотворений.

Стихи молодого Насими характеризовались дидактичностью, поэт призывал к честности, справедливости, верности в дружбе. Он гневно осуждал лицемерие, алчность, жестокость, зависть и т. п. В стихах Насими нашли художественное отображение и многие социальные пороки его времени. В одном из своих стихотворений, обращаясь к современникам, поэт пишет:

Отруби и выкинь руку, от которой один вред и нет пользы.
Держись за руку того, доброта которого сеет благоденствие.

Станешь тираном, посеешь опять жестокость вокруг.
От зла жестокого тирана на ниве лишь восстание возрастет².

¹ *Наими* по-арабски означает «несущий дары природы, изобилие, благодатную жизнь». *Насими* — свежий, нежный утренний ветерок.

² Здесь и дальше стихи приводятся в подстрочном переводе.

С возмущением обращается поэт к представителям власти, во имя собственного обогащения жертвующим человеческими жизнями:

О ты, именующий камень драгоценным перлом,
Ужели человек с такой красотой и милостью не перл?

Насими горько иронизирует над теми, для кого человек и его счастье — предмет купли и продажи. Среди таких людей, считает поэт, нет «настоящего мужа», «познавшего истину — бога», нет правдивых, чистых душой, «верных клятве своей». Скорбь Насими — это гражданская скорбь человека, изверившегося в возможности счастья и свободы для людей, свидетеля их бессмысленной гибели. С чувством глубокого презрения поэт говорит о современном ему мире, подавляющем сознание и унижающем человека.

Разоблачая ханжество святош, шейхов и других служителей религии, сеющих среди населения раздоры из-за различий в верованиях, поэт уподобляет их слепцам и лицемерам:

О, криводушный, говорящий, что всевышний вездесущ,
По какому же праву отделяешь от Каабы храм?

В стихах Насими нашли отражение волнующие всех мыслящих людей его времени социально-философские проблемы. В пору безраздельного владычества ислама, утверждавшего священность феодальной собственности, поэт призывал людей к единству, считал, что истинная религия не может противопоставлять Каабу — храму, мечеть — церкви, она должна сближать и сплачивать людей, положить конец кастовому делению общества на «высших» и «низших», покончить с религиозным фанатизмом. В одной из своих газелей, написанных на фарси, поэт недвусмысленно говорит об этом:

В мире единобожия что низший или высший?
На правом пути что мусульманин, что христианин?

К чему в мире явном (сущем) речи о «мы» и «я»?
В мире смысла нет речи о «мы» и «я»!³

Имущественное неравенство, религиозная нетерпимость, сектантская отчужденность и вражда — все это постоянно занимает и тревожит Насими. И закономерно, что, несмотря на осязаемое присутствие идей суфизма в мировоззрении поэта, он не примкнул ни к одному из суфийских течений и сект. Сектантско-религиозные рамки не могли не быть для Насими, художника широкого интеллектуального размаха, узкими и тесными. Его воображение вдохновляли образы таких героических подвижников и последовательных борцов за свои идеи, как Мансур Халладж и Фазлуллах Наими.

Насими считал, что божественное начало проявляется во всем: в человеке, в природе, в реально существующей действительности. Человек, внутренне совершенствуясь, постигает аллаха, составляя с последним единую сущность. Постигание бога и слияние с ним является необходимым условием установления на земле свободной и счастливой жизни.

Стихи Насими будили мысль и поднимали чувство собственного достоинства у людей:

В несовершенное творенье всегда находит путь изъян,
Стремись быть совершенным, ибо в совершенстве нет пути изъяну.

³ *Имадэддин Насими*. Эсэрлэри. Елми-тэнгиди мэтн. Тэртиб едэни Чаһанкир Гәһ-рәмәнов, редактору Нәмид Араслы, чилд I. Бақы, 1973, стр. 76—77.

Ты не желтей от скорби мира, не будь ты желтым, ибо
Никому на свете не дано исцелить этот недуг.

Отринь злобу и зависть, отбрось их,
Ибо спасется только душа, расставшаяся с ними.

Не будь рабом, о Насими, на этом бренном свете потому,
Что в лоне веры и обета ты и эмир, ты и султан.

Коль не владеешь благами (земными), богатством, какая в том беда, печаль,
Ты сын стыдимого, ты и правый путь указующий, ты и человек⁴.

Совершенным человеком, достигшим слияния с божественным началом, олицетворяющим на земле могущество и мудрость аллаха, Насими считал своего учителя Фазлуллаха Наими. Лишь он один, по мнению поэта, достоин высокого звания мудрого правителя.

Хуруфитский девиз «аллах — есть я» имел в средневековье вполне реальную политическую подоплеку. Академик В. В. Бартольд считал, что еще в X веке лозунг «я — аллах» использовался в освободительной борьбе против арабского халифата. Известное утверждение Ф. Энгельса о том, что «революционная оппозиция против феодализма проходит через все средневековье. Она выступает, соответственно условиям времени, то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания»⁵, — полностью относится и к мусульманскому Востоку.

Учение Фазлуллаха Наими — хуруфизм, обращенное против произвола Тимура и других завоевателей, носило антифеодальный характер. Насими ревностно пропагандировал это учение и буквально боготворил его основателя:

В мир явившийся в обличьи бога — это ты,
О лик господя, ты вечен в мире.

Поэт противопоставляет возвышенный образ Фазлуллаха Наими всем шахам и тиранам, несущим людям зло и насилие. Для Насими человек, наделенный высокими нравственными достоинствами и творческим разумом — священен, он символ и воплощение аллаха. Хуруфиты в своих проповедях апеллировали к стиху корана: «Мы сотворили человека в прекраснейшем облике». Насими страстно и вдохновенно воспекает красоту человека и человеческую любовь, ссылаясь на это же изречение:

Коль веришь, что Адам — явление аллаха,
Поймешь, как по слову творца появился я.

Узрев тебя (человека) с красотой такую и во благодати такой,
Назвать аллахом остереглись и нарекли человеком.

Хуруфиты, гуманистические идеи которых нашли блестящее художественное выражение в творениях Насими, объективно преследовали социально-экономические цели — защищали право человека быть свободным от феодального и религиозного гнета. Величайшей заслугой Насими было то, что он опозитизировал человека, возвысил его над повседневностью, сделал его главным героем поэзии.

⁴ *Имадэддин Насими*. Эсэрлэри. Елми-тэнгиди мэтн, чилд II, стр. 77.

⁵ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. VII. М., 1956, стр. 361.

Лирический герой Насими — ашиг — мыслитель. Он беден, но благороден и великодушен. Ему присущи высокие человеческие достоинства, он не ослеплен установлениями ортодоксального ислама. «Никто не слился с божеством, сорок дней укромно творя молитвы», — заявляет поэт.

По понятиям Насими, «ислам и ересь» равноценны, он отвергает догмы шариата (орудж, намаз, миф о рае и аде). Для него нет разницы между Каабой и храмом, мусульманином и христианином. В нем живет священная мечта об идеале и глубокое уважение к людям, независимо от их расы и вероисповедания. Стремясь к самоусовершенствованию, познав себя и внутренне эволюционировав, ашиг возвысился духовно настолько, что соединился с богом. Поэтому он уже не раб, не послушник, смиренно творящий молитву, а «эмир» и «шах»:

Равноценны меж ашигов ислам и ересь (иноверье).
Где бы ни обрел приют, ашиг — (везде) эмир.

Подобия возлюбленной в мире не найти,
Повсюду, кто бы ни узрел ее, она бесподобна.

Раб (смиранный), во имя любви лицо свое повергший в прах,
В мире сам по себе является шахом.

В этом стихотворении Насими догматам ислама противопоставляет человеческую любовь как высшее проявление человеческого духа.

Мысли поэта о свободе, справедливости, равенстве затемнены естественной и традиционной для его времени религиозно-мистической фразеологией:

Отбрось греховные дела, деянье доброе сверши,
Чем заслужишь у творца и милость, и хвалу.

Призывая к нравственной чистоте, поэт прибегает к религиозным представлениям: «греховные помыслы», «добродетель» и пр. В том же стихотворении он говорит: «Проси у господ прощения и удостойся его милости, ибо возвыситься нелегко...»

Насими отнюдь не отвергает религию, но проповедуемое им верование значительно шире, он пантеист по своему мировоззрению. Поэта волнуют вопросы земного бытия человека, его нравственной свободы, блага и счастья.

В поэзии Насими отразились сложные противоречия его времени. Наряду с призывом к радостям жизни и верой в творческое призвание человека в его стихах явственно звучат жалобы на неустроенность общества, на царящий в нем произвол, на грабительские нашествия завоевателей, на бедствия и нищету трудового народа:

Именья мира — это скорбь, чего желаешь, о душа?
Проклятье миру сему, именью мира сего.

Без шипов не найдешь роз, без горести — отрады,
Не срывай роз его (мира), ведь розы его не окупаются (уколами) шипов.

Широким признанием пользуется любовная лирика Насими, созданная им на азербайджанском языке. Этот жанр, как известно, глубоко и многосторонне разработан в азербайджанской фольклорной и ашугской поэзии, в которой нашло отражение народное представление о любви и страдании, радости и печали.

Любовная лирика Насими восходит как к традициям азербайджанской и ближневосточной классической поэзии, так и к художественным особенностям фольклорной и ашугской поэзии. Лирический талант Насими органически сочетал эти два источника его художественного творчества, благодаря чему обогатил мировую поэзию замечательными поэтическими шедеврами.

Любовная тема у Насими находит весьма своеобразное воплощение: истинная любовь в понимании поэта неразрывно связана с духовной свободой и «земными» устремлениями человека.

Большинство средневековых тезкире характеризует Насими как самоотверженного, стойкого подвижника, утверждавшего любовь как высшее проявление человеческого духа, в котором состоит весь смысл и цель жизни человека. Любовь в лирике Насими — это, выражаясь современным языком, социально-философская проблема. Великий поэт всем своим творчеством отстаивает право человека на любовь, высмеивая врагов этого чувства — священнослужителей, богословов, суфиев, аскетов:

Твои глаза разбойные похитили душу у меня единым взором,
Взгляни, какие сладостные мучения во взоре сокрыты...

Адепт сказал Насими: не любуйся прекрасным ликом,
Вглядись, черты лица во многих грехах сокрыты...

Аскету и суфию и не мечтается узреть лицо прекрасной,
Доля (потери) незрячего величиною с Солнце.

Многие стихи Насими отличаются жизнелюбием и живым, чувственным восприятием окружающего мира. Возлюбленная — венец всего сущего и украшение жизни. Цветущая природа подражает ее красоте:

Солнцем лика твоего мир осяян.
Благоуханием волос твоих утренний ветер опьянен,

О прекрасная царица, при виде твоей красоты у Насими
Перед взором возник образ всемирносердного (бога).

Тебя не отдаст за все райские блага и гурни Насими,
Ты для ашуга и гурня, и мир, и рай.

Скажи аскету, что меня заманивает в эдэм (рай),
Чтоб он не зарился на шипы, считая, что набрел на цветник.

Насими — автор прекрасных стихов — подлинных гимнов человеческому разуму, совершенству, красоте. Его лирический герой — качественно новое явление в поэзии XIV века. При всех его жалобах на тоску по возлюбленной, на страдания, причиняемые любовью и разлукой, он горд, духовно силен и стоек, бесстрашен и непреклонен в борьбе со своими противниками — служителями культа.

Он призывает возлюбленную откинуть с лица покрывало и явить свою красоту миру:

О краса, яви свой лик людям мира без покрывала,
Да узрят они, как совершенно созданье бога.

(Земные) блага, царства и богатства не сочтет и за щепку тот,
Кто узрит твою красоту, мечтая о свиданье?

Чему уподобить мне брови и лицо ее,
Предстоящие (перед взором) луной полною и полумесяцем?

Любовь прекрасной возлюбленной превышает всех благ мира, выше райского блаженства, она подобна солнцу, дарующему свет, тепло и жизнь. Лирика Насими зовет к радостям жизни и славит красоту природы. Поэт клеймит презрением бездушных аскетов и мистиков, адептов, суфиев, называя их бесчувственными, невежественными слепцами, «живыми мертвецами», ибо они ищут бога вне природы и человека. В условиях мусульманского Востока XIV в. это звучало чрезвычайно дерзко и граничило с отрицанием основных законов шариата.

В отличие от философской лирики Насими, в которой его раздумья о земной, человеческой любви проникнуты пантеистическим пафосом и традиционным религиозно-мистическим духом, в лирических стихотворениях, воспевающих любовь, образ любимой рисуется «земным» и реальным, покоряющим живым, чувственным обаянием:

Не знаю, кто ты: гурия, ангел или пери?
Кто узрит твой лунный лик, тот смутится.

О грациозная пальма, встань близ очей моих⁶,
Ведь пальма обычно стоит близ ручья.

Я видел всюду, что лань становится добычей льва,
Я замираю в изумлении: львы ловятся (становятся добычей) ланью.

Яркостью и живостью образов, близостью духу народной поэзии эти стихи в известной мере предвосхищают лирику Вагифа.

В литературном наследии Насими много подобных газелей, проникнутых живыми интонациями, передающих все оттенки чувств и переживаний героя. Эти газели позволяют говорить, в известном смысле, о народности лирики Насими как с точки зрения ее содержания, так и образного строя, языка, стиля, формы. В произведениях Насими, как и в ашугской поэзии, красавицы всегда «сладкоязыки», «медоречивы», «рубиноусты»:

О та, чьи щеки от смущенья — алый мак,
Каждое мгновение новым капризом кровь мою проливают очи твои.

Душу мою хитростью заполнив, жаждут теперь действий очи твои,
К чему столько хитростей с влюбленным соловьем?

Когда отраженье зубов твоих упало в океан моих глаз,
В глазах моих упали (обесценились) и рубин, и искрометный перл.

В этой газели воспевается реальная человеческая любовь, выражаются естественные порывы влюбленного человека, свободные от мистического налета и религиозной символики. Газель написана чрезвычайно живым, образным языком, истоки которого восходят к народной поэтике.

Такие обороты, как «кровь мою проливают», «душу мою хитростью заполнив», «к чему столько хитростей?», «отраженье зубов», «океан моих глаз» и т. п., — образные выражения, почерпнутые Насими из сокровищницы народно-поэтического творчества. Эпитеты «алый мак», «влюбленный соловей», «искрометный перл» характерны для ашугской поэзии.

Величайшей заслугой Насими является то, что именно он своим творчеством заложил основы классической поэзии на родном азербайджанском языке.

⁶ Здесь подразумеваются глаза, проливающие слезы, соотносимые поэтом с ручьями (родниками).

В стихах Насими часто встречаются элементы живой речи, совершенно новые для поэтического стиля XIV столетия. Поэзия Насими представляет благодатный материал не только для исследования поэтики, лексики, образного строя азербайджанской классической поэзии XIV века, но также и для изучения живой разговорной речи, художественных реалий и фразеологии народного языка того времени:

В разлуке с тобой, о краса, ввечеру и поутру пылаю,
Мечтаю о встрече с тобой, еще сильнее пылаю.

Пламень страсти и любви охватил плоть мою,
Гляди, как от огня твоего, о луна и солнце, пылаю.

От разлуки с тобою кровоточит грудь моя,
Из пламенеющих очей моих сочится кровь души, пылаю.

Терпенья и покоя лишила меня тоска по тебе,
Не от ветра, от печали я пылаю.

Из души моей клубится дым, он заволок весь небосвод,
Взгляни, в каком огне я, смотри, как я пылаю.

Идиоматические выражения, эпитеты и метафоры, использованные в этой газели, взяты поэтом из живой народной речи и впервые введены в азербайджанский литературный язык. Число подобных примеров можно умножить, что красноречиво говорит о народных истоках поэзии Насими и характеризует его как поэта-новатора своего времени.

Лирика Насими отличается отточенностью и изысканностью рифм и музыкальной выразительностью стиха. Насими принадлежит огромная заслуга в создании новых стихотворных форм, в частности песенных жанров. В соответствии с творческой задачей ритмическое оформление его стиха подчинено выражению то сдержанной мужественности, то пламенного бунтарского протеста, то нежного лирического чувства и т. д. Мастерская инструментовка стиха, богатого внутренними рифмами и созвучиями, чеканность самой рифмы и редифа делают стих Насими исключительно музыкальным и запоминающимся.

Не случайно стихи Насими, великого художника-мыслителя, обладавшего могучим поэтическим талантом и широкими для своего времени научными познаниями, оказывали на читателей и слушателей огромное идейное и эмоциональное воздействие.

В литературно-исторических источниках сохранилось много фактов, подтверждающих большую притягательную силу поэзии Насими, глубокий интерес к ней со стороны людей искусства и ее плодотворное влияние на формирование гуманистических идеалов писателей и мыслителей последующих поколений. Современник Насими, известный турецкий поэт Рафии, под влиянием азербайджанского поэта принял хуруфизм. В поэме «Бешарет-намэ», написанной вскоре после казни Насими, Рафии выражает свое восхищение мудростью великого поэта, благодаря которому он «обрел путь правды» и «преуспел на широкой и светлой стезе творчества».

Известный армянский поэт XVI века Будах Амтеси был предан сожжению за то, что публично читал и пропагандировал «еретические» газели Насими. В XVII веке был казнен Хачатур Тигрангерци, выступавший со стихами Насими на улицах.

Творчество Насими оказало большое влияние на формирование художественной культуры и развитие литературного языка сопредельных

тюркоязычных народов. Уже с конца XIV века рукописи стихов Насими переходили из рук в руки, из страны в страну.

Великий узбекский поэт и мыслитель Алишер Навои и другие поэты Средней Азии хорошо знали стихи Насими. Высокий государственный пост и официальное положение, занимаемые Навои, не помешали ему, несмотря на то, что Насими был казнен за «ересь» и «безбожие», неоднократно упоминать имя поэта, высоко отзываться об «истинах и премудростях», содержащихся в его творениях, и их художественном совершенстве. Известный поэт XV века, правитель Джаханшах Хагиги Гарагоюнлу, хотя и принадлежал к верхушке феодальной знати, глубоко почитал бунтарскую поэзию Насими и симпатизировал его хуруфитским идеям и пантеистическому учению. Следуя Насими, он в своих стихах призывал к терпимости и уважительному отношению к немусульманам, выступал с решительным протестом против засилия догм шариата. Джаханшах унаследовал от Насими не только его идеи, но даже особенности его поэтики, его образного строя.

Стихи Насими были отлично знакомы и таким выдающимся поэтам, как Хабиби и Хатаи. Прекрасно знал поэзию Насими и великий Физули.

В сборники и антологии, составленные всего через двадцать-тридцать лет после гибели поэта, включались написанные под его влиянием тахмисы и назире (подражания, посвящения) десятков поэтов различных национальностей, что указывает на широкую популярность стихов Насими. В Турции, Сирии, Ираке, Средней Азии стихи Насими почитались как произведения, написанные с высоким художественным мастерством.

В книгохранилищах и рукописных фондах Советского Союза: в Баку, Ленинграде, Ташкенте, Ашхабаде, Тбилиси, Ереване (Матенадаран), в библиотеках Турции, Ирака, Египта, Ирана и других хранятся различные списки произведений Насими. Каталоги европейских востоковедов Рие, Шпренгера, Блоше, Флюгеля указывают, что рукописи произведений Насими имеются в библиотеках и книгохранилищах Парижской национальной библиотеки, Лондона, Оксфорда, Берлина, Ватикана. Произведения Насими неоднократно издавались не только в Азербайджане, но и в зарубежных странах. Все это говорит о всемирной славе азербайджанского поэта.

В издании произведений Насими и в изучении его творчества большую роль сыграл известный азербайджанский журналист и литературовед Салман Мумтаз. Уже в первые годы установления Советской власти в Азербайджане Салман Мумтаз разыскал рукописи стихов поэта и выступил с интересной статьей о Насими, опубликованной в 1923 году в первом номере журнала «Маариф ве меденийят» («Просвещение и культура»).

В последующем советскими учеными была проделана значительная работа в области изучения и публикации художественного наследия Насими. Обнаружены ранее не известные рукописи стихов Насими в книгохранилищах Ватикана, Тегерана, Багдада, Тавриза. Создано монографическое исследование о хуруфизме и его представителях в Азербайджане⁷, опубликована брошюра о жизни и творчестве поэта⁸. Эти работы, несмотря на большие научные достоинства, не лишены и некоторых недостатков: не до конца раскрыты глубокие противоречия в ми-

⁷ З. Кули-заде. Хуруфизм и его представители в Азербайджане. Баку, 1970.

⁸ Г. Араслы. Имадеддин Насими. Жизнь и творчество. Баку, 1973.

ровозрени Насими, не уделено должного внимания исследованию особенностей его стиля и поэтики.

В ознаменование 600-летнего юбилея Насими впервые был издан монументальный научно-критический текст произведений Насими в трех томах⁹. Вышли в свет избранные стихотворения Насими¹⁰, впервые выпущен сборник избранных стихов поэта на русском языке¹¹. Все это — лишь начало большой кропотливой литературоведческой работы по изучению наследия великого поэта. Необходимо в первую очередь изучить богатейшие рукописные списки произведений поэта, хранящиеся в библиотеках стран Востока и Запада.

Литературное наследие поэта стало в настоящее время достоянием миллионов людей, его стихи зазвучали на многих языках народов нашей страны и завоевали их любовь и признание.

Гуманистическая поэзия Насими близка и созвучна стремлениям и чаяниям всего прогрессивного человечества, борющегося за мир, демократию, равенство, братство, и Насими, воспевавший разум и красоту Человека в пору его величайшего унижения, занимает почетное место в ряду корифеев мировой литературы и культуры.

⁹ *Имадэддин Нэсими*. Эсэрлэри. Үч чилддэ. Елми-тэнгиди мэтн. Тэртиб едэни Чаһанкир Гәһрәманов, редактору Һәмид Араслы, мэтнин хәттаты Г. А. Дирабади. Бақы, 1973.

¹⁰ *Имадэддин Нэсими*. Сечилмиш эсэрлэри. Тэртиб едэни Һәмид Араслы, редактору Чаһанкир Гәһрәманов. Бақы, 1973.

¹¹ *Насими*. Лирика. Перевод Н. Гребнева и К. Симонова с азербайджанского и фарси. Вступительная статья Мирзы Ибрагимова. Составление и примечания Вагифа Асланова. М., 1973; *Имадэддин Насими*. Избранная лирика. В двух томах, т. I. Редакторы В. Асланов, А. Плавник. Баку, 1973.

В. И. АСЛАНОВ

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ИМАДЕДДИНА НАСИМИ

Heç kimsä Näsimi sözüni k'äşf edä bilmäz
Bu guş dilidir, bunu Sülejman bilir an'zag

'Никто не в состоянии раскрыть [смысл] слов Насими,
Его язык — язык птиц, его поймет только Сулейман'.

Насими

Выдающийся поэт и мыслитель-пантеист средневекового Востока Имадеддин Насими вошел в историю мировой литературы как великий гуманист, бесстрашный борец за торжество справедливости, воспевший в мрачную эпоху разгула религиозного фанатизма Человека и его Разум, более того, объявивший человека бессмертным и равным самому богу. И эта последняя идея проходит красной нитью через все творчество поэта.

Как известно, Насими свои произведения создавал на азербайджанском, арабском и персидском языках. По совершенству поэтической формы, лирическому богатству, архитектонике стиха, его мелодичности произведения Насими стоят на уровне самых высоких образцов классической восточной поэзии.

Однако поэтический мир Насими настолько сложен для восприятия, что проникновение в содержание многих его стихов, верное истолкование их смысла зачастую бывает доступно лишь специально подготовленному исследователю. Это хорошо понимал и сам поэт. Об этом говорит поставленное эпиграфом к настоящей статье двустишие Насими. Ниже нам хотелось бы обратить внимание читателя именно на указанное обстоятельство.

В начальный период своего творчества Насими проповедовал суфийские идеи Мансура Халладжа, а затем стал одним из вождей хуруфизма — мистико-пантеистического течения, возникшего в Азербайджане в конце XIV века и ставившего своей целью борьбу против монгольского ига, гнета местных феодалов и засилья исламского духовенства. В связи с этим поэзия Насими насыщена сложной суфийско-хуруфитской символикой. В его произведениях, как и в произведениях других суфийских и хуруфитских поэтов, образ не являлся чем-то самодовлеющим, «назначение его — служить только своего рода словесным иероглифом, значком, прикрывающим собой истинное философское значение»¹. Однако наше знание суфийской и хуруфитской поэзии совершенно недостаточно для

¹ Е. Э. Бертельс. Суфизм и суфийская литература. М., 1965, стр. 109—110.

того, чтобы мы могли верно ее толковать. И, по-видимому, пройдет немало времени, прежде чем будет разрешена эта проблема на основе четких научных критериев, а не при помощи художественного чутья, как это было до сих пор².

Отсутствие соответствующих терминологических и философских словарей еще более затрудняет понимание смысла поэтического текста поэтов данного направления. Так, например, философ Газали в «Трактате по теологии» («Аль-Рисалат аль-ладунийя») пишет: «Употребляя слово *g'awhaq*, философы подразумевают одно, суфии — другое, а мутекаллимы (т. е. исламские философы-теологи. — В. А.) — третье»³.

Следует иметь в виду и то обстоятельство, что язык классической литературы большинства тюркских народов, в силу известных исторических причин, представляет собой конгломерат трех языков — тюркского, арабского и персидского. Знание этих языков совершенно необходимо для изучения творчества средневековых тюркских поэтов.

Для понимания же поэзии Насими, наряду со знанием названных выше языков, суфийско-хуруфитской символики, требуется еще и знание Корана, библейских и коранических легенд, хадисов (предания о деяниях пророков) и восточной мифологии. Наконец, следует самым внимательнейшим образом вчитываться в текст, что, к сожалению, не всегда делается. Так, для усиления аргументации в пользу того, что Насими выступал против ортодоксального ислама, составной редиф в одной из газелей Насими — *mān müsälman ölmänäm* 'я — мусульманин, не умру' интерпретируется как *mān müsälman olmanam* 'я не стану мусульманином'⁴. Однако, выступая против целого ряда положений ортодоксального ислама и его служителей, Насими, подобно тому как это делали все суфии и хуруфиты, не раз заявлял, что он мусульманин:

Oldämki üzun g'ormüşäm, jüz jerdä säzdä gylmyşam,
İman şahadät etmişäm, andan müsälman olmuşam

'Со времени, как я узрел лик твой, в ста местах я поклонялся (ему),
Засвидетельствовав (тем самым) веру, затем стал мусульманином';

K'äbä jüzühdür žanyma, ešg ilä mäsžudäm aña,
Ej zülfi k'afir, g'ör, peža g'erçak' müsälman olmuşam

'Лик твой — Кааба для моей души, я любящий поклонник его,
О ты, чьи волосы — иноверье, взгляни, каким истым мусульманином я стал'.

Насими стремился к свободному и наиболее полному выражению своих пантеистических воззрений, что, однако, было возможно осуществить лишь не выходя за рамки традиционной суфийской и хуруфитской терминологии и основных установлений ислама⁵.

Приведем несколько бейтов из произведений Насими с тем, чтобы показать, в чем же заключается трудность понимания текста великого мастера слова.

Одна из ранних газелей Насими начинается строкой:

Ej saçuñ vä-l-lejl iza jävša, jüzühdür vä-z-züha.

'О ты, чьи волосы — «Клянусь ночью, когда она покрывает», чей лик —
«Клянусь утром»' (досл.).

² См.: Е. Э. Бертельс. Указ. раб., стр. 110.

³ Цит. по: Suheil M. Afnan. Philosophical Terminology in Arabic and Persian. Leiden, 1964, стр. 100.

⁴ См.: Мирзэ Аббаслы. Јүксәк бәшәри дүшүнчәләрни көркәмли тәрәннүмчүләри. — «Насими» (мәгаләләр мәчмуәси). Бакы, 1973, стр. 159.

⁵ Ср. также: Е. Э. Бертельс. Указ. раб., стр. 419.

В данном случае поэт отказывается от традиционного в восточной поэзии прямого сопоставления «волосы — ночь» и уподобляет волосы героини ночи из 92-й суры Корана, целиком цитируя ее первый стих, а лик ее — утру из 93-й суры. Возникает вопрос: в чем смысл такого уподобления?

Как известно, волосы в суфийской поэзии являются символом противоречивого мира, фантазмагорий; мир этот настолько неясен и запутан, что постигнуть его до конца невозможно, познавать его — значит смущать свое сердце, и поэт-суфий поэтому не должен пытаться проникнуть в тайны этого противоречивого мира⁶. Цитируя же Коран, Насими как бы подчеркивает то, что в данном случае слово «волосы» употребляется в прямом (истинном!) значении, и, следовательно, газель поэта обращена не к мнимому, а к реальному герою.

Нередко Насими творчески использует заимствованную из Корана или хадиса мысль. Иногда он использует лишь часть фразы или даже одно слово из нее, всецело полагаясь на догадливость просвещенного читателя. Вот, к примеру, варианты употребления Насими стиха из Корана:

K'üllü şe'j'in halik'un la rajbâ illa važhuhu:
K'im galybdyg mân galam dünjada hejju pajidar

'Все сущее смертно, вне сомнения, кроме его лика,
Кто остался, чтобы я тоже остался в этом мире вечно живым';

K'üllü şe'j'in halik'un vâžhindân ajry šäk' däg'ül,
Ej hidajât šam'i jüzün, vej saçyñ häbl-ül-mâtin

'Все сущее смертно, вне сомнения, кроме твоего лика,
О ты, чей лик — свеча наставления (на путь истины), чьи волосы —
крепкая вервь';

La rajbâ illa važhuhu g'âldi anyñ važhindâ uš

«...Вне сомнения, кроме его лика» ниспослано в честь ее лика'.

Только в первом из приведенных трех примеров стих Корана передан без каких-либо изменений; во втором примере последняя часть стиха передана на азербайджанском языке. Если в Коране местоименная энклитика относится к третьему лицу единственного числа, то во втором примере поэт сознательно заменяет его вторым лицом единственного числа. Таким образом, поэт приписывает бессмертие лику своей возлюбленной, поэтому в дословном переводе на русский язык эта строка звучит так: «Нет сомнения, что все сущее смертно, кроме твоего лика». Это позволяет выявить еще одно значение слова *ajru*, не зафиксированное во многих словарях. Сопоставление последнего примера с арабским вариантом позволяет заключить, что *ajru* здесь выступает в значении «кроме», хотя не исключено и иное толкование данной строки: «Несомненно, все сущее смертно вдали от твоего лика».

В третьем же примере Насими элиминировал первую, основную часть стиха корана: «Все сущее смертно».

В строке *K'üllü şe'j'in halik' oldu galdy illa vâžhuhu* поэт отказывается от вводного слова «несомненно» и, включая в предложение глаголы *ol-* и *gal-* с аффиксом прошедшего категорического времени, как бы констатирует уже свершившийся факт. Дословный перевод данной строки на русский язык таков: «Все сущее погубло, остался лишь лик его». Араб-

⁶ См.: Е. Э. Бергельс. Указ. раб., стр. 109—126.

ская отрицательная частица *illa* в данном случае выступает в значении «лишь».

Насими в своих газелях, касыдах, месневи и рубаи весьма часто обращается к коранической легенде о встрече пророка Моисея с богом. Например:

Turi-Musada bir vārāg' buldum,
Jazyly xətti lān-tāra gördüm

'На горé Моисеевой Синай я нашел один лист
И увидал написанное на нем lān-tāra';

Sövgän tārani sirrini mən söjläjədim nejləjim
Mährəm bu Turuñ sirrini Musa ibni Imran g'arāk'

'Я бы рассказал тайны tārani с готовностью, но что мне делать,
Ведь тайну этого Синая можно доверить лишь Моисею, сыну Имрана';

Ägni mənəm, hejran mənəm, dārd ilä dərman olmuşam

'Я — ägni, я же очарован, я стал (одновременно) и недугом и (его)
лекарством'.

Во всех приведенных примерах Насими имеет в виду 139-й стих седьмой суры Корана, в котором говорится о беседе бога с пророком Моисеем. Моисей обращается к богу: ägni, то есть «Дай мне посмотреть на тебя». Бог отвечает: «Ты меня не увидишь» («lān-tārani»). В первом из приведенных примеров Насими элиминировал местоименную энклитику *-ni*, во втором — отрицательную частицу *lān* 'не'. Поэтому в первом примере *lān tāra* переводится как «не увидишь», во втором же — «меня увидишь».

Приведем еще одно двустишие и его дословный перевод на русский язык:

Xilgāti-äflak'ä sänsän vasitə nuri-ilah,
Nām sāniñ šā'niñdā münzal oldu: «löv lak'ä läma»

'Ты являешься причиной создания небес, о божественный свет,
И в твою честь ниспослано: «Если бы не ты, я не создавал бы небес'.

В данном случае Насими приводит только первую часть сложного предложения из текста Корана. Полностью это предложение выглядит в Коране так: *Löv lak'ä läma xäləgtü-l-äflak'ä* 'Если бы не ты, я не создавал бы небес'.

В творческом наследии Насими немало подобных бейтов, и, как уже отмечалось, без знания Корана, хадисов, восточной мифологии их трудно понять и анализировать.

Поэтическая речь Насими насыщена стилистическими фигурами и образными выражениями. Средства поэтического выражения, в зависимости от создаваемого поэтом образа, меняются, варьируются. Эмоциональность в поэзии Насими органически сочетается с логикой: как правило, из одного сравнения логически вытекает другое, одна метафора предопределяет другую.

Поэзия Насими — это поэзия мысли. Именно поэтому каждая строка поэта требует чуткого проникновения в выражаемую мысль и, разумеется, соответствующего комментария:

När kim ajdyr Adämi damä buragan buydadyr
Görmämişdir lalägün jüzündä mişk'in danäji

'Тот, кто говорит: «Адам оказался в аду из-за пшеничного зерна»,
Не видел на твоём подобном розе лике зерна, источающего аромат мускуса».

В этом бейте, используя традиционный образ «родинка—зерно», Насими смог передать сущность легенды об изгнании Адама из рая. При этом, сравнивая родинку своей возлюбленной с райским запретным плодом, поэт придает своим стихам особую эмоциональную выразительность.

В одном из бейтов другой газели поэт вновь возвращается к этой теме:

Türreji-änbärfäšan ömrüm şäbi-jeldasydyr
Hülgümüzdä hälgä täk' ol k'afirih sevdaydyr

'Благоухающие локоны ее — долгая ночь моей жизни,
Кадык в нашем горле — любовь к той иноверующей».

Согласно легенде, райский плод застрял в горле Адама, чем и объясняется наличие кадыка у мужчин. Во многих языках мира кадык носит название «адамова яблока». Используя легенду в своей газели, Насими тем самым подчеркивает, что истинно любящий должен быть способен ради своего чувства пойти на любые муки и жертвы.

Одна из особенностей поэтического мастерства Насими заключается в использовании гипербол для иносказательного описания личных страданий и горестей. Благодаря этому примеру поэт достигает высокой поэтизации образа:

Gözümdän inži dişläriñ häjaly
Görän ajdyr g'öhär därjaja düşmüş

'Кто видит отражение твоих жемчужных зубов в моих глазах,
Говорит: «Жемчуг попал в море»».

В бейте поэт метко уподобляет зубы возлюбленной жемчугу, а свои глаза морю, тем самым как бы говоря о «море слез», пролитом им в разлуке с любимой.

Как известно, героем любовной лирики поэтов Востока, как правило, является влюбленный, безмерно страдающий в разлуке с возлюбленной. Здесь поэты обычно не скупятся на гиперболы: печаль героя «неизбывна», слезы его предвещают «всемирный потоп», вздохи его «превращаются в пламя, испепеляющее и самого влюбленного, и все сущее на земле». Поэты безнадежно умоляют возлюбленную сжалиться над ними. Все подобные произведения проникнуты духом пессимизма.

Тоска по возлюбленной, слезы любви находят свое выражение и в лирике Насими. При этом поэт в выражении страданий влюбленного достигает исключительной поэтической силы. Но поэта не гнетут слезы, проливаемые из-за возлюбленной, его любовь пронизана светлым чувством, полна веры.

Насими пишет:

Ejnim içindä gamätiñ sädräsi mäsk'än ejlädi,
Sädrä häm anda jaraşyr k'abi-rävan içindädir

'Лотос твоего стана избрал обителем мои глаза,
Лотос прекрасен тогда, когда он в текучей воде».

Эти строки по мысли созвучны приведенным выше. Поэт растроганно (до слез) восторгается красотой стана возлюбленной. В подобных стихах Насими нет и намека на грусть и пессимизм.

Применяя часто антигетический параллелизм как стилистическую фигуру, Насими добивается высокой эмоциональной напряженности стиха. Напевность и музыкальность в подобных стихах достигается как путем повторения личного аффикса первого лица единственного числа, присоединяемого к словам, выражающим противоположные понятия, так и с помощью повторного употребления слова *māpāt*:

Nuh ilä tufan mänäm män, häm näžatam, häm hälak'
Häm jāmām, häm g'övhäräm, häm ol jāmiñ mābhurijäm.
Häm fägiräm, häm dilänçi, häm mälik häm padšah,
Häm mänäm ustadi — sün'ät, häm anyñ müzdurijäm

'Я — Ной и потоп, я — спасение и гибель,
Я — океан и жемчуг, я — захлебывающийся в том океане,
Я и беден, и нищ, я — и правитель, и шах,
Я и учитель ремесла, и учащийся ему'.

Судя по дошедшим до нас произведениям поэта, Насими был для своего времени энциклопедически образованным человеком, изучил многие науки, развивавшиеся тогда в странах средневекового Востока. Повидимому, поэт был хорошо знаком и с работами арабских филологов.

Насими писал:

Asli dänidir dünjanyñ zatindä jogdur bir äliif,
Tärk'ibinä g'äl bag anyñ šol javü nunü dalinä

'Корнем *dünja* (мира) является *däni* (подлый), в содержании его нет ни одного алифа,
Взгляни на состав [звуковой] его, на его ja, mim, dal';

Gamätin gopdu gijamät ejlädi

'Стан твой (*gamät*) совершил *gijamät* (светопреставление)'.

В приведенных примерах Насими исходит из того, что слова типа *däni* 'близкий', 'подлый' и *dünja* 'мир', а также *gamät* 'стан' и *gijamät* 'светопреставление' восходят соответственно к одному и тому же корню.

Нередко Насими в одном и том же бейте выражает две самостоятельные законченные мысли, причем мысль второй строки логически связывается со смыслом первой, развивая его и придавая ему законченность. Часто в подобных случаях Насими намекал на политические события своего времени, выражая при этом и свое отношение к ним:

Munävvär äbhärin türki evin jäymalady ägliñ
Moşol här ganda varyrsa düšär taražü jäymajä

'Подобные нарциссу светлые глаза твои опустошили обитель разума:
Куда бы ни отправились монголы, начинаются грабеж и разбой';

Zülf tayytmyş rux üzrä örtär imany, mäg'är
Ruma g'älmiş k'afäri-çin çaräti-iman ücün

'Рассыпав волосы на лицо свое, она укрывает веру,
Разве китайский иноверец прибыл в Рум с тем, чтобы ограбить веру'.

В приведенных примерах слова *türk'*, *moşol* и *çip* — не только названия народа и страны, но имеют переносный смысл: *türk'* 'красивый', 'красавица', *moşol* 'символ красивых глаз'. Что же касается слова *çip*, то, ассоциируя его с волосами красавицы, Насими подразумевает под ним

«китайский мускус» — высоко ценимое в средневековье ароматическое вещество.

Приведенные выше примеры из газелей Насими указывают на то, что многие стилистические приемы, используемые Насими в его произведениях, могут служить предметом самостоятельного исследования. Однако приходится с сожалением констатировать, что в данном аспекте творчество Насими по-настоящему еще не изучено.

Язык произведений Насими предоставляет в распоряжение ученых огромный материал для изучения фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики азербайджанского языка XIV—XV веков. В какой-то мере исследована лексика произведений Насими, однако остальные проблемы все еще ждут своего исследователя.

Имя Насими стоит в одном ряду с именами самых выдающихся классиков мировой поэзии, поэтому изучение его поэтического наследия во всех возможных аспектах является делом чести советских ученых и в первую очередь азербайджанских.

С. Н. ИВАНОВ

ЛИРИКА НАСИМИ И ВОПРОСЫ ЕЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ИСТОЛКОВАНИЯ

Творческий подвиг Насими ставит его в один ряд с великими поэтами — реформаторами национальных языков и литератур. Интерес к его творчеству за пределами тюркоязычного мира выдвигает проблему большой важности — проблему воссоздания его поэзии на других языках. Естественно, что для советской литературы задача прежде всего заключается в создании полноценных переводов поэзии Насими на русский язык.

Теория перевода у нас в стране и за рубежом достигла в последние десятилетия больших успехов и стала самостоятельной отраслью филологической науки. Однако сказанное относится главным образом к области западных языков и литератур. Поэтому тюркологам предстоит еще создать основы теории перевода с тюркских языков. Эта задача является тем более актуальной, что число выполненных переводов — прозаических и поэтических — с тюркских языков на русский язык огромно, и настало уже время для их критического и теоретического осмысления.

Значение поэтического перевода, как известно, исключительно велико. Поэтический перевод, если не рассматривать его как рифмирование подстрочников, а подходить к нему с высокими требованиями верности оригиналу и художественности воссоздаваемого на другом языке текста, предстает как творческий акт художественного истолкования переводимого поэтического произведения.

Традиционное понятие истолкования текста отождествляется обычно с понятием так называемого филологического перевода, то есть перевода, адекватно передающего содержание текста безотносительно к его художественным особенностям, которые в этом случае не воссоздаются, а могут быть лишь описаны отдельно от текста. При этом художественным средствам, если они не являются предметом специального изучения, уделяется весьма незначительное внимание. Художественный перевод поэтического произведения, выполненный на достаточно высоком уровне, можно рассматривать как художественное истолкование текста: поскольку переводчик должен передать текст, он не может не быть истолкователем его содержания, а поскольку он должен его воссоздать как поэтическое произведение, он не может не быть истолкователем его художественной структуры.

Переводчик, воссоздавая текст, должен разобраться не только в его содержании, но и в совокупности всех вопросов, имеющих отношение к композиции, поэтике и другим его художественным особенностям. Воссоз-

данное на другом языке художественное подобие оригинального поэтического произведения, предстающее перед читателем как художественное произведение и, следовательно, служащее эстетическим и познавательным целям, должно быть по существу своей художественным единством, которое утверждает и несколько более широкие цели художественного истолкования текста. Иначе говоря, переводчик, предназначая свой труд для читателя, вместе с тем должен решать и другие проблемы и задачи, поскольку его работа связана с осуществлением определенных принципов, подчас не осознаваемых «рядовым» читателем. Эти принципы служат важному делу отыскивания переводчиком «ключа» к воссозданию содержания в его единстве с формой применительно к тому или иному жанру данной литературы. Эта проблема при ближайшем рассмотрении оборачивается отношением поэта-переводчика к художественным средствам поэтики автора оригинала (размеру и ритму, интонации, образной структуре, строфике, рифме, редифу и т. д.) и их воспроизведению. Совершенно ясно, что решение столь сложной задачи возможно лишь на основе развитой теории и определенных принципов.

Среди тюркологов распространено своеобразное недоверие к целям и возможностям поэтического перевода и, соответственно, скептическое отношение к теории перевода. Думается однако, что подобное недоверие связано с преувеличением условности художественного перевода и забвением условной природы искусства в целом, то есть во всех его проявлениях. «Вторичный» характер перевода как искусства делает его в какой-то мере сходным с такими разновидностями «вторичной» художественной деятельности, как исполнительское мастерство, искусство экранизации литературных произведений, создание оперных или балетных либретто на основе известного литературного сюжета и т. п. Критики «иррациональности» поэтического перевода должны считаться и с тем, что спрос читателя на восточную поэзию очень велик и практика перевода развита чрезвычайно широко. Естественно, что в этих условиях тюркская филология не может оставаться безучастной к разработке основ теории перевода с тюркских языков. Понятно, что источником упомянутого скепсиса является обилие рифмованных «переложений» тюркоязычной поэзии, не имеющих ничего общего с оригиналом. Однако именно тюркская филология должна помочь практике поэтического перевода в повышении его уровня.

Ниже будут рассмотрены некоторые вопросы, связанные с особенностями поэтики Насими, и возможные принципы переводческой интерпретации лирики великого поэта.

Самым ярким свойством поэзии Насими является ее неповторимое художественное своеобразие. Следует особо подчеркнуть, что самобытный стиль у поэта, слагавшего стихи в традиционных жанрах ближневосточной лирики, — достоинство высшего порядка: надо было обладать незаурядным поэтическим мастерством, чтобы в рамках жанров с чрезвычайно детализированной регламентацией структуры образов, тропов и рифменного оформления создавать художественные произведения оригинального звучания и высокой эстетической ценности.

Значительная часть газелей Насими¹, как это предписывалось канонами жанра, обращена к идеалу любви и посвящена воспеванию предмета страсти или описанию страданий любящего сердца. Но Насими находит выразительные художественные приемы и средства для того, чтобы разнообразить художественную структуру газели и ее эмоциональный настрой. В этом плане интересны газели, состоящие сплошь из обраще-

¹ В данной статье речь идет о тюркоязычном творчестве Насими.

ний к возлюбленной. Так, например, в газели с первым бейтом: «*Никарым, дилбарим, жарым, энисим, мунисим, чаным, Рафигим, хамдэним, өмрум, раваным...*» («Красавица моя, моя чаровница, возлюбленная моя, друг мой, подруга моя, душа моя, Спутница моя, наперсница моя, моя жизнь, исцеление бед моих...»)², состоящей из семи бейтов, содержится шестьдесят девять обращений, сгруппированных с большим искусством по смыслу и звучанию. К названной газели по типу примыкают и две другие, в которых данная структура варьируется.

В газели «*Еј күлүм, еј сунбүлүм, еј сүсэним, еј энбарим, Еј мэним нүгелим, мэјим, һаббим, нэбатим, шәккәрим...*» («О моя роза, о гиацинт мой, о лилия моя, о моя амбра, О сладость моя, хмель мой, нектар мой, шербет мой, сахар мой...») набор обращений (а их сорок пять в семи бейтах!) в принципе иной — «растительный», а в газели «*Бүтүм, рәһбаным, дәјрим, сәлибим, диним, иманым, һәбибим, раһәтим, руһум, рафигим, мунисим, чаным...*» («Кумир мой, обитель моя, идол мой, вера моя, вероисповедание мое, Возлюбленная моя, покой мой, дух мой, друг мой, подруга моя, душа моя...») «любовный» набор обращений («друг», «возлюбленная», «кумир») сочетается с «растительным» («роза», «тюльпан», «рейхан») и с «духовно-интеллектуальным» («вера», «разум», «молитва»). Эти газели отличаются необычайной музыкальностью и благозвучностью. Их лексическое и звуковое богатство в сочетании с настойчиво акцентируемым обращением способствует своеобразному нагнетанию эмоционального напряжения в стихах и созданию завораживающей интонации.

Другим своеобразным приемом, применяемым Насими для усиления музыкального звучания газели, являются повторы — прямые и обратные. На прямом повторе начальных слов каждого стиха строится газель со звуковым строем необычайной красоты: «*Кәтир, кәтир, кәтир ол кәсеји-раванпәрвәр, Көтүр, көтүр, көтүр ол чәнки пүр нәва көстәр...*» («Поддай, поддай, поддай ту чашу, что живит дух, Возьми, возьми, возьми тот чанг, что полон напевов...»). В газели с обратным повтором слова в пределах стиха размещены по схеме 1 2 3 3 2 1: «*Нушин ләбинин лә'ли, лә'ли ләбинин нушин, Ширин көрәрәм чандан, чандан көрәрәм ширин...*» («Сладостных уст твоих рубин, рубин уст твоих сладостных, Сладше для меня он жизни, Жизни для меня он сладше...»). Это — тоже творческое новшество Насими. Такая последовательность повторяемых слов, насколько нам известно, до Насими в газелях не встречалась.

Для газелей Насими характерно высокое совершенство формы: игра слов, внутренние рифмы, чеканная отточенность конечных рифм. Вот, например, образцы игры слов:

- а) *Һәр гәзанын охуна гылдын нишанә сән мэни,
Ол нишаны бинишан етмәк диләрсән, етмәкил...*

‘Для каждой стрелы рока ты сделала меня целью,
И эту цель ты хочешь сделать беспечной, — о, не делай этого...’;

- б) *Чанымын чана вусалын чан ичиндә чаныдыр,
Чанә чану чанә чану һәм чананыдыр...*

‘Душе моей души свидание с тобой — словно сама жизнь в душе,
Она — душа душе и сама жизнь для жизни и к тому же еще и красавица...’.

Внутренние рифмы придают особую красоту великолепной и по содержанию газели «*Мәнәм ол тилсими-пунһан ки...*» («Я — тот тайный талисман...»):

² Начальные строки газелей даются здесь в прозаическом подстрочном переводе.

*Бу тилсими чунки ачдым, зүлматә нури сачдым,
Бу нечә магами кечдим ки, бу чисмү чанә кәлдим...*

‘Когда я раскрыл этот талисман, я рассеял свет во мраке,
Сколько я миновал пристанищ, прежде чем воплотился в это тело и в эту душу...’

Высокая техника конечных рифм у Насими может быть показана на примере уже цитированной газели с обратным повтором слов, где в шести рифмующихся строках употреблены различные части речи в разных грамматических формах: *нушин* (прилагательное), *ширин* (прилагательное), *рәнкин* (имя существительное с аффиксом принадлежности 2-го лица ед. числа), *чәкдин* (глагольная форма прошедшего времени, 2-е лицо ед. числа), *тәһсин* (имя существительное в основном падеже), *устин* (служебное слово).

Особенности поэтики Насими требуют пристального изучения. Выше приведены лишь образцы поэтического мастерства Насими. Главный же интерес представляет не выявление частных особенностей, а установление возможных принципов подхода к переводческому воссозданию газелей Насими как особого жанра, получившего своеобразное выражение и звучание в творчестве великого поэта.

Для попыток воссоздания газелей Насими весьма существенное значение имеет глубокое понимание переводчиком особенностей жанра газели, его художественного смысла и назначения, культуры и эстетики. Это обстоятельство приходится особо акцентировать, так как при широком размахе переводческой работы встречаются еще, к сожалению, ремесленные поделки и переложения газелей с подстрочника, выполненные людьми, не только не знающими языка оригинала, но и не утруждающих себя уяснением, хотя бы по специальной литературе, специфики газели как жанра³.

Известно, что истолкование культур прошлого всегда являлось одной из главнейших задач гуманитарных наук. В ряду гуманитарных дисциплин филологии отведена труднейшая задача исследования и эстетического освоения поэтической (в широком смысле) культуры минувших веков⁴. Если при этом признавать, что в основе перевода как творческой художественной деятельности должно лежать научное понимание текста, то неизбежно и признание важнейшей роли научного филологического анализа в работе поэта-переводчика.

Только внимательное чтение газелей Насими и других поэтов позволяет отказаться от примитивного представления о газели как о традиционном жанре «любовной лирики» и воспринять этот литературный жанр во всем его своеобразии. Газель — разновидность экстаической лирики, в которой, однако, экстаическое эмоциональное начало находится в «глубинной», если можно так выразиться, гармонии с рациональным подтекстом. Именно в этом следует видеть специфику газели.

Образный строй газели характеризуется присущими ему канонической традиционной символикой и регламентированным литературным этикетом выражений и тропов⁵. Не усвоив этих особенностей газели, не стоит и приниматься за перевод (и тем более за переложение подстрочника в стих). Оценивать газель следует по тем законам, которые были установлены для нее традицией, а не на основании предвзятых и наив-

³ См.: С. Иванов. Ответственность переводчика. — «Звезда Востока», 1972, № 6, стр. 167—175.

⁴ О проблемах этого плана см.: Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, стр. 364—370.

⁵ О литературном этикете см.: Д. С. Лихачев. Указ. раб., стр. 112—114.

ных представлений, порождаемых примитивной модернизацией и переключением смыслового звучания газели в иной регистр⁶.

Переводчику газели необходимо постичь природу бейта, выполняющего в составе газели сложную двуединую функцию, являясь и строфической, и образной единицей. Сущность бейта в газели диалектически противоречива: с одной стороны, бейт стремится к автономности, к афористической замкнутости, к закругленности и завершенности формы; с другой стороны, бейты, составляющие газель, связаны между собой не только единой, пронизывающей всю газель, рифмой, но и тончайшими смысловыми переходами, ассоциативными «зацепками» отдельных слов и образов и, что самое главное, иногда трудно уловимой, но, несомненно, существующей смысловой доминантой⁷. Эту последнюю переводчику подчас приходится в буквальном смысле слова открывать в оригинальном тексте для того, чтобы сознательно воспроизвести ее в переводе.

Вот образец газели, где связь бейтов не столь очевидна, как в других газелях⁸:

*Лә'ли набун чешмәсиндә аби-һәјван кизлидур,
Дүрчи-јагутунда еј чан дүррү мәрчан кизлидур.*

*Ләбләрин ширин даһанын ол әкәрчә сөзлә
Ачар әсрарын вәлакин сирри-пунһан кизлидур.*

*Чанымун чаны гәмүндур шул сәбәбдән,
Шад олур чанум ки чанда даим ол чан кизлидур.*

*Шул чанун гәмзәји ким, чаныма урду көзүн,
Ган кедәр жүрәкдән әмма зәхми-пунһан кизлидур.*

*Әнбәрин зүлфүндә јүзүн кизләнүрсә не әчәб,
Шәб нигабиндә һәмишә маһи-тәбан кизлидур.*

*Еј тәбиби-ам әлүн чәк чарә гылмагдан бана,
Ашигүн чаниндә даим дәрди-чанан кизлидур.*

*Ганы олду дәрдлә сәндән Нәсими еј никар,
Шул сәбәбдән ким, сәнин дәрдиндә дәрман кизлидур.*

‘Живая влага в яхонт губ, словно родник, сокрыта,
Нить перлов-зубок в ларчик уст, как бы в тайник, сокрыта.

Ты молвишь слово — и уста лишь приоткроют тайну,
А тайна тайн, чтобы никто в нее не вник, сокрыта!

Душа моей души — с тобой, и, по тебе горя,
Я рад душой: твоя душа в ней каждый миг сокрыта!

Лукавый взор твоих очей мне тайно ранит душу,
И кровь течет, а ран — и нет, и явь улик сокрыта!

Когда во мрак твоих кудрей ты прячешь лик, — не диво:
Из-под завесы тьмы луна блеснет — и миг сокрыта!

О лекарь, и не тщись лечить мое больное тело:
Страдание любви в душе у горемык сокрыто.

С мученьями любви к тебе дух Насими смирился:
В них сила исцелять недуг, что нас постиг, сокрыта!

Связь между бейтами приведенной газели основана не на «сквозном» развитии или последовательном раскрытии лирического содержания. Характер соотношенности бейтов здесь можно сравнить с последовательностью аккордов, сопряженных друг с другом единой тональностью

⁶ См.: С. Иванов. Указ. раб.

⁷ См.: Ян Рипка. История персидской и таджикской литературы. М., 1970, стр. 110.

⁸ Стихотворные переводы газелей Насими, цитируемые здесь и ниже, выполнены автором настоящей статьи.

(редиф «кизлидур») и вариативной разработкой образов, которые, в свою очередь, ассоциативно связаны между собой по содержанию и тождественны противопоставлением стихов по признаку «явное—тайное».

№№ бейтов	Образы	Связь стихов в бейте	Связь бейтов
1	а) уста—родник б) перлы—тайник	явное— тайное	уста—уста
2	а) раскрытые уста б) сокрытая тайна	явное— тайное	
3	а) душа—печаль б) душа в душе	явное— тайное	душа—раны души
4	а) коварный взор б) сокрытые раны	явное— тайное	
5	а) лик во мраке кудрей б) луна под покровом ночи	явное в тайном явное в тайном	тайна—явь
6	а) обращение к лекарю б) страдания души	явное— тайное	
7	а) покорность, смирение любви б) исцеление — в страданиях	явное— тайное	страдание— смирение

Но даже и в тех газелях, которые по характеру развития образов внешне могут быть сопоставлены с европейскими образцами лирики, есть своя гармония бейтов, свой «контрапункт»:

*Мөвсими-новрузу нејсан ашикар олди јена,
Шәһримиз шејхи бу күн хош бадәхар олди јена.*

*Ғончәдән күл баш чыхарды, салды јүзүндән ниғаб,
Булбули-шејда хәтиби-лаләзар олди јена.*

*Көһнә дүнја јени хәләт кејди бу мөвсимдә уш,
Чәһрәси дәври бу күн нәгшү никар олди јена.*

*Нәркиси көр чам әлиндә меј сунар арифләрә,
Чүмләсин мәст ејләди, кәндү хумар олди јена.*

*Бадә ичмәк рөвзәдә көр сән диләрсән һур илә,
Јар әлин дут бағчаја кир нобаһар олди јена.*

*Сағија, чами кәтүр ким, мән ушатдым төвбәми,
Көһнә тәғвимим мәним бие'тибар олди јена.*

*Сән Нәсими разини, еј дан јели, јара јетүр,
Ким, анын һалы пәришани-бигәрар олди јена.*

Пролилась пора новруза благобною тучей снова,
Главный шейх твердыни нашей пьет нектар шипучий снова.

Распустив бутоны, розы будто с лиц завесу сняли,
Соловей в саду заводит лад хмельных созвучий снова.

Древний мир одеждой новой весь облекся в эту пору,
Лик вселенной свеж и полон красотою жгучей снова!

Посмотри: красавец-кравчий в чашах всем вино разносит,
Всех пьяня и сам пьянея, цедит хмель тягучий снова!

Хочешь выпить сок пьянящий с гурней под сенью рая —
Выйти в сад вдвоем с любимой есть весною случай снова!

О, подай вина мне, кравчий, я нарушу покаянье,
Сокрушен зарок мой давний силою могучей снова.

Насими, доверься ветру, пусть любимой тайну скажет:
Мол, подавлен он и сломлен, — пощади, не мучай снова!

№№ бейтов	Образы	Связь стихов в бейте	Связь бейтов
1	а) новруз-дождь б) вино	весна— хмель	поступь весны (усиление хмеля)
2	а) расцвет роз б) песнь соловья	весна— хмель	
3	а) зеленое одевание природы б) весенняя красота	весна— весна	пришествие весны
4	а) кравчий — вино б) опьянение	хмель— хмель	победа хмеля
5	а) вино — гурни б) весенний сад — любимая	хмель весна	господство хмеля
6	а) кравчий — вино б) победа весны над зарок	хмель весна	господство хмеля
7	а) просьба к весеннему ветру б) опьяненность весною	весна хмель	господство хмеля

Как видно из анализа двух приведенных газелей, в пределах каждого бейта стихи связаны либо контрастом, либо согласованностью образов, а бейты между собой соединены развитием основного образа, причем это развитие осуществляется как бы «толчками». Подобный анализ — лишь один из возможных путей изучения газели. Необходимы тщательные исследования газели как жанра в самых различных аспектах. С сожалением приходится констатировать, что исследований, которые вскрывали бы самую суть газелей, почти нет.

Указанные свойства строфической структуры газелей, понятые в их сущности, не требуют от поэта-переводчика преодоления каких-либо особых трудностей, кроме тех, с которыми сопряжен стихотворный перевод вообще. Но существует одна, и притом очень важная, определяющая сложность перевода газелей, которая порождает целый ряд теоретических вопросов, требующих принципиального решения. Речь идет о различии поэтик — газели как жанра и характерной для русской поэзии в ее современном звучании (ведь перевод осуществляется на современный русский язык!). Если попытаться коротко, суммарно охарактеризовать это различие, то необходимо будет учесть принципиальные расхождения в соотношении поэтических образов и языка: отвлеченные, «вневременные», абстрактные образы газели выражаются большей частью простым, почти автологическим языком; резкая остранинность изображения им обычно не свойственна. В современной же европейской поэзии конкретность, индивидуализированность образов сочетается с ярко выступающей остраничностью изображения и металогической речью. В этом плане характерны следующие бейты:

1. *Ландырды шөвгүн чанымы, еј дәрдә дәрман, гандасан,
Чанымда чан сәнсэн, вәли истәр сәни чан, гандасан?*

‘Страсть к тебе сожгла всю душу, — врач моих невзгод, ты где?
Ты — душа во мне, но дух мой лишь тебя и ждет, — ты где?’

2. *Ғәминдир көнлүмүн тәхтиндә султан,
Бир иглимә ики султан кәрәкмәз.*

‘Скорбь о тебе — моей души властитель, —
Одной державе двух владык не надо!’

3. *Ханы ол күнләр ки, кечди дилбәри-әјјәр илән,
Дилбәри кафирниһадү көзләри хунхар илән.*

‘О, где те дни, когда я был с моей возлюбленной лукавой, —
Пусть веры нету в ней совсем, пусть взор ее грозит расправой!’

Правда, и у Насими встречаются остранные до парадоксальности образы, но они единичны, и полное отсутствие аналогичных образов у других поэтов позволяет полагать, что это — принадлежность индивидуального стиля Насими. Ср., например:

1. *Истәрәм вәслин чамалын, та ғылам дәрдә дәва,
Мән сәнин бимаринәм, өзкә дәваны нејләрәм?*

‘О, как жду я свиданья — я в нем исцеленье найду,
Нет иных мне лекарств — я тобою болею, — как быть?’

2. *Дилбәр ајдыр: еј Нәсими, сәбр ғыл, етмә фәган,
Шимди әфған етмәсәм, данла фәғаны нејләрәм?*

‘«Потерпи, Насими, не стнай!» — говорит мне она, —
Если мне не стенать, я к утру онемею! — Как быть?’

3. *Һәр ким ки, сачын куфринә иман кәтирмәз,
Мәмин декул ол, динин итүрмиш, ана чох вај.*

‘Кто пред безверьем кос твоих с глубокой верой не склонился,
Увы, утратил веру он, увяз в несправедной основе!’

Эта особенность поэтики газели ставит перед переводчиком проблему принципиального значения: каким языком и какими средствами будет он воссоздавать образы — автологической речью и неостранными средствами выражения, как это свойственно газели, или металогическим языком и остранными средствами, в соответствии с духом современной русской поэзии? В первом случае существует опасность, что газель в переводе не будет звучать как стих, во втором случае газель будет явно модернизирована.

Необходимо глубокое изучение образного и языкового строя газелей, чтобы найти приемлемое решение этой дилеммы. Думается, что первый путь более правильный, но он требует мобилизации всех других возможностей перевода (например, особого внимания к технике стиха) для того, чтобы звучание стиха газели не блекло в переводе. Задачи такого рода следует решать с учетом тех выводов, которые может дать сопоставительная поэтика. Развитие теории поэтического перевода со временем неизбежно приведет к формированию сопоставительной поэтики как особой филологической дисциплины в составе теории перевода. Сопоставительная поэтика должна строиться в тесной связи с сопоставительной стилистикой, признаваемой сейчас одной из основ теории художественного перевода, опираясь при этом на изучение сопоставительной грамматики. При анализе своеобразия поэтических средств в том или

ином языке существенно иметь в виду указание Гегеля о том, что «...поэтический язык по своему происхождению... заключается не в выборе отдельных слов, не в способе их сопоставления во фразы..., но в характере и свойстве представлений»⁹.

Прямое отношение к вопросу о звучании стихов газели на русском языке имеет проблема рифмы. При соблюдении принципа эквиритмичности оригинала и перевода газели русский стих содержит до 14—16 (а иногда и до 18) слогов. Так как в газели все нечетные стихи, кроме первого, не рифмуются, при русском воспроизведении газели снижается ее слуховое восприятие как стиха. Ведь при длине стиха в 18 слогов «расстояние» между рифмами оказывается равным 36 слогам! Встречавшееся в практике перевода воссоздание газелей с парной рифмовкой стихов (то есть типа *маснави*) не оправдало себя, так как при этом газель переставала быть газелью! Следовательно, переводчик обязан найти такие изобразительные и технические версификационные средства, которые могли бы компенсировать указанную «слабость» звучания газели в переводе.

Поиски подобного рода представляются перспективными на основе принципа соблюдения в переводе рифм высокой точности, особой звучности и, может быть, даже повышенной «техничности». В газели, несомненно, присутствует своеобразная игра рифмой, любование ею. Не в этом ли и заключается, наряду с другими факторами, отмечаемый исследователями блеск газели? Поэтому и в переводе необходим тщательный выбор рифм, звучных и точных. Нам кажется, что наиболее соответствуют стилю рифменного оформления газели русские рифмы с одинаковым опорным согласным: *дорогая — отвергая — благая — постигая — тугая — слуга я — помогая; мною — неземною — глубиною — иною — ценою* и т. п.

Ян Рипка полагал, что передать блеск, присущий газели, на европейских языках невозможно¹⁰. Это суждение отвлеченно-декларативно. Наряду с упомянутыми выразительными средствами существуют, очевидно, и другие возможности приблизить звучание перевода газели к совершенству оригинала. Для этого необходимо выработать определенные принципы, которые со временем могут лечь в основу стройной теории перевода. Это возможно только в том случае, если творческие усилия работающих в области поэтического перевода с тюркских языков будут объединены, а проблемы перевода с тюркских языков станут предметом профессионального обсуждения.

Естественно, что изучение жанра газели выявит большую совокупность фактов, относящихся к творчеству самых разнообразных поэтов. Что же касается теоретического осмысления принципов перевода, то оно должно основываться на изучении этого лирического жанра в разных тюркоязычных литературах; при этом доминирующее значение для решения проблем, связанных с переводом газелей, должны иметь наблюдения над самобытным творчеством тюркоязычных поэтов масштаба Насими.

⁹ Гегель. Сочинения, т. XIV. М., 1958, стр. 193.

¹⁰ Ян Рипка. Указ. раб., стр. 112.

Дж. В. КАГРАМАНОВ

О РУКОПИСЯХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИМАДЕДДИНА НАСИМИ

Произведения великого азербайджанского поэта и мыслителя Имадеддина Насими дошли до нас в виде многочисленных списков, далеко не всегда полностью и во всем соответствующих авторскому оригиналу, что в значительной мере затрудняет правильное понимание содержания произведений поэта.

Известно немало случаев, когда произведения классиков восточной литературы за несколько веков, миновавших после их создания, подвергались столь существенным искажениям, переделке и дополнениям, что со временем весьма далеко отходили от оригиналов. Руководствуясь политическими или религиозными соображениями, а иногда и по невежеству переписчики «исправляли» поэта, «устраняли» грамматические и лексические архаизмы, дописывали или опускали некоторые строки и целые бейты. Подобной участи не избежали и многие рукописи произведений Насими.

Подлинное научное изучение поэтического наследия и творческой биографии Насими, анализ идейно-художественного содержания произведений поэта, установление сущности его эстетических идеалов и общественно-философских воззрений, оценка его роли в истории литературы средних веков возможны прежде всего при наличии достоверных текстов произведений поэта.

Интерес к творчеству Насими, основоположника высокохудожественной поэзии на родном языке, возрос в XIX—XX вв. вместе с первыми попытками научного осмысления истории азербайджанской и — шире — всей тюркоязычной литературы. За последние сто лет диван Имадеддина Насими — в относительно полном виде и частями — издавался шесть раз¹. Однако в распоряжении специалистов до сих пор нет собрания подлинных или же полностью научно восстановленных текстов произведений поэта.

До последнего времени исследователям творчества Насими приходится пользоваться текстами, изданными на основе списков его произведений, сделанных через несколько десятилетий, а то и веков, после создания оригинала, причем достоверность этих списков часто сомнитель-

¹ Диван Имадеддина Насими издавался четыре раза в Турции — в 1844 г. (дважды), в 1871 и 1880 гг. В Азербайджане издание дивана поэта было впервые осуществлено в 1926 г. Салманом Мумтазом, а в 1962 г. вышли из печати «Избранные стихи» под редакцией М. Ю. Гулизаде.

на. Поэтому, несмотря на усилия ряда поколений азербайджанских и зарубежных ученых, проблема восстановления текстов всех сочинений Насими и публикации соответствующих научно-критических текстов до сих пор остается нерешенной, хотя в этой области и достигнуты определенные успехи.

Как известно, Имадеддин Насими писал на трех языках: азербайджанском, персидском и арабском. В настоящее время мы располагаем значительным количеством достоверных рукописей азербайджанского и персидского диванов поэта, на основе которых подготовлены и публикуются научно-критические тексты². Что же касается списков произведений Насими на арабском языке, то достоверных сведений о них пока нет. Возможно, что после публикации каталогов многочисленных государственных и частных коллекций рукописей в арабских странах, Турции, Иране и т. д., обнаружатся не только списки арабского дивана поэта, но и старейшие рукописи азербайджанского и персидского диванов, наиболее близкие к первоначальному авторскому оригиналу.

Десятки известных списков произведений Имадеддина Насими хранятся в библиотеках Советского Союза, в книгохранилищах Англии, Италии, Ирана, Турции, Франции, Чехословакии и арабских стран. Среди этих рукописей имеются подлинные произведения каллиграфического искусства, принадлежащие перу крупнейших средневековых каллиграфов, и неприметные по оформлению экземпляры, переписанные малоизвестными кятибами-писцами. Составители каталогов восточных рукописей приводят сведения также о стихах Имадеддина Насими, имеющих в так называемых джунгах и сборниках, переписанных, по-видимому, по заказу отдельных любителей поэзии и поклонников творчества великого поэта.

Ознакомление с рукописями произведений Насими показало, что в подавляющем большинстве из них имеется немало пропусков, добавлений, переделок, искажений, и потому они не могут быть положены в основу научно-критического текста азербайджанского и персидского диванов поэта. Вместе с тем в рукописных фондах музеев и библиотек Советского Союза и зарубежных стран хранится небольшое число весьма достоверных и полных рукописей, которые с достаточным основанием можно считать близкими к авторскому оригиналу.

Предлагаем вниманию читателей перечень этих рукописей и краткие сведения о них.

1. В Каталоге тюркских рукописей стамбульских библиотек³ даются краткие сведения о девяти списках дивана Насими. Самым ранним из них является список, хранящийся в библиотеке Сулейманийе под № 639 (из коллекции Хеким-оглы Али Паши). Переписан изящным почерком та'лик в 895 году хиджры (1487/1488) и включает 2 месневи, 251 газель, 158 четверостиший (рубай) и тиюгов на азербайджанском и 15 четверостиший на персидском языках.

2. Художественно оформленный список, хранящийся в библиотеке Сулейманийе под № 3977 (из коллекции музея Айя-София). Выполнен почерком та'лик знаменитым каллиграфом Султаном Ахмедом Харави в 909 году хиджры (1503/1504). Список содержит персидский (л. 1—83)

² Академией наук Азербайджанской ССР в 1973 г. издан научно-критический текст произведений Насими, написанных на азербайджанском языке; в 1972 г. в Баку и Тегеране издавался персидский диван поэта.

³ «Istanbul kitaplıkları Türkçe yazma divanlar Kataloğu», I cilt. İstanbul, 1947, стр. 13—17.

и азербайджанский (л. 85—236) диваны Насими и включает 202 газели, 2 месневи, 1 кит'а, 20 рубаи на персидском языке; 373 газели, 1 месневи, 3 на'т, 2 мустазада, 3 тарджибенда, 1 кит'а и 190 тиюгов на азербайджанском языке.

Как по времени переписки, так и по полноте эти два списка дивана Насими вполне могут лечь в основу научно-критического текста произведений поэта.

3. Рукопись дивана Насими, хранящаяся в библиотеке Сулейманийе под № 366 (из коллекции Михру Мах Султана — Хосров Паши). Переписана почерком та'лик в 1236 году хиджры (1821) и включает 2 месневи, 275 газелей, 1 кит'а, 227 рубаи и тиюгов.

4. Список дивана Насими, принадлежащий Библиотеке Стамбульского университета (Г. 5677). Переписан Мухаммед Хашимом ибн Давуд Арифом в 1263 году хиджры (1846/1847) и содержит 3 месневи, 265 газелей, 1 мусаддас, 174 рубаи и тиюга, 19 муфарадов. В данном списке привлекают внимание мусаддас и муфарады, отсутствующие во многих других списках произведений поэта.

5. Рукопись дивана Насими, хранящаяся в библиотеке Салим Ага под № 97 (из коллекции Хашим Паши). Переписана почерком рига в 1304 году хиджры (1886/1887) Али Хайдаром и содержит 280 газелей поэта.

6. Рукопись дивана, принадлежащая Национальной библиотеке (№ 443, из коллекции Али Эмири Эфенди). Написана неряшливым почерком та'лик, включает 342 газели, 5 мустазадов, 171 рубаи и тиюг. Список не датирован, дефектный и не внушает особого доверия. По данным палеографического анализа, относится к XIX веку.

7. Список, хранящийся в библиотеке Сулейманийе под № 395/1 и 395/2 (из коллекции Кади-заде Мухаммада эфенди). Написан изящным почерком та'лик и включает азербайджанский (л. 1—100) и персидский (л. 101—190) диваны Насими. В него входят: 1 товхид, 1 на'т, 259 газелей, 19 кит'а. По данным палеографического анализа, список датируется приблизительно XVI в.

8. Наиболее полным из стамбульских списков произведений Насими является диван, хранящийся в Байазидской библиотеке под № 3353. Хорошо сохранившаяся рукопись написана четким почерком наста'лик и содержит по одному месневи и минаджату, несколько касид, 582 газели, 4 мустазада, 3 тарджибенда и 302 тиюга поэта. По палеографическим данным, список относится к концу XVIII — началу XIX века. В начале и конце рукописи имеются приписки, датированные 1266 годом хиджры (1849/1850).

9. Неполный, недатированный, дефектный список дивана Насими, хранящийся в библиотеке Сулейманийе под № 3851 (из коллекции Хаджи Махмуда эфенди), написан почерком насх; включает всего 37 газелей поэта.

10. Особо следует отметить список азербайджанского дивана поэта, хранящийся в библиотеке Топ-Капу Сарай в Стамбуле⁴. Этот список, судя по почерку и качеству бумаги, относится к XVII в. Однако, как явствует из рукописи, диван восходит к гораздо более раннему списку и содержит относительно полные тексты азербайджанских касид, газелей, четверостиший и других лирических стихотворений Насими.

⁴ *Fehmi Edhem Karatay*. Topkapı Sarayı Müzesi Kütüphanesi yazmalar Kataloğu, cilt II, 1961, v. 2262, h. 316.

По свидетельству современного турецкого ученого Камала Эдиба Курчуоглу, в библиотеках и музеях различных городов Турции хранится несколько рукописей произведений Насими, которые до сих пор никем не исследовались и не издавались⁵.

В Библиотеке Музея Моулана в Кони под № 2415 хранится рукопись дивана Насими, переписанная в 1035 году хиджры (1625); под № 2416 — рукопись дивана, датированная 1037 годом хиджры (1627); под № 2417 — недатированный список.

В Кони, в Городском музее и библиотеке Иззета Койуноглы, хранятся еще четыре списка дивана Насими, датируемые XV—XVII вв. [№ 7062 — XV в., № 9211 — XVI в., № 11223 — 1084 год хиджры (1673) и персидский диван под № 3781 — XV в.].

Списки диванов Насими хранятся также в Народной библиотеке Манасии (№ 2671/2, 7708) и библиотеке Археологического музея в Стамбуле (№ 1166), а также в Библиотеке Министерства народного просвещения Турции в Анкаре (№ 108, 614, 814).

По словам Камала Эдиба Курчуоглу, в его личной библиотеке имеется рукописный диван Насими, переписанный 2 августа 1465 года почерком наста'лик; текст его полностью огласован⁶.

Турецкий литературовед Мухаммад Тахир сообщает об одном автографическом диване Насими, хранящемся в Эрзруме, в библиотеке Джаннатзаде⁷. Профессор классической турецкой литературы Стамбульского университета доктор А. Карахан утверждает, однако, что ранее принадлежавшая библиотеке Джаннатзаде рукопись произведений Насими в настоящее время находится в Бодлеанской библиотеке Оксфордского университета в Англии. Издатель «Избранных стихов» Имадеддина Насими, вышедших в 1973 г. в Турции, Камал Эдиб Курчуоглу считает, что сведения об автографичности указанного дивана являются ошибочными. Этот диван, по мнению турецкого ученого, переписан приблизительно в конце XV века⁸.

Среди списков произведений Имадеддина Насими наибольшей достоверностью выделяется «Дивани-Насими эфенди», хранящийся в Каирской национальной библиотеке; его описание дано в каталоге тюркских и персидских рукописей Али Хильми⁹. Эта рукопись объемом 255 листов переписана в 941 году хиджры (1534) Ахмедом ибн Искендером.

Одна из древнейших рукописей собрания сочинений поэта (азербайджанского и персидского диванов) находится в библиотеке Иранского Сената в Тегеране. Этот список изготовлен в 910 году хиджры (1504) знаменитым каллиграфом Султаном Мухаммедом по заказу эмира Мухаммеда Темена, одного из почитателей таланта Насими. Исключительно красивый, четкий наста'лик школы Султана Али Мешхади, красивые золотые рамки, лощеная шелковая бумага, переплет с тиснением и золотыми виньетками, изящные фронтисписы и картуши с геометрическими узорами, обрамляющие названия отдельных произведений, — все это свидетельствует о том, что и сам каллиграф, и его высокопоставленный заказчик высоко ценили поэта и его творчество. Рукопись содержит также не опубликованный до сих пор текст дивана учителя Насими Фа-

⁵ «Seyyit Nesimi Divanından seçmeler». İstanbul, 1973, стр. XXVI—XXIX.

⁶ Там же, стр. XXIX.

⁷ حمد طاهر، عثمانلى مؤلفلى، ايكنجى جلد، استانبول، ۱۳۳۳، ص. ۴۳۲.

⁸ «Seyyit Nesimi Divanından seçmeler», стр. XXIX.

⁹ См.: Г. Кендли. Азербайжан классиклеринин Мисир Хидивијје китабханасында сахланылан эсерлери. — «Азербайжан ССР Елмлер академијасынын Хәбәрлери. Ичтимаи елмлер серијасы», 1958, № 3, стр. 65.

злуллаха Наими. Персидский диван включает полный текст газелей и четверостиший Насими и, вполне возможно, переписан с прижизненной рукописи поэта. Текст азербайджанского дивана, к сожалению, неполный, он содержит лишь три четверти всех произведений Насими.

Наиболее полный (более 12 тысяч строк), свободный от явных искажений и интерполяций, диван азербайджанских произведений Имадедина Насими хранится в коллекции крупного ученого Мухаммеда Нахичевани¹⁰. После его смерти эта коллекция была передана в Национальную библиотеку г. Тебриза. Рукопись дивана, написанная четким тюркским наста'ликом, кратко описана в Сводном каталоге иранских рукописей Монзави. Она не датирована и, судя по отсутствию огласовок и по ряду других палеографических признаков, по-видимому, относится к концу XVI — началу XVII века.

Другой достоверный список азербайджанского дивана Насими, содержащий более 8 тысяч строк, хранится в Секторе восточных рукописей при Президиуме Академии наук Азербайджанской ССР (М — 227/11671). Рукопись не датирована, однако почерк (тюркский насх) и полная огласовка текста по канонам правописания XV века позволяют отнести рукопись ко времени не позднее XVI века. Список содержит 201 лист, и на каждом из них имеется двенадцать бейтов газелей и восемь бейтов четверостиший. Газели и четверостишия заключены в рамки из красных линий.

Внимания исследователей творчества Насими достойны также два списка, переписанных в Азербайджане (1700) и в Бухаре (1793). Азербайджанский список хранится в Секторе восточных рукописей при Президиуме Академии наук Азербайджанской ССР (М—188/5225), а бухарский — в Ленинградском отделении Института востоковедения Академии наук СССР (В—4019).

Кроме названных рукописей, следует отметить также азербайджанский диван Насими, хранящийся в Институте рукописей при Совете Министров Армянской ССР и датируемый XVIII в. (№ 517), Рукописном фонде Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР (1877) и Рукописном фонде Академии наук Туркменской ССР (недатированный, дефектный список). В Институте рукописей Академии наук Грузинской ССР и Ленинградском отделении Института востоковедения Академии наук СССР имеются списки персидского дивана поэта.

В настоящее время мы располагаем сведениями о многочисленных списках произведений Насими, находящихся в книгохранилищах Англии, Франции, Германии, Италии, Чехословакии и арабских стран, а также включенных в отдельные литературные антологии, сборники, джунги и отсутствующих даже в наиболее достоверных и полных рукописях дивана поэта.

В нашем распоряжении имеется около 22 тысяч строк произведений Насими, написанных на азербайджанском языке, которые вошли в трехтомное собрание сочинений поэта.

Безусловно, творчество Имадедина Насими нельзя изучать на основе только азербайджанских стихов поэта. Не менее важны в идейно-художественном отношении и персидские стихи поэта (их около 10 тысяч строк). Однако, к сожалению, эти произведения, сыгравшие огромную роль в развитии литературы и общественно-философской мысли народов Ближнего и Среднего Востока, выявлены и опубликованы лишь

¹⁰ Фотокопия рукописи имеется в Секторе восточных рукописей при Президиуме Академии наук Азербайджанской ССР.

частично и пока не стали предметом специального исследования. Исключения составляют лишь отдельные фрагменты персидских газелей Насими, вошедшие в специальные сборники, хрестоматии и корпуса хуруфитских текстов.

Наиболее древние, достоверные и полные рукописи персидского дивана Насими находятся в книгохранилищах Советского Союза, Ирана и Турции. Четыре списка дивана поэта хранятся в Библиотеке Тегеранского университета, два других — в Рукописном фонде Меджлиса и Библиотеке Сената. Последний из них является наиболее полным и самым ранним (середина XV в.).

Еще одна полная рукопись персидского дивана Насими, датированная XVII в. и содержащая 12 тысяч строк, хранится в Музее Топ-Капу Сарай в Турции. На основе этой рукописи и списка Библиотеки Иранского Сената подготовлен и издан в 1973 г. в Тегеране персидский диван поэта.

Считается также, что перу поэта принадлежит прозаическое произведение под названием «Мугаддадат-уль-хагаиг», рукопись которого хранится в Библиотеке Ватиканского музея под № 315¹¹. Это произведение представляет собой хуруфитский трактат и предназначено, как отмечается в начале рукописи, служить пособием при чтении и комментировании стихов Насими. Рукопись является копией, датированной XIX веком.

«Мугаддадат-уль-хагаиг» — один из немногочисленных дошедших до нас трактатов из обширной теоретической литературы хуруфизма. В нем, наряду с изложением и комментированием лингвистической стороны учения хуруфитов и признаваемых ими ритуалов, излагаются и принципиальные положения философского пантеизма в аспекте этого религиозно-политического течения. Издание трактата сыграет, безусловно, важную роль в деле правильного истолкования содержания многих произведений Насими.

Перед учеными стоят большие задачи по выявлению, исследованию и публикации рукописей великого поэта. Детальное изучение всех произведений Насими позволит нам лучше понять их содержание и по достоинству оценить гений их создателя.

¹¹ *Ettore Rossi. Elenco dei manoscritti Turchi della Biblioteca Vaticana. Vatican, 1953, стр. 265.*

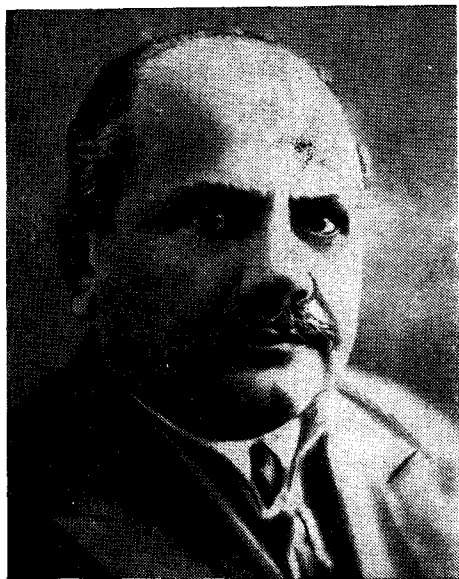
ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

А. Н. КОНОНОВ

А. Н. САМОЙЛОВИЧ — ГРАММАТИСТ

«...Самойлович как общественный деятель всегда оставался ревностным сторонником всякого прогресса и в то же время строгим ученым, для которого выше всего стоят требования научной правды».

В. В. Баргольд

Александр Николаевич Самойлович (1880—1938)¹, питомец арабско-персидско-турецко-татарского разряда Факультета восточных языков (ФВЯ) Петербургского университета, позднее приват-доцент (1907) ФВЯ, профессор Университета (1917) и Ленинградского Восточного Института (1920—1938), член-корреспондент Академии наук СССР (1925), академик (1929), внес заметный вклад в развитие ряда областей тюркологии — языкознание, литературоведение, этнографию и историю.

Своей блестящей тюркологической подготовкой А. Н. Самойлович был обязан выдающимся ученым, преподававшим в годы его учебы в Петербургском университете: тюркологическому лингвисту П. М. Мелиоранскому²,

В данной и последующих рубриках публикуются материалы VI Тюркологической конференции в Ленинграде, проведенной Ленинградским отделением Института востоковедения Академии наук СССР 5—7 июня с. г. Остальная, представленная в редакцию, часть материалов конференции будет помещена в № 6 нашего журнала.

¹ О нем см.: Ф. Д. Ашнин. Александр Николаевич Самойлович (1880—1938). — «Народы Азии и Африки», 1963, № 2, стр. 243—264; библиография трудов А. Н. Самойловича, стр. 253—263; литература о нем, стр. 264.

² О нем см.: А. Н. Кононов. П. М. Мелиоранский и отечественная тюркология. — «Тюркологический сборник, 1972». М., 1973, стр. 7—17; *его же*. Под тем же названием. — «Советская тюркология», 1970, № 1, стр. 16—23.

османисту В. Д. Смирнову³, историкам Н. И. Веселовскому и В. В. Бартольд, арабистам В. В. Розену и А. Э. Шмидту, иранисту К. Г. Залеману. Позднее его «приватным» учителем стал выдающийся тюрколог В. В. Радлов⁴.

По настоянию П. М. Мелиоранского, рано заметившего прекрасные способности А. Н. Самойловича, последний по окончании университетского курса (1903) был оставлен при факультете для подготовки к профессорской деятельности по кафедре турецко-татарской словесности.

А. Н. Самойлович был тюркологом-универсалом. Его научные интересы отличались исключительной широтой и охватывали языковедение, литературоведение, этнографию и историю. При всем этом важную роль в исследовательской деятельности ученого сыграла глубокая лингвистическая подготовка, полученная им под руководством П. М. Мелиоранского.

Успехам занятий А. Н. Самойловича в области тюркского языковедения способствовало также наличие в русском языковедении целого ряда работ по грамматике различных тюркских языков⁵.

Первым лингвистическим трудом А. Н. Самойловича был грамматический очерк языка туркменской исторической поэмы XIX в., опубликованный под названием «Абду-с-Саттар казы. Книга рассказов о битвах текинцев» (СПб., 1914, стр. 011—053). Грамматический очерк состоит из следующих глав: I. Правписание поэмы в связи с туркменской фонетикой; II. Морфологическая сторона языка поэмы; III. О некоторых синтаксических оборотах в поэме; IV. Словарь.

«Настоящая моя работа, — писал А. Н. Самойлович, — является первым опытом систематизации данных орфографических, грамматических, словарных и историко-литературных, извлеченных из стихотворного памятника XIX века среднеазиатско-туркменской литературы, как составной части литературы среднеазиатско-турецкой (=тюркской⁶. — А. К.)» (стр. XVI).

Значительный интерес с точки зрения развития взглядов русских тюркологов на задачи изучения среднеазиатских памятников тюркской письменности представляет следующее высказывание А. Н. Самойловича: «Ближайшие задачи тюрколога в области среднеазиатско-турецкой (=тюркской. — А. К.) литературы, определяемые современным состоянием научного изучения этой области, должны выражаться 1) в опубликовании и переводе неизданных памятников и во всестороннем обследовании их, 2) в детальном обследовании уже изданных и переведенных

³ О нем см.: А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1972, стр. 148—150; А. С. Тверитинова. В. Д. Смирнов — историк Турции. — «Советская тюркология», 1971, № 4, стр. 105—114; Е. И. Маштакова. В. Д. Смирнов — исследователь турецкой литературы. — Там же, стр. 115—123.

⁴ О нем см.: «Тюркологический сборник, 1971». М., 1972.

⁵ В их числе в первую очередь следует назвать следующие книги: И. И. Гиганов. Грамматика татарского языка. СПб., 1801; А. А. Троянский. Краткая татарская грамматика. Казань, 1814 (2-е издание — 1824, 3-е издание — 1860); М. А. Казем-Бек. Общая грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1846; О. Böhlingk. Über die Sprache der Jakuten. St.-Pb., 1851; М. А. Castrén. Versuch einer Koibalischen und Karagassischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den tatarischen Mundarten des Minussinschen Kreiss. St.-Pb., 1857; «Грамматика алтайского языка». Казань, 1869; Н. И. Ашмарин. Материалы для исследования чувашского языка. Казань, 1898; его же. Опыт исследования чувашского синтаксиса, ч. I. Казань, 1903; ч. II. Симбирск, 1923. Этот далеко не полный список дополняют также работы В. В. Радлова (Хронологический перечень трудов В. В. Радлова, составленный Н. А. Дуллиной, опубликован в «Тюркологическом сборнике, 1971», стр. 261—275) и П. М. Мелиоранского (Хронологический перечень трудов П. М. Мелиоранского см.: «Тюркологический сборник, 1972», стр. 396—400).

⁶ «Турецкие языки» как общеродовой термин употреблялся в русской научной литературе с конца XIX в. до начала 30-х годов текущего столетия.

памятников, 3) в составлении, на основании накопившегося материала, предварительных сводных работ историко-литературного, грамматического и словарного характера, в виде «Опытов». ... Детальное лингвистическое исследование памятников среднеазиатско-турецкой (=тюркской) литературы должно прежде всего привести к точному установлению тех живых наречий, из которых развился, при участии другого более старого литературного языка, а также при участии литературного языка персидского, классический среднеазиатско-турецкий (=тюркский) язык мусульманской эпохи, язык, так называемый «чагатайский»⁷, одним из главных создателей которого был уроженец Хорасана Мир-Али-Шир Неваи (XV)» («Книга рассказов о битвах текинцев», стр. XIV—XV).

Эти суждения А. Н. Самойловича о важности изучения — во всех возможных аспектах — памятников среднеазиатско-тюркской письменности развивают идеи его учителя П. М. Мелиоранского, впервые четко сформулировавшего их в своей докторской диссертации «Араб филолог о турецком языке» (СПб., 1900): «Создание сравнительной исторической грамматики турецкого (=тюркского) языка со всеми его многочисленными разветвлениями есть несомненно одна из основных задач туркологии. Для ее выполнения необходимо ознакомиться со всеми современными турецкими (=тюркскими) наречиями (=языками), проследить, насколько это возможно, всю двенадцативековую историю турецкого (=тюркского) языка вплоть до древнейших доступных нам памятников его, привести в связь и объяснить исторически все встречающиеся и раньше существовавшие в турецком (=тюркском) языке фонетические явления, формы и синтаксические конструкции» (стр. I).

При ближайшем рассмотрении выполненного А. Н. Самойловичем описания фонетико-грамматического строя названного выше памятника туркменской литературы отчетливо прослеживается благотворное влияние труда П. М. Мелиоранского «Араб филолог о турецком языке».

Вопрос, на каком языке написана исследуемая поэма, имеет самое непосредственное отношение к истории развития туркменского литературного языка.

По общепринятому в начале нынешнего столетия мнению, классическим среднеазиатско-тюркским литературным языком «мусульманской эпохи» являлся так называемый «чагатайский» язык («Книга рассказов...», стр. XV). Наряду с «чагатайским» — языком высокой литературы — существовали местные (по выражению А. Н. Самойловича, «провинциальные») языки, которые, несмотря на тесную связь с классическим языком, имели свои специфические особенности.

«Современный (XIX — начало XX в. — А. К.) литературный туркменский язык, — писал А. Н. Самойлович, — значительно более, чем казак-киргизский (то есть казахский. — А. К.) связан с «чагатайским» языком и особенности живой туркменской речи в нем отражаются обыкновенно весьма слабо» (стр. XV—XVI).

Значительный интерес представляют наблюдения А. Н. Самойловича над правописанием поэмы в отношении последнего к фонетике живого туркменского языка⁸, а также многочисленные сопоставления морфоло-

⁷ См.: Г. Ф. Благова. Тюркск. *чагатай*—русс. *чагатай-джагатай*- (Опыт сравнительного изучения старого заимствования). — «Туркологический сборник, 1971», стр. 167—205.

⁸ Первые краткие сведения о фонетике и морфологии живого туркменского языка сообщил Н. И. Ильминский: Ueber die Sprache der Turkmenen. Aus einem Briefe der Herrn Ilminsky an A. Schiefner. — «Bulletin de l'Academie imperiale des sciences de St.-Petersbourg». Nouvelle serie, t. I, 1860, колонки 563—571; А. Моллаев. Н. И. Ильминский о туркменском языке и этнографии. — «Советская тюркология», 1973, № 4, стр. 82—86.

гии поэмы с современным исследователю туркменским языком (стр. 021 и сл.).

Краткое описание фонетики, морфологии и синтаксиса поэмы Абду-с-Саттар казы является единственным опытом сравнительного исследования среднеазиатско-тюркского литературного языка XIX века в сопоставлении с живым туркменским языком начала XX века.

Свое понимание грамматического строя тюркских языков наиболее полно и обстоятельно А. Н. Самойлович изложил в двух трудах: в «Опыте краткой крымско-татарской грамматики» (Пг., 1916) и в «Краткой учебной грамматике современного османско-турецкого языка» (Л., 1925). Особенный интерес представляет вторая работа, обобщившая накопившийся к тому времени опыт исследования грамматического строя ряда тюркских языков — туркменского, крымско-татарского, узбекского, турецкого.

«Опыт краткой крымско-татарской грамматики», — как писал сам автор, — является отчасти конспектом, отчасти переработкой... лекций по грамматике письменного крымско-татарского языка сравнительно с разговорными крымско-татарскими наречиями». Эти лекции А. Н. Самойлович читал в 1912 и 1913 гг. «на курсах татарского языка, организованных Таврическим Губернским Земством для учителей-татар русско-татарских школ» (стр. 1).

Интерес к языку крымских татар не покидал А. Н. Самойловича до конца его дней. В 1927 г. он опубликовал интересную статью «К истории крымско-татарского языка»⁹. Ученый принимал деятельное участие в разработке латинизированного алфавита и был одним из организаторов и руководителей 3-й Всекрымской языковой конференции¹⁰.

«Опыту крымско-татарской грамматики» предпослано «Введение» (стр. 1—8), в котором излагаются «Основные сведения по общему языкознанию», приводится «Общая характеристика турецких (= тюркских) языков и наречий, как особой языковой группы», дается «Общая характеристика крымско-татарских разговорных наречий и письменного крымско-татарского языка»; «Главная часть» (стр. 9—104) содержит сведения по фонетике и грамматике и состоит из трех следующих основных разделов: I. «Учение о звуках крымско-татарских наречий и о письменной их передаче арабским алфавитом»; II. «Учение о формах современного письменного крымско-татарского языка сравнительно с формами разговорных наречий»; III. «Учение об употреблении в письменном крымско-татарском языке и в разговорных наречиях отдельных грамматических форм и их сочетаний».

Получив солидную общелингвистическую подготовку, А. Н. Самойлович, не будучи лингвистом *par excellence*, всегда уделял особое внимание общим проблемам языкознания в применении к тюркскому грамматическому материалу. Свое методологическое *credo* А. Н. Самойлович отчетливо сформулировал в «Опыте крымско-татарской грамматики»: «Грамматику изобрести нельзя, ее можно только открыть и обнародовать. Никакому языку нельзя произвольно навязать грамматику и никакой язык в такой грамматике не нуждается, имея свою природную грамматику с момента своего возникновения» (стр. 2).

В «Краткой учебной грамматике современного османско-турецкого языка» А. Н. Самойлович развивает эту идею: «Я пытался составить учебник, свободный от влияния чуждых турецким (= тюркским) языкам грамматических систем (готового образца я не нашел)...» (стр. 4).

⁹ «Вестник научного общества татароведения», 1927, № 7, стр. 27—33.

¹⁰ См.: «Экономика и культура Крыма», 1934, № 9-12, стр. 25—27.

При изложении фонетики крымско-татарского и османско-турецкого языков А. Н. Самойлович опирался исключительно на метод, разработанный В. В. Радловым в его известном труде «Фонетика северных тюркских языков»¹¹, поскольку стройная радловская система деления гласных на три группы по двум признакам весьма удобна, в частности, при объяснении механизма действия законов сингармонизма.

Следуя прогрессивным традициям русского востоковедения, А. Н. Самойлович принимал деятельное участие в реформе арабского алфавита. Предложенные им некоторые изменения в старом (арабском) алфавите применительно к крымско-татарскому языку заслуживают внимания ученых, занимающихся историей реформирования арабского алфавита в применении к тюркским языкам. (См.: «Опыт крымско-татарской грамматики», стр. 19—20).

Морфология в обеих грамматиках начинается с определения частей речи. При оценке воззрений А. Н. Самойловича на классификацию слов по определенным морфолого-семантическим группам (деление на части речи) в тюркских языках следует учесть, что проблема частей речи в тюркских языках получила свое углубленное истолкование только в два последних десятилетия¹². Так, например, в «Общей грамматике турецко-татарского языка» (Казань, 1846) и в «Грамматике алтайского языка» (Казань, 1869) отсутствует специальный раздел о частях речи, хотя имеется раздел: «Об имени. Имена прилагательные, числительные, местоимения, глагол, послелоги, наречие, союз, междометие».

В Якутской грамматике О. Н. Бётлингга рассматриваются: *Das Nomen. Das Zahlwort. Das Pronomen. Das Verbum [a) Verbum finitum; b) Gerundia. Supinum. Adverbia. Postpositionen]. Indeclinabilia (Adverbia. Postpositionen. Conjunctionen). Interjectionen. Das Frageaffix.*

«Части речи турецких (= тюркских) языков и наречий вообще, — пишет в «Опыте крымско-татарской грамматики» А. Н. Самойлович, — делятся в морфологическом отношении на две основных группы: 1) Глагол, 2) Имя. Наиболее ярким и постоянным морфологическим признаком, на основании которого устанавливается это деление, является, по моему мнению, приставка отрицания «ма»: глагольными формами будут все те формы, которые могут принимать приставку отрицания «ма», формы же, которые этой приставки принимать не могут, будут именными.

Кроме этих двух основных морфологических групп... имеется еще третья группа: частицы. Состав этой группы смешанный, в нее входят преимущественно омертвелые образования от имен и глаголов, составляя как бы языковой архив» (стр. 30).

Группа имен делится на три подгруппы: 1) имя существительное и прилагательное; 2) местоимения; 3) числительные.

Группа глагольных форм делится: 1) причастия, которые обладают «временным» значением и «изменяются прежде всего по падежам, но могут изменяться и по лицам»; 2) отглагольные имена, которые не обладают «временным» значением и изменяются только по падежам (от имен существительных они отличаются тем, что образуют отрицательную форму на «ма»); 3) деепричастия, т. е. глагольные формы, которые не обладают «временным» значением и или совершенно не изменяются, или изменяются в ограниченных пределах: деепричастия

¹¹ W. Radloff. Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen. Erster Theil. Phonetik der nördlichen Türksprachen. Leipzig, 1882.

¹² См.: «Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов». Л., 1968, 343 стр.

не могут быть отнесены в основную группу частиц, так как сохраняют коренную особенность глагольных форм: могут образовываться от положительной основы и от отрицательной на «ма»; 4) чистоголагольные формы, т. е. такие формы, которые изменяются только по лицам.

Группа частиц заключает в себе подгруппы: 1) послелогои, 2) союзы и наречия, 3) междометия» (стр. 31).

Обращает на себя внимание утверждение, от которого до нашего времени не отказались многие тюркологи: «Морфологические различия между именами существительными и прилагательными недостаточно определены для того, чтобы разделять эти имена на две особые подгруппы» (стр. 31). Это же утверждение А. Н. Самойлович повторил и в своей Османско-турецкой грамматике: «§ 76. Деление имен на существительные и прилагательные по их смысловому значению (с логической точки зрения) не находит отражения в османско-турецкой морфологии; нет морфологических признаков для установления категорий имен существительных и прилагательных в османско-турецкой грамматике. Имена, соответствующие существительным русского языка, появляются в предложении преимущественно в качестве подлежащего и дополнений, имена же, соответствующие русским прилагательным, — в качестве определений и обстоятельственных дополнений, но и с синтаксической точки зрения далеко не всегда возможно разграничить в турецких языках эти две части речи. Поэтому в дальнейшем это разграничение не проводится» (стр. 37).

Более того, А. Н. Самойлович решительно утверждал, что «как нет резких, раз навсегда установившихся и непреходимых граней между основами, послелогоми, полуприставками, так нет таких граней и между частями речи: глаголами, частицами, именами» («Краткая учебная грамматика османско-турецкого языка», стр. 36, § 72). Ср.: Ich behandle hier das Substantivum nicht abgesondert vom Adjectivum, weil sie häufig zusammenfallen¹³; «Имена прилагательные, которые в киргизском (= казахском) языке формально не отличаются от существительных...»¹⁴

Для уяснения взглядов русских тюркологов на природу тюркской агглютинации представляет интерес определение тех элементов, с помощью которых происходят слово- и формообразование в тюркских языках и которые именуются теперь (почти единодушно) — а ф ф и к с а м и. Эти форманты у И. И. Гиганова назывались «наращением», у М. Иванова (Татарская грамматика. Казань, 1842) — «придаточной частицей», М. А. Казем-Бека — «наращением» или, чаще, «частицей», у О. Н. Бётлингга — «аффиксом».

«Формальные грамматические элементы османско-турецкого языка, — писал А. Н. Самойлович, — ... распадаются на две резко между собой отличных группы: 1) неразложимые основы и 2) приставки, а между этими двумя крайними группами имеются группы переходные от первой ко второй: 3) послелогои и 4) полуприставки»¹⁵ (стр. 31, § 57).

Полуприставки «в отличие от приставок не сливаются с основой полностью в одно слово, обычно не принимая на себя ударения или не подчиняясь основе в звуковом отношении; две полуприставки имеются на конце слов: *gel-i-jor-um* «я прихожу», *gid-i-jor-um* «я ухожу» (стр. 32, § 63).

¹³ O. Böhlingk. Über die Sprache der Jakuten. СПб., 1851, стр. 119, § 238.

¹⁴ П. М. Мелиоранский. Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. I. СПб., 1894, стр. 35.

¹⁵ Здесь и далее мы ссылаемся на «Краткую учебную грамматику современного османско-турецкого языка» А. Н. Самойловича.

Послелог, как приставки и полуприставки, не употребляется самостоятельно, но обладает, «как и некоторые полуприставки, звуковой неизменяемостью и еще менее, чем полуприставка, ... сливающийся со словом, за которым следует. ... послелогои входят в грамматическую категорию частиц, соответствуя по своему значению главным образом русским предлогам, отчасти же наречиям, союзам, междометиям» (стр. 33, §§ 68—69).

«Частицы объединяют в своем составе служебные элементы речи, соответствующие наречиям, союзам, предлогам и междометиям, и представленные, с одной стороны, самостоятельными словами, с другой — несамостоятельными послелогоми» (стр. 90, § 128).

Развитие агглютинативного строя тюркских языков представлялось А. Н. Самойловичу в следующем виде: «Приставочному строю в турецких и родственных им языках в весьма отдаленные, доисторические времена, предшествовал, по-видимому, строй чисто синтаксический, при котором речь слагалась из одних основ — слов, расположенных в строгом порядке: слова управляющие следовали за управляемыми. Переход от чисто синтаксического строя к более сложному синтаксическо-морфологическому приставочного характера подготовлялся, по-видимому, тем, что некоторые особенно часто употребляемые управляющие слова-основы изолировались, приобретая все более и более формальное значение. Сначала некоторые самостоятельные основы превращались в полупослелогои и послелогои, затем эти послелогои становились полуприставками и, наконец, последние, утратив окончательно все признаки самостоятельности, делались приставками» (стр. 35, § 73).

Эта схема образования «приставочного» строя тюркских и родственных им языков, предполагающая постепенное превращение самостоятельного слова в формант-приставку, имеет свою историю.

В 20-х годах прошлого столетия известный лингвист В. Гумбольдт решительно утверждал, что «формы во всех языках приобретены, в сущности, одним и тем же путем... Первоначально в языке обозначаются только предметы, а формы, связывающие слова в речи, подразумеваются... Таким образом, на низшей ступени грамматические отношения обозначаются целыми фразами и предложениями» и лишь позднее в результате привычного размещения слов слова, используемые в служебной функции, постепенно теряют свое самостоятельное значение и употребление, превращаясь в формант. «Слова, поставленные рядом, — утверждал В. Гумбольдт, — составляют одно слово: формальные слова присовокупляются к материальным и делаются окончаниями»¹⁶.

Такое умозрительное построение, при помощи которого и в наше время пытаются объяснить происхождение приставок-аффиксов в тюркских и других агглютинативных языках, с действительным положением вещей ничего общего не имеет¹⁷.

А. Н. Самойлович придавал большое значение делению формантов и служебных слов-послелогов на приставки и полуприставки, послелогои и полупослелогои, по-видимому, в связи с возможностью объяснить с помощью этого приема происхождение и природу тюркской агглютинации.

В принадлежавшем А. Н. Самойловичу экземпляре его «Краткой учебной грамматики современного османско-турецкого языка» на стр. 31

¹⁶ Цит. по: О. Бётлингк. О языке якутов. Опыт исследования отдельного языка в связи с современным состоянием всеобщего языкознания. — «Ученые записки императорской Академии наук», т. I, вып. 4, 1853, стр. 399—400.

¹⁷ Наша трактовка природы тюркской агглютинации будет изложена в отдельной статье.

дан карандашный набросок новой схемы деления «формально-грамматических элементов османско-турецкого языка»:

I	II		III	IV	V	VI
Основа	Полупослелоги		Послелог	Послелог-приставка -ча/-джа (переход от отдельного слова к части слова)	Полуприставка	Приставка
	Послелог-имя	Послелог-наречие				
О т д е л ь н ы е с л о в а				Ч а с т и с л о в		

Следует, конечно, иметь в виду, что приведенная классификация формантов представляет собой лишь «рабочий вариант» нового подхода к этой теме, который при повторном издании работы мог подвергнуться значительным изменениям. Однако это маловероятно, так как приведенное выше деление, по-видимому, было глубоко продуманной концепцией ученого.

Анализируя природу именной основы, которая «без всяких приставок имеет всегда значение русского именительного падежа единств. и множ. числа», А. Н. Самойлович замечает, что в тюркских языках родительный и винительный падежи представлены в двух видах: не оформленном и оформленном (стр. 43, § 83; стр. 105—107, §§ 147—148).

Это своеобразное обозначение функциональных значений неопределенного, или основного, падежа (до сих пор встречающееся в тюркологической литературе) появилось еще задолго до А. Н. Самойловича, и потому не следует приписывать ему сомнительную честь введения этой терминологии и связанного с ней понимания природы и функций тюркского основного падежа.

О. Н. Бётлингк первым стал различать «винительный-определительный» и «винительный-неопределенный» (*Accusativus definitus*, *Accusativus indefinitus*, указ. раб., §§ 535, 549).

Авторы¹⁸ «Грамматики алтайского языка» (Казань, 1869) писали: «Притяжательный (то есть родительный. — А. К.) падеж бывает полный, т. е. с приставкой своей, или неполный, без приставки, прямо в виде склоняемой основы» (стр. 124, § 186).

«Винительный падеж, подобно притяжательному, имеет две формы: полную — с падежной приставкой и неполную — без приставки» (там же, стр. 132, § 202).

П. М. Мелиоранский, который в предисловии к синтаксису своей «Краткой грамматики казак-киргизского языка» писал, что «при составлении киргизского (то есть казахского. — А. К.) синтаксиса мне послужила весьма полезным пособием «Грамматика алтайского языка» (стр. V), и при рассмотрении функции падежей следовал идеям авторов Алтайской грамматики.

«Родительный падеж, — отмечал П. М. Мелиоранский, — в оборотах для обозначения принадлежности и т. п. может быть оформленным (т. е. с окончанием *-ның* и т. п.) и неопределенным (в виде склоняемой основы или неопределенного именительного падежа)» (стр. 8, § 14). И далее: «Можно различать винительный падеж оформленный и неопределенный».

¹⁸ Как установил Ф. Д. Ашнин, ими были: Н. И. Ильминский (1822—1891), иеромонах Макарий (Михаил Андреевич Невский, род. 1 окт. 1835 — ум.?), В. И. Вербицкий (1828—1890); ср.: А. Е. Кримский. Тюрки, их мови та літератури. Кнів, 1930, стр. 175.

ленный, т. е., иначе сказать, иногда именительный падеж употребляется вместо винительного» (стр. 15, § 31)¹⁹.

«Учение о сочетании слов» — так назван у А. Н. Самойловича турецкий синтаксис (стр. 97 сл.) — начинается с определения «роли и места отдельных частей речи в грамматических предложениях главных и придаточных».

Части (вместо: члены!) предложения представлены: сказуемым, подлежащим, дополнениями (прямым, косвенным, определительным), обстоятельственным дополнением, определением.

Определение синтаксических функций причастных, деепричастных, отглагольно-именных конструкций издавна интересовало русских тюркологов и вызвало к жизни самые разноречивые суждения.

Впервые по поводу синтаксических функций причастий и деепричастий высказались составители «Грамматики алтайского языка», по мнению которых «как переход от простого предложения к сложному можно смотреть на такое предложение, в котором соединяются два или несколько глаголов, из которых предшествующие поставлены непременно в деепричастии. Деепричастия в алтайском языке (за исключением только слитного) могут иметь особое подлежащее от главного глагола...» (стр. 171, §§ 277—278).

Зависимые предложения в алтайском языке «составляются так же, как и определительные: если сказуемое зависящего предложения есть имя, то оно остается без перемены, если его сказуемое составляет глагол, то этот глагол обращается в причастие», которое «по характеру зависимости от главного» может «склоняться по всем падежам...» (стр. 199, §§ 327, 330)²⁰.

Эта же по существу идея получила дальнейшее развитие в Казахской грамматике П. М. Мелиоранского: «Киргизские (т. е. казахские. — А. К.) деепричастия ... употребляются большею частью для обозначения действий побочных, сопровождающих действие, о котором идет речь в главном предложении, но в противоположность русскому языку они 1) могут относиться не только к окончательным, но и к именным и деепричастным формам глаголов и 2) могут составлять самостоятельные придаточные предложения с отдельным подлежащим, отличным от подлежащего главного предложения (разрядка наша. — А. К.) (стр. 35, § 12; см. еще стр. 37, § 16).

Действующее лицо при причастных формах в основном или родительном падеже П. М. Мелиоранский (там же, стр. 47, § 5) и А. Н. Самойлович (стр. 100, § 137) называют логическим подлежащим.

При этом следует отметить, что А. Н. Самойлович действительно подчеркивал: родительный падеж при формах на *-дык*, *-аджак*, *-ма* «в сочетаниях, соответствующих русским придаточным предложениям, соответствует подлежащему русским придаточных предложений» (стр. 108, § 150). Из этого можно заключить, что А. Н. Самойлович только устанавливал соответствие между формами подлежащего русского и турецкого языков, не приравнивая их по существу.

А. Н. Самойлович рассматривал «второстепенные части грамматического предложения, выраженные деепричастными формами или отглагольно-именной формой на *-мак*» при отдельном грамматическом подлежащем в неопределенном падеже как сочетание главного предложения с

¹⁹ См. также: *Н. И. Ашмарин. Опыт исследования чувашского синтаксиса*, ч. I. Казань, 1903, стр. 230, § 166.

²⁰ По Ашмарину, это — «предложения-имена» (см.: *Н. И. Ашмарин. Указ. раб.*, стр. 470 сл.).

придаточным (стр. 101, § 138); таким образом, деепричастие и форма на *-мак* при наличии у них своих подлежащих являются сказуемыми придаточного предложения, что, конечно, свидетельствует о смешении логических и грамматических категорий.

В дальнейшем эта логическая точка зрения на природу сложноподчиненного предложения бессоюзного типа в тюркских языках получила развитие в трудах А. П. Почекуевского, Н. К. Дмитриева²¹, И. И. Мещанинова²² и их последователей.

В разделе «Употребление в главных и придаточных предложениях форм деепричастных» (стр. 132, § 192) А. Н. Самойлович развивает изложенную выше идею о природе сказуемого придаточного предложения в турецком языке: «Деепричастия употребляются или в качестве простых обстоятельственных дополнений, или в качестве распространенных (разрядка наша. — А. К.) обстоятельственных дополнений, являясь во втором случае сказуемыми придаточных обстоятельственных предложений, которые могут иметь свое отдельное грамматическое подлежащее в неопределенном падеже» (стр. 132, § 192).

В качестве иллюстрации изложенного положения был приведен следующий пример: *Дерун-у ханеде бир сүкунет-и камиле пейда олуб, хер кес уйкуйа вармыш иди*²³ 'Внутри дома наступила полная тишина, и все погрузились в сон' (там же).

Вопрос о характере синтаксического использования деепричастий на *-о б* (центр оборота или сказуемое придаточного предложения) должен решаться с учетом его реального синтаксического функционирования для каждого данного этапа развития языка.

В старом османском языке (как в современном азербайджанском, узбекском и др.) форма на *-о б* использовалась как присвязочная часть *verba finita*, то есть в этом случае форма на *-о б* способна функционировать самостоятельно и может выступать сказуемым придаточного предложения; в современном турецком языке, пример из которого приведен выше, форма на *-о б* не входит в число спрягаемых присвязочных форм, а следовательно, не может быть сказуемым придаточного предложения; это — центр оборота.

При общей оценке грамматических воззрений А. Н. Самойловича не следует забывать, что его грамматика турецкого языка была написана почти пятьдесят лет назад, когда всестороннее изучение синтаксиса тюркских языков только начиналось.

Глубокое знание грамматического и фонетического строя тюркских языков обнаруживает А. Н. Самойлович и в ряде других своих работ, к числу которых, пожалуй, в первую очередь следует отнести «Некоторые дополнения к классификации турецких языков» (Пг., 1922) и опубликованную спустя четыре года работу «К вопросу о классификации турецких языков»²⁴.

Критически пересмотрев ранее предложенные В. В. Радловым и Ф. Е. Коршем классификации тюркских языков, А. Н. Самойлович дал свою классификацию, основывающуюся исключительно на фонетических признаках. «Морфологический признак, введенный Коршем — образова-

²¹ Подробнее см.: А. З. Абдуллаев. Сложноподчиненные предложения в современном азербайджанском языке. Баку, 1964, стр. 7 сл. (на азербайджанском языке).

²² И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. М.—Л., 1945, стр. 267—268.

²³ Пример приведен нами в упрощенной транскрипции.

²⁴ «Бюллетень Организационной комиссии по созыву 1-го Всесоюзного тюркологического съезда», вып. 2. Баку, 1926, стр. 3—6. Дальнейшее развитие эта классификация получила в докладе А. Н. Самойловича на съезде востоковедов в Харькове в 1929 г.

ние форм настоящего времени, не является, по-моему, — пишет А. Н. Самойлович, — достаточно ярким и определенным, и устранение его при одновременном увеличении фонетических признаков не отражается отрицательно на точности классификации» («Некоторые дополнения...», стр. 14).

Несмотря на то что, по справедливому замечанию А. Н. Самойловича, «попытки классифицировать турецкие языки увенчаются окончательным успехом, кто бы их не предпринимал, не ранее, чем завершится сравнительно-историческое изучение этих языков, т. е. весьма еще нескоро» (там же, стр. 3), — его классификация и в настоящее время не утратила своего значения.

Анализу этимологического истолкования тюркских количественных числительных посвящена обстоятельная работа А. Н. Самойловича, до сих пор остающаяся единственной в своем роде²⁵.

Продолжая и развивая традиции своих предшественников, А. Н. Самойлович считал необходимым и полезным изучать грамматические сочинения восточных филологов, посвященные тюркским языкам. В этой связи необходимо упомянуть его интересную работу «Персидский турколог XVIII века Мирза Мехди-хан»²⁶, которая познакомила тюркологов с важным памятником грамматической литературы, написанным в духе восточной филологической школы²⁷. В этой статье А. Н. Самойлович еще раз продемонстрировал свою поистине энциклопедическую осведомленность во всех областях тюркской филологии.

Последней по времени издания работой, посвященной общему обзору тюркских языков, является большая статья А. Н. Самойловича «Les langues turques», опубликованная в международном издании «Энциклопедия ислама» (EI, IV, Leyde—Paris, 1934, стр. 956—963)²⁸. Эта статья состоит из четырех разделов: 1. «Классификация тюркских языков и их географическое распределение»; 2. «Общая характеристика тюркских языков»; 3. «Письменность и литературные языки»; 4. «Взаимное влияние тюркских и нетюркских языков».

В этой мало известной у нас работе, представляющей собою концентрированное изложение всех основных проблем тюркского языкознания, нашли выражение получившие свое дальнейшее развитие воззрения А. Н. Самойловича на классификацию тюркских языков²⁹, их характерные признаки и проблему тюркских литературных языков.

Специфика работы ученых такова, что изданные ими труды не всегда дают полное представление об их научной деятельности, а главное, не отражают изменяющихся в процессе постоянных научных поисков воззрений на основные проблемы исследуемых явлений. Последние по вре-

²⁵ А. Н. Самойлович. Турецкие числительные количественные и обзор попыток их толкования. — В сб.: «Языковедные проблемы по числительным, I». Л., 1927, стр. 135—156.

²⁶ «Известия Общества обследования и изучения Азербайджана», № 5, Баку, 1927, стр. 3—15 (отдельный оттиск).

²⁷ См.: Э. А. Умаров. Грамматика староузбекского языка, «Мабани-л-лугат» Мирзы Мехди-хана. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1967, 27 стр.; К. Мухитдинов. «Саглах» Мирзы М. Мехди-хана. Исследование, комментарии, перевод и транскрипция. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1971, 17 стр.

²⁸ Параллельные издания на французском, немецком, английском языках.

²⁹ Этой проблеме А. Н. Самойлович посвятил, кроме главы в названном издании, три работы; две из них опубликованы (см. сноску 24 на стр. 46), третья — доклад на 2-ом Всеукраинском съезде научной ассоциации востоковедения (Харьков, 1—6.XI 1929) — опубликована не была; см.: А. Н. Самойлович. Туркология и новое учение о языке. — В сб.: «Академия наук СССР — академику Н. Я. Марру». М.—Л., 1935, стр. 117.

мени идеи и суждения частью сохраняются запечатленными в архиве ученого, частью безвозвратно уходят вместе с ним.

А. Н. Самойлович, отдававший в последние двадцать лет жизни особенно много времени и энергии административной и научно-организационной деятельности, не прерывал своей многосторонней исследовательской работы. Об этом красноречиво свидетельствует перечень работ в его архиве, хранящемся в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (фонд № 671) и в Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР (фонд № 782 и др.)³⁰.

Из работ, посвященных исследованию фонетического и грамматического строя тюркских языков, следует в первую очередь назвать:

«Опыт лингвистического исследования текинского говора туркменского диалекта», 1903 г., 6 тетрадей, 491 л. (ф. 671, ед. хр. 129);

«Система турецкой грамматики. Опыт установления грамматических категорий», 1912—1915 гг., 592 л. (ф. 671, ед. хр. 121);

«Турецкие этюды. Исследования по истории среднеазиатских-турецких литератур и языков», 1917—1918 гг., 839 л. (ф. 671, ед. хр. 100);

«Общий взгляд на возникновение и развитие мусульманско-турецких литературных языков в связи с разговорными наречиями», 1918 г., 23 л. (ф. 671, ед. хр. 126)*;

«Грамматика чагатайского языка. Материалы и наброски», без даты (после 1925 г.), 162 л. (ф. 671, ед. хр. 131);

«Изучение анатолийско-румелийско-турецкого языка», 1930-е годы, 70 л. (ф. 671, ед. хр. 132).

Исследования А. Н. Самойловича, посвященные самым различным проблемам тюркологии, в частности его работы по изучению фонетико-грамматического строя тюркских языков, большая и плодотворная административная и научно-организационная деятельность, тридцатилетняя педагогическая работа — все это позволило этому выдающемуся тюркологу-энциклопедисту занять почетное место в истории отечественной тюркологии.

³⁰ См.: Л. В. Дмитриева. Материалы к описанию рукописного наследия А. Н. Самойловича. — «Народы Азии и Африки», 1966, № 3, стр. 206—211.

* Публикуется в настоящем номере журнала в рубрике «Публикации» (примеч. ред.).

К. М. МУСАЕВ

А. Н. САМОЙЛОВИЧ И СРАВНИТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

В научном наследии А. Н. Самойловича немало работ, в которых затрагиваются вопросы лексики тюркских языков, ранее не ставившиеся в тюркологии. Так, например, в работах «Запретные слова в языке казак-киргизской замужней женщины»¹, «Женские слова у алтайских турков»² высказываются весьма интересные мысли о лексическом строе тюркских языков, об одной из причин синонимического богатства тюркских языков, выявляется существование в определенной сфере тюркских языков особого женского и особого мужского лексиконов, устанавливаются особенности дифференциации лексики в зависимости от пола говорящего. Небольшими по объему, но столь же ценными являются работы: «Некоторые данные о пчеловодстве в Крыму в XIV—XVII вв.»³, «О „пайза“, „байса“ в Джучиевском улусе»⁴, «Тийишь (тишь) и другие термины крымско-татарских ярлыков»⁵, «К вопросу о двенадцатилетнем животном цикле у турецких народов»⁶ и другие⁷.

А. Н. Самойлович уделял также много внимания исследованию лексики памятников тюркских языков. Его лексикологические работы отличаются не только глубиной анализа чисто языкового материала, но и умелым использованием данных литературы, фольклора, этнографии, истории, а также религиозных, мифологических представлений.

Наиболее крупные работы А. Н. Самойловича по лексике посвящены сравнительно-семасиологическому и сравнительно-историческому изучению некоторых лексико-семантических групп (числительных, названий дней недели, обозначений понятий «богатый», «бедный») и имеют программное значение.

В сравнительно-лексикологических исследованиях А. Н. Самойловича можно отметить три основных направления.

¹ «Живая старина», 1915, вып. 1—2, стр. 161—168.

² «Язык и литература», т. III. Л., 1929, стр. 221—231.

³ «Записки Института востоковедения Академии наук СССР», т. I. Л., 1932, стр. 123—128.

⁴ «Известия Академии наук СССР», 1926, стр. 1107—1120.

⁵ «Известия Российской Академии наук», 1917, стр. 1277—1278.

⁶ «Восточные записки» (Ленинградский институт живых восточных языков), т. I. Л., 1927, стр. 147—162.

⁷ См. также: «Персидское „сәргәрдән“ — текинское „сәргәздән“». — ЗВОРАО, т. XVIII, вып. 4 (1907—1908), стр. 0167; «К вопросу о сартах». — «Живая старина», вып. 3, отд. 3, стр. 265—269; «О слове „казак“». — «Казак. Антропологические очерки». Л., 1927, стр. 6—16; «Названия дней у азербайджанских турок». — «Яфетический сборник», № 3. Л., 1925, стр. 65—70; «О слове „гиль“ — „дом“, „семья“ в наречиях передне-азиатских турков». — Там же, стр. 99—102 и др.

1. Исторические и этимологические разыскания

Из наиболее значительных работ А. Н. Самойловича в этой области следует отметить статью «Турецкие числительные количественные и обзор попыток их толкования»⁸, в которой он подводит итог работам своих предшественников по изучению тюркских числительных. Объясняя историю происхождения тюркских числительных, А. Н. Самойлович, не отвергая алтайской теории, подчеркивает необходимость для тюркологов, монголистов и других «обрабатывать собственное поле, чтобы наилучшим образом подготовить почву для сравнительных работ более широкого: алтайского, урало-алтайского и т. д. масштабов»⁹, на что указывали еще О. Бётлингк и П. М. Мелиоранский.

2. Установление этапов образования и формирования групп семантически связанных между собой терминов

Это направление получило свое наиболее полное воплощение в самой крупной из всех специальных лексикологических работ А. Н. Самойловича «„Богатый“ и „бедный“ в тюркских языках»¹⁰, в которой автор сделал интересную и успешную попытку «проследить историю слов „богатый“ и „бедный“ в социальном их значении, начиная с весьма давних времен варварства (по терминологии Моргана—Энгельса), со времен бесписьменных и кончая нашей современностью»¹¹.

Данная статья А. Н. Самойловича является многоплановым лексико-семасиологическим исследованием, посвященным историческому развитию лексики тюркских языков в связи с развитием общества и конкретной жизнью народа — носителя языка. В ней устанавливаются исторические этапы развития слов, их значений и форм, а также понятий «богатый» и «бедный» и их обозначений.

Несмотря на попытку А. Н. Самойловича увязать отдельные положения этой работы с некоторыми теориями Н. Я. Марра, в частности с теориями о классовости языка и его стадийном развитии, эта статья благодаря своим несомненным достоинствам сохраняет ценность и в наши дни. В ней автор выдвигает ряд новых теоретических положений и разрабатывает эффективные и методические приемы.

Ученый приходит к выводу, что архаическое значение слова сохраняется главным образом в фольклоре, в пословицах и поговорках. Например, слово *бар* в значении «богатый» сохранилось в современных тюркских языках лишь как архаизм, закрепленный преимущественно в произведениях устного народного творчества: узб., тат., каз. *бардың ісі пәрменмен, жоқтың ісі арманмен* 'богатый действует силой, бедный действует пожеланиями'; каз. *бар барын айтады, бақа бұтын тарбайтады* 'богатый о своем богатстве говорит, лягушка свой пах раздувает'. В последней пословице *бар* имеет значение и «богатый» и «богатство»¹².

Теперь, можно сказать, является общепринятым положение А. Н. Самойловича о том, «что живые диалекты могут обладать большей архаичностью, чем литературные памятники весьма старых языков той же семьи»¹³.

⁸ В сб.: «Языковедные проблемы по числительным», т. I. Л., 1927, стр. 135—156.

⁹ Там же, стр. 155.

¹⁰ «Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук», 1936, № 4, стр. 21—66.

¹¹ Там же, стр. 21.

¹² Там же, стр. 22.

¹³ А. Н. Самойлович. Турецкие числительные., стр. 138.

Системное рассмотрение лексики и семантики с охватом материалов всех тюркских и прилегающих нетюркских языков позволило автору статьи «„Богатый“ и „бедный“ в тюркских языках» прийти к обоснованному выводу об этимологическом родстве *бар*, *бай*, *бег*, *бей* 'богатый, богатство'; *йоқ* 'отсутствие', *йой* 'уничтожить' (стр. 29, 33), а также высказать ряд предположений об истории происхождения отдельных тюркских языков. Например, гагаузский язык А. Н. Самойлович определяет как крестьянский, или деревенский, по происхождению, а не городской (стр. 30).

Существование караим. *ходжа* 'богатый' (>перс.) вместо *бай* объясняется А. Н. Самойловичем тем, что значительная часть представителей господствующего класса караимов «принимала выдающееся участие в торговой деятельности Золотой Орды или крымской ее части, где слово *ходжа* было распространено в значении „купец“, „богатый купец“» (стр. 30). Причину разнообразия словесных обозначений для понятия «бедный» А. Н. Самойлович видит в отражении в языке обострения противоречий между эксплуататорами и эксплуатируемыми, в приниженном положении эксплуатируемого (стр. 38): каз. *жоқ*, *жарлы*, *кедей*, *бақыр*, *сорлы*, *байғұс* и т. д.

Данная работа А. Н. Самойловича показывает, насколько сравнительное изучение социальных диалектов важно для исследования истории языка. Автор дает в ней характеристику каждому слову с позиций определенных социальных слоев населения. «Есть основания полагать, — пишет А. Н. Самойлович, — что слово *бар* (*bār*) в значении „имущий“, „богатый“ в эпоху феодализма употреблялось как пережиток эпохи доклассового общества преимущественно массами трудящихся и не было в ходу в языке господствующих классов» (стр. 23). И далее: «...в языке господствующих классов большинства тюркских народов слово *уоқ* в значении „бедность“, „бедный“ распространения не получило» (стр. 24).

Заслуживают внимания, несмотря на некоторые дискуссионные моменты (в частности, связывание значения слова с конкретной общественно-экономической формацией), и устанавливаемые А. Н. Самойловичем исторические этапы в развитии слов «богатый» и «бедный».

1-й этап. «...Древнейшими, первыми словами со значением „богатство — богатый“ и „бедность — бедный“ в тюркских языках... следует признать слова *бар* и *йоқ* с их (фонетическими. — К. М.) разновидностями» (стр. 25).

2-й этап. «В истории слов „богатство — богатый“ и „бедность — бедный“ в языках тюркской системы это — те же слова *бар* (*bār*), *йоқ* (*йōқ*), но осложненные особыми аффиксами, дифференцирующими их по значению: 1) *бар-лық* 'богатство'; 2) *бар-лығ*, *бар-лы* 'богатый'; 1) *йоқ-лық* 'бедность'; 2) *йоқ-лығ*, *йоқ-лы* 'бедный', т. е. слова с явными признаками агглютинативного строя» (стр. 26).

А. Н. Самойлович полагает, что в языке господствующих классов слово *йоқлы* распространения не получило, а потому и не представлено сколько-нибудь заметно в литературных языках (стр. 27).

3-й этап. «Появление в этих значениях особых слов, можно думать, первоначально в языке господствующих классов продолжавшего развиваться феодального общества». «Богатый» выражается одним словом *бай*, «бедный» же — различными словами: *чығай*, *йарлығ*, *байғуш*, *камбағал* (стр. 29).

4-й этап. Взаимный языковой обмен с иранско-арабскими народами в Средней Азии, с монгольскими — на востоке, что отразилось на судьбе

таких слов, как «торговля», «купец», «богатый», «бедный» (с XI—XIII до XX в.) (стр. 51). Этап широких заимствований терминов: *зенгин*, *фақир* и т. д. и дальнейшее развитие их семантики, образование производных. Заимствований больше в языке господствующего класса (стр. 64).

Можно с уверенностью сказать, что подобные этапы развития характерны не только для значений «богатый — бедный».

К сожалению, второе направление в лексикологических исследованиях А. Н. Самойловича не получило должного развития и не нашло своих последователей.

3. Ареальные исследования по лексике и семантике

Это направление имеет первостепенное значение для изучения истории тюркских языков, их контактов между собой и с другими языками, а также для изучения истории тюркских народов. Значение ареальных лексикологических исследований для установления отношений многочисленных письменных памятников к современным тюркским языкам трудно переоценить.

Образцом такого исследования является большая статья А. Н. Самойловича «Названия дней недели у турецких народов»¹⁴, в которой на основе системного анализа большого материала он дал своеобразную историческую классификацию тюркских языков по названиям дней недели.

Эта работа А. Н. Самойловича показывает продуктивность избранного им метода для установления исторических условий формирования определенных семантических групп лексики тюркских языков, относящихся к различным ареалам.

Данное направление имеет большие перспективы. Оно позволяет установить дифференцирующие и интегрирующие признаки тюркских языков и дать им историческое толкование. Однако, к сожалению, это направление также не получило развития в современной тюркологии. Исключение составляет лишь интересный доклад А. Н. Кононова на VII-ой региональной диалектологической конференции в г. Алма-Ате (май 1973 г.) на тему «Термины и способы определения стран света у тюркских народов»¹⁵, в котором устанавливаются различные ареалы тюркских языков и говорится об их сложных взаимных контактах в прошлом.

Подобные исследования можно провести не только по «культурным» терминам. Сравнительно-ареальный анализ древнейших названий животных, растений и т. д. также может раскрыть весьма интересные процессы исторического развития и взаимодействия тюркских языков. В частности, анализ тюркских названий деревьев, растений, леса и т. п. раскрывает весьма сложную картину в формировании и развитии терминологии данной отрасли. Так, например, названия дерева в современных тюркских языках образуют три ареала: *ағач*, *терек*, *дарахт*, что свидетельствует о разных периодах формирования этого термина в различных группах тюркских языков.

В системе названий леса также нашли отражение сложные взаимоотношения между тюркскими языками разных ареалов в прошлом.

Наиболее распространенным названием леса в большинстве тюркских языков является *орман*, что означает также «роща», «пуща»: ног.,

¹⁴ «Яфетический сборник», № 2. Пг., 1923.

¹⁵ См.: «VII региональная конференция по диалектологии тюркских языков. Маловские чтения». Тезисы докладов и сообщений. Алма-Ата, 1973, стр. 3—7.

Хоутсма, Абу-Хайян, каз., кар., Cod. Sum., арм.-кум., кр.-тат., кумык., тур. *орман*; тат., башк. *урман*; узб. *ўрмон*; кирг. *ормон*; чув. *вӑрман*. Слово *орман*, по утверждению Г. Дёрфера¹⁶, вошло в персидский, курдский, русский и балканские языки.

Орман можно считать кыпчакским обозначением леса, поскольку это слово входит во все современные кыпчакские и соседние с ними другие тюркские языки.

В этой основной группе тюркских языков с помощью слова *орман* (в сочетании с другими словами, а также посредством аффиксации) образуются слова, по значению связанные с понятием «лес»: кумык. *орман гийксиз болмас* 'где лес, там и волки' (досл. 'лес без зверей не бывает'), *орманлы* 'лесистый', *орманлы йер* 'лесистая местность'; ног., каз. *қара орман*, тат. *кара урман* 'густой, дремучий лес'; каз. *қалың орман*, ну *орман* 'дремучий лес'; тат. *аралаш урман*, каз. *аралас орман* 'смешанный лес'; узб. *игнабаргли ўрмон*, тат. *ылыслы урман* 'хвойный лес'; узб. *йапроқли ўрмон*, тат. *йафраклы урман* 'лиственный лес'; башк. *қарағай урман* 'сосновый бор', *бәләкәй урман* 'роща'; тур. *орманчы*, чув. *вӑрман улупчӑ* 'лесничий'; каз., ног. *орман қарауылшысы*, *орманшы*, башк. *урман қарауылшыһы*, тат. *урман каравылчысы* 'лесник'; чув. *вӑрман кунӑ* 'день леса', *вӑрман уйахлахӑ* 'месяц леса'; тур. *орманлык*, чув. *вӑрманлах*, узб. *ўрмонзор*, *ўрмонзорлик*, ног. *орманлык* 'лесистая местность'; тур. *орман колчусу* 'лесной сторож', *балта гөрмедик орман* 'девственный лес', *орманчылык* 'лесоводство', *ормание* 'полесной сбор', *орман кебабы* 'жаркое из мелких кусков мяса с чесноком'; ног. *орман кумырскалары* 'лесные муравьи'; тат. *урман сарыгы*, ног. *орман иеси* 'леший'; ног., каз. *орманшылык* 'лесоводство'. В ногайском для обозначения леса употребляется также производное от названия дерева *ағаш* — *ағашлык* 'лес', 'лесистая местность', *ағашлыққа бар* 'ходить в лес'. Многочисленные новые слова образуются как аналитическим, так и синтетическим способом от названия леса в тех языках, носители которых длительное время живут в лесистой местности, например: тат., башк. *имән урманы* 'дубняк', 'дубовый лес'; тат. *урман өреге*, башк. *урман өрөгө* 'терн', 'терновник'; тат. *урман ўрдәге*, башк. *урман қурпысығы* 'дупель лесной'; башк. *урман ақсыңы* 'объездчик'. В татарском аналитическим способом образованы многочисленные названия лесных животных и растений: *урман алмасы* (ср. ног. *ағаш алмасы*) 'дикое яблоко', *урман ахагы* 'брусника', *урман какысы* 'свербига'; *урман кандаласы* 'щетик', *урман шөлдие* 'вальдшнеп', *урман күгәрчене* 'дикий голубь' и т. д.

В киргизском языке слово *ормон* в значении «лес», будучи устаревшим, встречается редко, преимущественно в сочетании с другим распространенным названием леса — *токой* (*ормон-токой*, *токой-ормон* или *ормон-жыгач*), причем, как правило, в фольклоре: *тоо жыгачтуу жер болгон*, *токой-ормон чер болгон* 'это было горное лесистое место, были чащи-заросли', *тоо толгон ормон болсо, сен отун табалбай жүрөсүн* 'в горах много леса, а ты топлива не можешь найти' (о лодыре); *ормон кара* — название лекарственного растения в южных диалектах: *ормон кара бул йам жараға, сыныкка дары* 'растение ормон кара — это тоже снадобье для ран и переломов'.

В уйгурском параллельно употребляются как синонимы *орман* и *жаңгал*, наличие варианта *орман* сближает этот язык с обширной группой указанных выше тюркских языков: *қелин орман* 'дремучий лес', *орман хожулиғи* 'лесное хозяйство', 'лесничество', *орманчи* 'лесник, лесничий', *орманчилик* 'лесоводство', *орманзар* 'лесистая местность', *орман-*

¹⁶ G. Doerfer. *Türkische Elemente im Neupersischen*, t. II. Wiesbaden, 1965, стр. 588.

зарлик 'лесной массив'. Вообще в уйгурском языке встречаются различные названия леса, характерные для целого ряда тюркских языков. Кроме упомянутых выше двух слов, в уйгурском для обозначения леса употребляются также названия *тоқай* и *дәрәхзар*. Слово *жаңгал* наряду со значением «лес» имеет также значение «заросли кустарника»; ср. *қелин жаңгал* 'чаща', *жаңгаллик* 'лесистая местность', 'местность, поросшая кустарником'; однако некоторые поздние образования от *жаңгал* связаны в большей мере со значением «лес»: *жаңгалчи* 'лесник', *жаңгаллик* 'лесистый'. Слово *тоқай* относится к малоупотребительному разряду названий леса и обозначает «лесные заросли», производное от него *тоқайлиқ* имеет значение «лес, лесистая местность, лесные заросли». Слово же *дәрәхзар* образовано от иранского названия дерева и имеет значение «лес, лесистое место»; ср. *дәрәхзарлиқ* 'лесистая местность', *дәрәхзарлиқ бина* 'здание, окруженное деревьями'. По-видимому, уйгурские названия леса свидетельствуют о существовании в уйгурском языковом ареале разных диалектов тюркоязычных племен.

В качестве основного названия леса в ряде языков выступает *тоғай* в различных фонетических вариантах: кирг. *токой*, каракалп., каз. *тоғай*. В киргизском и каракалпакском это слово является основным обозначением понятия «лес» и употребляется в пословицах, поговорках, образуя также значительное число производных слов: кирг. *жалғыз дарак токой болбойт* 'одно дерево не образует леса', каракалп. *тоғайлы жер аңсыз болмас* 'леса не бывают без зверей', кирг. *токойчу*, каракалп. *тоғай бажбаны* 'лесник', кирг. *токойло* 'бродить по лесу, быть в лесу', *токойчул* 'любитель леса', *токой чарбасы* 'лесное хозяйство', *толгон токой* 'несметное число чего-либо', каракалп. *тоғайлық* 'лес'. В этих языках *тоғай* имеет также значение «тугай, заросли кустарника, часто смешанного с камышом, по поймам рек, по берегам озер, на заболоченных местах». В этом же значении употребляется и казахское *тоғай* в литературном языке, хотя в говорах оно имеет также значение «лес».

Узбекское *тўқай* также употребляется во втором значении — «тугай, заросли камыша»: *тўқайга ўт тушса, хўлқуруқ баравар йонади* 'если в тугае возникает пожар, то горит подряд и сырое, и сухое', *тўқай чумчуқ* 'клёст', *тўқайзор*, *тўқайзорлик* 'заросли камыша'. Узбекский язык отличается от тех языков, в которых основным названием леса является *орман*, тем, что в нем для обозначения этого понятия употребляются и некоторые другие слова: *дарахтзор* 'роща', *дарахтзорлик* 'лесистое место'. Наличие этих обозначений сближает узбекский язык с уйгурским: *чакалак*, *чакалакзор* 'густые заросли кустарника', 'густой лес', 'чаща, чащоба'.

Тоғай, обозначающий «лес» в упомянутых языках, в ряде тюркских языков, преимущественно северных и западных кыпчакских, употребляется в иных значениях: тат. *тугай* 1) 'извив, излучина реки', 2) 'луг', 'пойма', *урман тугае* 'лесная поляна' (диал.), 3) 'тугай'; характерны в последнем случае новообразования: *тугайлан* - 'витья, извиваться' (о реке), *тугайлы* 'с излучинами, извилистый' (о реке). В ногайском *тоғай* обозначает «луг» (ср. второе татарского): *сугарылатаған тоғай* 'заливной луг', *тоғай пишени* 'луговое сено'.

Туркменский язык в этом отношении стоит особняком: в нем параллельно с *тоқай* употребляется обозначение *жеңзел* 'лес', 'заросли', ср. *гүр жеңзел* 'густой лес', 'джунгли', *йапрақлы жеңзел* 'лиственный лес', *жеңзеллик*, *жеңзелчилик* 'заросли', 'лесистая местность', *жеңзелиге йет* - 'дойти до леса'. Однако именно название *тоқай*, обозначающее только «лес» (*гүр тоқай* 'густой лес', *тоқай хожалығы* 'лесное хозяйство'), сле-

дует считать основным в современном туркменском языке, что указывает на связь последнего с восточнокыпчакскими языками. Все производные от *тоқай* также отражают основное значение исходной основы: *тоқайлық* 'лесистый', *тоқайлық йер* 'лесистая местность', *тоқайчы* 'лесник', 'лесовод', *тоқайчылық* 'лесоводство'.

Специфичен в этом отношении азербайджанский язык: *мешә* 'лес', *мешә сал-* 'насаждать лес'. Все производные от *мешә* также тесно связаны со значением «лес»: *мешәбәйи* 'лесничий', *мешәчи* 'лесовод', *мешәгыран* 'лесоруб', *мешәчилик* 'лесоводство', *мешәлик* 'лесное пространство', 'лесистое место'; от *мешә* образованы некоторые названия растений и животных: *мешәалмасы* 'кислушка', *мешәторғайы* 'юла, лесной жаворонок', *мешәхорузу* 'глухарь, глухой тетерев', *мешәчүллүтү* 'вальдшнеп'.

Сибирские тюркские языки также имеют свою специфику выражения понятия «лес». В хакасском языке название дерева служит также и для обозначения леса: *ағас* 1) 'дерево', 2) 'лес'; *хойығ ағас* 'густой лес', *сабаллығ ағас* 'хвойный лес', *ағас одыртары* 'лесопосадка', *ағас промышленнозы* 'лесная промышленность'. Подобный перенос наименования части на целое и наоборот — распространенное явление в тюркских языках, ср. также употребление *ағас* в значении «палка, шест»: *сырғай ағас* 1) 'сухостой', 2) 'шест для сбивания кедровых шишек'; *тең ағас* 'стяг'. В тувинском языке в зависимости от характера леса последний имеет разные обозначения: *эзим* 'сплошной (обычно хвойный) лес', 'бор'; *арыг* 'лес в долине реки', чаще — лиственный лес, например: *хадыңныг арыг* 'березовый лес' (ср. *ары* 'северный склон горы'); *аьрга* 'горный лес', *пөштүг аьрга* 'кедровый лес', *аьрга чарык* 'лесистая сторона', *аьрга чер*, *аьргадыг чер* 'лесистая местность', *аьргала-* 'идти, ехать по лесу, через лес'. От *арыг* образуется глагол *арыгла-* 'идти, ехать по лесу, через лес'. Эти примеры показывают, что наиболее употребительными названиями леса в современном тувинском языке являются *арыг* и *аьрга*, восходящие, по-видимому, к общему корню.

Весьма интересны обозначения леса в якутском языке. Основным названием леса в современном якутском языке является *ойуур* (ср. монг. *ой* 'лес', 'бор, роща', *харанхуй ой* 'дремучий лес' и т. д.). Другое распространенное и широко употребительное название леса — *тыа* 1) 'лес', 'тайга', 'бор', 2) 'окраина, периферия'. Последнее название следует поставить в один ряд с обозначением леса в крайних западных тюркских языках — караимским (галицкий диал.), крымско-татарским *дағ* и гагаузским *даа* 'лес', 'гора' (кстати, в караимском название горы фонетически дифференцировано — *тав*, что, по-видимому, отражает более поздние связи с другими тюркскими языками).

Следует отметить, что недифференцированные значения «гора» и «лес» выражает также слово *тайга* в алтайском языке. Подобное явление встречается и в ряде других языков мира, ср., например, молдавское *кодры* 'лес', 'гора'¹⁷.

Караимское (галицкий диалект) и крымско-татарское *дағ* 'лес', так же как и гагаузское соответствие *даа*, отражают древнее название леса, обозначавшее главным образом лес, растущий на горе (первоначально — на северном склоне). В этой связи весьма интересно замечание Н. К. Антонова: «Можно полагать, что якутское *тыа* свое значение 'лес' имело, как показывают параллели, с древних времен, обозначая лес, растущий, возможно, на гористых местах. В последующем *тағ* дифференцировало свое значение в одних языках на значение 'гора', в других — на

¹⁷ Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 274.

‘лес’. Об этом говорит также второе значение якутского *тыя* — ‘окраина, периферия’... Например, говорят: *тыя сир, тыя дойду* ‘окраинная, периферийная местность’, противопоставляется *йөс сир, йөс дойду* ‘центр, центральная местность’... Лес, росший на горах, действительно мог являться и называться ‘окрайной’, ‘периферией’ для живущих на степной или лесостепной местности (прародине тюрков) с ивовыми и тальниковыми зарослями у рек, речек и озер»¹⁸.

Аналогично якутское *түбэ* ‘лесок’, ‘роща, состоящая из кустарников’, ‘лесная чаща’, ‘густой лес’; ‘кустарник’, ‘чаща’, ‘тайга’; ‘место, очень густо поросшее по преимуществу низкорослой растительностью’; ‘приречная поляна’¹⁹ может быть сопоставлено с *төбө/түбө/төбө* и т. д., имеющим в разных тюркских языках основным значением «холм», «возвышенность», «вершина». Диалектное якутское слово *сис, сис тыя* ‘нагорный лес’ является ареальным названием леса: его можно сравнить с древнетюркским, главным образом орхоно-енисейским, *йыш* (ДТС, 268), тув., алт. *йыш*, хак. *чыс*, шор. *чыш*, хак. (койбал.) *йыс* ‘горы, покрытые лесом’, ‘чернь’, алт., телеут. *йыштуу* ‘покрытый чернью’²⁰. В казахском языке этому слову соответствует, по всей вероятности, *жыныс* ‘место, покрытое сплошь кустарником’, ‘густой лесной массив’.

Таким образом, в тюркских языках «лес» в разных ареалах обозначается по-разному. Единое общетюркское название отсутствует, и из существующих по крайней мере десяти названий леса шесть образуют свои ареалы.

Наиболее распространенным названием леса является *орман*: оно встречается на тюркоязычных территориях от восточного Туркестана до восточной Европы. Наиболее раннее упоминание слова *орман* в письменных памятниках встречается, пожалуй, в «Легенде об Огузе кагане» (XIII в.): *Бу чақта бу йердә бир улуг орман бар эрди* ‘В это время в этом месте был большой лес’²¹. Второй ареал, территориально несколько более ограниченный, в соответствии с семантическими особенностями слова *тоғай* распадается на несколько субареалов: 1) *тоғай* в значении «лес», 2) *тоғай* в других значениях.

Слово же *йыш* относится к числу наиболее древних зафиксированных названий леса в тюркских языках. Оно часто упоминается в древнетюркских памятниках, являясь, по-видимому, одним из диалектных признаков языка орхоно-енисейских надписей. При этом следует учесть, что *йыш* имеет определенную локализацию в восточных тюркских языках. Например: *Илгерү Қадырқан йышка тэгі* (КТб, 2) ‘Вперед (на восток), вплоть до Кадырханской черни’; *Илгерү Қадырқан йышығ аша будунуғ анча қонтурдымыз* (КТб, 21) ‘Впереди (на востоке), за Кадырханской чернью мы поселили много народов’; *Қадырқан йышта* (Мог., 39) ‘в черни Кадырханской’ и т. д. Весьма вероятно, что *йыш* имеет общий источник с *ағач/ыйаш*, хотя этимология первого может трактоваться несколько иначе в связи с казахским вариантом — *жыныс*, где в середине слова появляется отсутствующее в других тюркских языках *н* при закономерных соответствиях начального *й/ж* и конечного *ш/с*.

Тюркским по происхождению является также одно из древних названий леса *дағ/тағ*, одновременно служащее и для обозначения горы. Это название, встречающееся в ограниченном числе окраинных тюркских

¹⁸ Н. К. Антонов. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск, 1971, стр. 18—19.

¹⁹ Там же, стр. 19.

²⁰ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. III, стлб. 497—498.

²¹ А. М. Щербак. Огуз-наме. Мухаббат-наме. М., 1959, стр. 23—24.

языков, свидетельствует о том, что тюрки, употреблявшие его, жили на северных склонах гор, покрытых лесом, и поэтому название горы было перенесено ими и на лес.

Даг не образует отдельного ареала, бытуя на восточной и западной окраинах тюркоязычной территории.

В среднеазиатском ареале (узбекский и уйгурский) с охватом туркменского, наряду с широко распространенным *орман*, как синоним употребляется иранское заимствование *жеңзел*.

В карачаево-балкарском языке по сравнению с другими тюркскими языками обозначение леса претерпело значительные изменения, получившие отражение в инновациях. Среди кыпчакских и вообще тюркских языков особняком стоит карачаевское название леса — *чегет*: *қалын чегет* 'густой лес', *чегетли жер* 'лесистая местность', *чегет сақлаучу* 'лесник' и т. д. В балкарском лес обозначается общим названием дерева — *ағач*. Слово *орман* сохраняется в некоторых словосочетаниях с коллективным значением, однако не в значении «лес»: *орус орман* 'русские и другие' (то есть все, кроме карачаево-балкарцев).

Ареальное членение тюркских языков по названиям леса, дерева во многом совпадает с их членением по другим лексико-семантическим группам, а также по морфологическим показателям.

Как уже отмечалось выше, это третье направление в исследованиях А. Н. Самойловича, так же как и предыдущее, не получило дальнейшего развития. Объективная трудность проведения такого рода исследований заключается в отсутствии значительных лексикологических и лексикографических трудов по многим тюркским языкам.

И в наши дни не потеряли актуальности слова А. Н. Самойловича о том, что «выяснение различных, больших или малых, оттенков в значениях многочисленных... тюркских, арабских, персидских, арabo-персидских и иных слов... в различных языках тюркской системы в различные исторические эпохи..., полный подбор этих слов — совершенно необходимая работа, которая должна быть проделана преимущественно на местах силами отдельных национальных научных работников и научно-исследовательских учреждений» («„Богатый“ и „бедный“ в тюркских языках»).

Э. И. ФАЗЫЛОВ

А. Н. САМОЙЛОВИЧ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ТЮРКСКИХ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Многочисленные письменные памятники древности и средневековья, особенно раннего, были обнаружены и обнародованы благодаря усилиям ряда видных русских ученых. Одним из неутомимых исследователей тюркских письменных памятников был и Александр Николаевич Самойлович, имя которого особенно дорого узбекскому народу, языку, литературе, фольклору, истории и этнографии которого он посвятил ряд своих фундаментальных трудов.

А. Н. Самойлович неоднократно приезжал в Среднюю Азию. Если в царское время он использовал свои более или менее продолжительные поездки для знакомства с краем, расширения связей с местными востоковедами, собирания материалов о ремесленниках, музыкантах, кукольном театре, театре теней и исследования рукописей¹, то после Октябрьской революции он тесно связал свою жизнь с Узбекистаном, участвуя во многих научных совещаниях и конференциях, а также культурном строительстве в республике.

Одним из главных направлений в его исследовательской деятельности было изучение языка тюркских письменных памятников XI—XIX вв., в особенности дошедших до нас на чагатайском (староузбекском) языке. А. Н. Самойлович впервые в тюркологии проследил пути формирования узбекского литературного языка, посвятив этой весьма сложной проблеме ряд работ. Наиболее важные из них: «О путях формирования узбекского литературного языка» («Кизил Узбекистон», № 117, 23 мая 1929); «Элементы диалекта „джокчи“ в литературном чагатайском языке» («Научная мысль», вып. 1, 1930, стр. 11—14); «О путях создания узбекского литературного языка» (в кн.: «Тил-имло конференцияси», 1929 йил майнинг 15—23 кунларида Самарқандда бутун Ўзбекистон миқёсида тўпланган ўзбек тил-имлочилари ва адиллар конференциясининг тўла ҳисоби. Тошкент, 1932); «Мухаббат ва Таашшук нома» («Маориф ва окутувчи». Самарканд, 1927, № 3-4, стр. 42—44); «К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка» («Мир-Али-Шир», Ленинград, 1928, стр. 1—24) и др.

Подробно исследовав среднеазиатские литературные памятники XI—XIX вв., А. Н. Самойлович выделил четыре связанных между собой периода в развитии их языка: первый относится ко времени образования караханидского государства (с центром в Кашгаре); второй начинается после распространения ислама среди огузов и кыпчаков (цен-

¹ А. Н. Самойлович. Поездки в Туркестан в 1906—1907 гг. — ЗВОРАО, т. XVIII, 1907—1908.

тры — в бассейне нижнего течения Сырдарьи и в Хорезме); начало третьего периода связано с подъемом культурной жизни в тимуридских владениях (ряд центров в оседлой части Чагатайского улуса). Третий период А. Н. Самойлович называет «чагатайским» и подразделяет на следующие этапы: XV—XVI вв. — «золотой век», XVII—XVIII вв. — «кризис»; XIX—XX вв. (особенно в Коканде и Хиве) — «новое возрождение». Четвертый период начинается в XX веке; он идет на смену чагатайскому и знаменует собой завершение формирования узбекского литературного языка².

Данная классификация языка письменных памятников XI—XIX веков в настоящее время общепринята и лишь в отдельных случаях дополняется и уточняется современной наукой³.

Важное место в работах А. Н. Самойловича, тонкого знатока восточной литературы и истории, занимает исследование жанра *намэ* в узбекской литературе. В его работах и публикациях из «Таашшук-намэ», «Мухаббат-намэ», «Шейбани-намэ», «Хорезм-намэ» и других видна глубокая эрудиция автора, его редкая способность подмечать и объяснять трудные языковые явления, применяя при этом новые методы исследования. К тому же названные труды снабжены исчерпывающим научным аппаратом, облегчающим их использование.

А. Н. Самойлович был также первым исследователем другого жанра узбекской литературы — *туюг* (четверостишия). Его статьи, посвященные анализу четверостиший Навои, Лутфи, Амири и других⁴, представляют большую научную ценность как сами по себе, так и в силу тех широких возможностей, которые они раскрывают для дальнейших филологических изысканий.

Своими знаниями творчества Атаи и лирики Бабур-наме мы во многом обязаны А. Н. Самойловичу. Ему же принадлежит заслуга посмертного издания замечательной работы П. М. Мелиоранского о «Шайбани-наме» Мухаммеда Салиха.

А. Н. Самойловича отличало стремление к предельной научной достоверности и точности. Он в своих работах скрупулезно воспроизводил тексты соответствующих литературных памятников со всеми разночтениями и вариантами. Таковы его публикации: «Один из списков „Родословного дерева туркмен“ Абуль-гази-хана» (ДАН, серия В, 1927, № 2, стр. 39—42); «Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе» (ЗВОРАО, 1910, т. XIX, вып. 1, стр. 01—030); «Извлечение из трактата по просодии Мир Али Шир Невайи „Мизану-ль авзан“» («Восточный сборник», № 1. Л., 1926, стр. 105) и др.

Известностью среди тюркологов пользуются исследования А. Н. Самойловича, посвященные «Бабур-наме», «Кутадгу билиг», «Равнакул-ислам», «Фирдавсул-икбал», «Риязуд-давле» и др.

² А. Н. Самойлович. Мухаббат ва Таашшукнома. — «Маориф ва окутувчи». Самарканд, 1927, № 3-4, стр. 42—44 (в араб. графике); *его же*. К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка. — В кн.: «Мир-Али-Шир». Л., 1928, стр. 21—23.

³ А. Шербак. Замечания о тексте и языке Таашшук-наме. — «Studia Turcica». Budapest, 1971, стр. 431—440; J. Eckmann. Chagatay Manual. Indiana University, Bloomington, 1966, стр. 1—10; *его же*. Die Tschagataische Literatur. — «Philologiae Turcicae Fundamenta», II. Wiesbaden, 1964, стр. 304—402.

⁴ А. Н. Самойлович. Четверостишия-туйуги Невайи (посвящается памяти Ф. Е. Корша). — В кн.: «Мусульманский мир» Пг., 1917, стр. 10—22; *его же*. Из туюгов чагатайца Эмири. — «Доклады Академии наук СССР», серия В. Л., 1926, май—июнь, стр. 75—77; *его же*. Чагатайские туюги Лютфи. — Там же, стр. 78—80; *его же*. Хивинские туюги XIX века. — Там же, 1927, № 2, стр. 43—45.

Обнаруженные и изученные А. Н. Самойловичем рукописи зачастую являются единственными источниками сведений по истории культуры народов Средней Азии⁵.

Ценный вклад внес ученый в изучение живого узбекского языка и его диалектов, причем материалы своих наблюдений ученый сопоставлял с данными письменных памятников. А. Н. Самойловичем впервые была дана классификация узбекских говоров. В своей известной статье «О классификации узбекских говоров» (в кн.: «Вопросы языка и орфографии». Самарканд—Ташкент, 1929, стр. 320—331) он делит узбекские говоры на: 1) юго-восточную, или чагатайскую, группу; 2) средне- или кыпчако-туркменскую группу; 3) северо-западную, или «джокчи», группу.

Особенно показательна его работа «Элементы диалекта „джокчи“ в литературном чагатайском языке», в которой дается предположительное объяснение возникновению джеканы и чеканы в узбекском литературном языке чагатайского периода. По мнению А. Н. Самойловича, некоторые факты джеканы или чеканы связаны с заимствованиями из монгольского языка, а другие — возникли вследствие влияния на литературный язык джекающих диалектов узбекского языка.

На материале «Дивана» Махмуда Кашгари, «Кутадгу билиг», «Хосров и Ширин» Кутба, «Бабур-наме», «Шайбани-наме», «Абушка», привлекая словари Паве де Куртейля, Г. Вамбери, Шейха Сулеймана Бухарского, Т. Цинкера и других, А. Н. Самойлович прослеживает историю джеканы в тюркских литературных языках.

К сожалению, намеченные им в свое время задачи по изучению истории диалектов узбекского и других тюркских языков с широким привлечением материалов письменных памятников до сих пор еще не получили сколько-нибудь удовлетворительного решения.

Поразительно умение А. Н. Самойловича буквально в нескольких строках давать мастерское изложение разнообразных вопросов узбекской топонимики и ономастики⁶.

Историки языка и специалисты по терминологии найдут весьма ценные данные в его переводческих работах. В частности, в «Сокращенном переводе отрывков из хивинских хроник XIX в. о хивинско-каракалпакских отношениях» («Труды ИВАН», 1935, т. 7. Материалы по истории каракалпаков, стр. 91—134) даны толкования слов *инак*, *хивак*, *эль*, *мехрем* (титул), *сенгир*, *Чиманай*, *Кала*, *Таллык*, *Талдык*, *алтун* (*алтын*), *джалпас* (два самостоятельных рода).

Рецензии А. Н. Самойловича на труды отечественных и зарубежных тюркологов всегда проникнуты духом доброжелательства, не исключающим, однако, объективности, принципиальности в оценках и требовательности. Примером в этом отношении могут служить его рецензии на работы Денисона Росса (ЗВОРАО, 1911, т. XX, вып. 1—3).

⁵ А. Н. Самойлович. Шейбани-наме. Персидский *unicum* библиотеки Хивинского хана. — ЗВОРАО, 1910, т. XIX, вып. 4, стр. 0164—0176; *его же*. Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе, I. Краткая опись среднеазиатских рукописей собрания А. Самойловича. — ЗВОРАО, 1910, т. XIX, вып. 1, стр. 01—030; *его же*. Два отрывка из Хорезм-наме. — Там же, стр. 078—083.

⁶ А. Н. Самойлович. К вопросу о наречении имени у турецких племен. — «Живая старина», 1911, т. XX, вып. 1, стр. 297; *его же*. По поводу издания Н. П. Остроумова «Светоч Ислама». — ЗВОРАО, т. XVIII, вып. 4, стр. 0158—0166; *его же*. Монголо-шаманский обряд завораживания бунчуков в нач. XVI в. — «Живая старина», 1911, т. XX, вып. 1, стр. 427.

стр. 093—0101), С. И. Полякова (ЗВОРАО, 1906, т. XVII, вып. 1, стр. 074—083), Н. П. Остроумова (ЗВОРАО, 1907—1908, т. XVIII, вып. 4, стр. 0158—0166) и др.

Многие годы А. Н. Самойлович исследовал труд Мирзы Мехди-хана «Санглах», посвященный сравнительному исследованию языка Алишера Навои, в сопоставлении с анатолийскими, азербайджанскими письменными памятниками, а также с живыми тюркскими языками. Исследовав основные аспекты труда персидского филолога, А. Н. Самойлович определил место «Санглаха» в истории тюркологии. Ученый справедливо отмечал, что «грамматика Мехди-хана имеет некоторое преимущество перед «Общей грамматикой турецко-татарского языка» (1846) проф. Мирзы А. Казембека. Во всяком случае, до сих пор не забытая, особенно в западной Европе, «Общая грамматика» проф. Казембека, являющаяся первым опытом общей грамматики турецких языков и диалектов в Европе, а хронологически — лишь продолжением таких же грамматик в Азии, начиная с Махмуда Кашгарского, в отношении чагатайского языка сильно отстает от труда Мехди-хана»⁷.

Несмотря на то что А. Н. Самойлович пользовался главным образом изданием Денисона Росса⁸ (ум. в 1942 г. в Стамбуле), перевод которого содержал многочисленные неточности, статья его привлекла пристальное внимание к труду Мирзы Мехди-хана и других исследователей, в частности Дж. Клосопа, Бесима Аталая, Я. Экмана, К. Менгеса, К. Мухитдинова. В своей работе А. Н. Самойлович выражал надежду, что в дальнейшем будут исследованы как живые тюркские диалекты Ирана, так и филологические трактаты восточных авторов. Однако, если в исследовании живых тюркских диалектов Ирана наметились определенные сдвиги, то изучение филологических трактатов на персидском языке ведется пока еще недостаточно интенсивно⁹. Даже такой памятник, как «Лугати Ни'матуллах», все еще остается неисследованным.

В трудах А. Н. Самойловича большое внимание уделяется памятнику XI века «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского. Критически пересмотрев радловское издание этого памятника и используя другие источники, в том числе «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари, А. Н. Самойлович подготовил новый перевод «Кутадгу билиг». Он, видимо, намеревался составить и словарь, о чем можно судить по его комментариям к отдельным неясным местам в рукописи и толкованию им некоторых слов из нее¹⁰.

К рукописи «Кутадгу билиг» А. Н. Самойлович неоднократно обращался при исследовании языка «Хосров и Ширин», «Мухаббат-наме», «Таашшук-наме», надписей на глиняном кувшине из Сарайчика (ЗВОРАО, 1911, т. XXI, вып. 1) и т. д.; ученый впервые установил влияние «Кутадгу билиг» на «Хосров и Ширин» Кутба. Он подсчитал также количество четверостиший (202) в «Кутадгу билиг» и определил

⁷ А. Н. Самойлович. Персидский тюрколог XVIII века Мирза Мехди-хан. — «Известия Общества Исследования и Изучения Азербайджана». Баку, 1927, № 5, стр. 10—11.

⁸ R. E. Denison. The Mabâni' l-lughat being a grammar of the turki Language in Persia, by Mirza Mehdi Khan. Bibliotheca Indica. New Series, Nr. 1225. Calcutta, 1910.

⁹ См.: А. А. Ромаскевич. Новый чагатайско-персидский словарь. — В сб.: «Мир-Али-Шир». Л., 1928, стр. 83—99; А. Н. Кононов. Тюркская филология в СССР, 1917—1967. М., 1968, стр. 17—21; А. К. Боровков. Лексикографическая традиция в словарях чагатайского языка. — «Лексикографический сборник», вып. IV. М., 1960, стр. 151—162.

¹⁰ А. Н. Самойлович. Из поправок к изданию и переводу «Кутадгу билиг». — Доклады Академии наук СССР», серия В. Л., 1924, сентябрь—октябрь, стр. 148—151; его же. Дополнения к предложенным Радловым и Томсеном переводам одного стиха «Кутадгу билиг». — «Доклады Академии наук СССР», серия В. Л., 1928, № 2, стр. 23—25.

стихотворные размеры поэмы, что не совсем точно было сделано до него М. Хартманом¹¹.

Изучая тюркские памятники XI—XIX вв., А. Н. Самойлович ввел целый ряд новых терминов — названий языков: среднеазиатско-турецкий литературный язык исламской эпохи, чагатайский язык, смешанный уйгурско-половецкий язык, кыпчакско-огузский период среднеазиатско-турецкого литературного языка, караханидский язык, карлукско-кыпчакско-огузский язык, карлукский диалект, литературный язык восточно-туркестанской (кашгарской) мусульманской эпохи, уйгурско-кыпчакский язык, огузско-туркменский язык, язык турки, литературный хивинско-узбекский язык и т. д. Правда, им не был уточнен круг памятников, охватываемых вышеперечисленными обозначениями.

Об огромной работе, проделанной А. Н. Самойловичем в области изучения языка тюркских письменных памятников, говорит уже одно их перечисление: «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского, «Дивану лугатит-турк» Махмуда Кашгари, «Атабиатул хакаик» Ахмеда Югнаки, «Диван» Ахмеда Ясеви, «Кодекс Куманикус», «Хосров и Ширин» Кутба, «Мухаббат-наме» Хорезми, «Таашшук-наме» Сиди Ахмеда, «Кисаси Рабгузи», «Нахджул фарадис», «Кысса-и Юсуф» Али, «Китаб ал-идрак ли-лисан ал-атрак» Абу-Хайяна, «Тарджуман турки ва аджами ва мугали», «Юсуф и Зулейха» Андалиба, «Араб-филолог», «Диван» Атаи, «Диван» и «Гул-у Навруз» Лютфи, «Махзан» и «Махзан-ул-асрар» Мир-Хайдара, «Диван» Сакаки, «Шейбани-наме» (на тюркском и персидском языках) и «Диван» (на персидском языке) Мухаммеда Салиха, «Равнакул ислам», произведения Алишера Навои («Вакфийе», «Муншаат», «Мухакамат-ул-лугатайн», «Мезанул авзал», «Диван» и другие), «Диван» Хусейна Байкары, произведения Юсуфа Амири, «Бабур-наме» и «Диван» Бабура, «Шаджараи турк» и «Шаджараи таракима», «Хорезм-наме», «Тезкирэ-и-эвлия», «Мирадж-наме», «Ребаб-наме», «Гариб-наме» Ашикпаши, «Фирдавсул-икбал» Муниса, «Риязуд-давле» Муниса и Агахи, «Мабаин лугат» Мехдихана и др. Почти обо всех названных памятниках он высказал оригинальные суждения, внес много нового в их понимание.

Охарактеризовать в одной статье все сделанное А. Н. Самойловичем в области исследования тюркских памятников, по вполне понятным причинам, не представляется возможным. Поэтому ограничимся кратким перечнем тех основных проблем и вопросов, которые удалось разрешить выдающемуся ученому в этой важнейшей области тюркологии. Многолетние и с подлинным научным блеском проведенные исследования позволили ученому:

создать периодизацию в истории развития языка письменных памятников XI—XIX вв., принятую в целом или с отдельными уточнениями и всеми современными тюркологами;

доказать, что язык памятников XI—XIX вв. представляет собой единый литературный язык, прошедший несколько этапов в своем развитии;

установить, что в Джучиевом Улусе и во входящем в него Хорезме функционировал литературный язык, носивший явные следы местных золотоордынских диалектов и значительно отличавшийся от чагатайского (имеется в виду язык «Мухаббат-наме» Хорезми, «Хосров и Ширин» Кутба, «Нахджул фарадис»);

¹¹ М. Hartmann. Zur metrischen Form des Kudatku Bilik. — «K'életi Szemle», III, 1902.

выявить диалектные основы языка памятников XIII—XIV вв. в пределах Джучиева Улуса или Золотой Орды (в восточной части этого Улуса — Хорезме, например, существовали кыпчакский и огузский диалекты);

выдвинуть предположение, что в формировании литературного языка Западного Туркестана, еще до возникновения чагатайской литературы в Улусе Чагатая, немаловажную роль сыграл карлукский диалект;

указать на наличие характерных языковых особенностей в четверостишиях Ахмеда Югнаки, отличающих их от «Кутадгу билиг», хотя по отношению к ним и употребляется термин «кашгарский»;

показать, что в языке «Мухаббат-наме», «Хосров и Ширин», «Кисса-и Юсуф» имеются элементы северо-восточной группы тюркских языков (уйгурской), северо-западной (кыпчакской) и юго-западной (огузской);

исключить из числа памятников чагатайского языка и чагатайской литературы основные тексты «хикматов» Ахмеда Ясеви и «Кысасу-ль-энбия» Рабгузи (имеется в виду первоначальный текст «Кисаси Рабгузи»), так же как и «Кысса-и Юсуф» Али;

утверждать, что «литературная деятельность на турецком (т. е. тюркском. — Э. Ф.) языке в Хорезме в эпоху Золотой Орды должна была иметь ближайшую связь, особенно в области стихотворных произведений, со школой, основанной в XII в. мистиком-стихотворцем Ахмедом Ясеви в бассейне нижнего течения Сыр-Дарьи», и что «для народных поэтов, и только для них, великим, но не единственным вдохновителем являлся Ахмед Ясеви, в творениях которого турецкий (т. е. тюркский. — Э. Ф.) дух чувствуется, несмотря на то, что и он подражал персидской поэзии» («Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе» (I). Краткая опись среднеазиатских рукописей собрания А. Самойловича. — ЗВОРАО, т. XIX, вып. 1, стр. 01—030);

предположить, что в основе языка Ахмеда Ясеви лежат кыпчакско-огузский или карлукско-кыпчакско-огузский диалекты;

утверждать, что «язык у народных поэтов Средней Азии прежде всего отличается сравнительной простотой, не будучи пресыщен все еще не вошедшими в народный обиход арабскими и персидскими словами и оборотами, а затем, особенно у туркменских поэтов, более чем язык образованных писателей, отражает в себе местное наречие; сравнительно прост и стиль; описание действий, состояний и чувствований не отодвинуто совсем на задний план погоней за вычурными, но мертвыми фразами; блески простого, неутонченного турецкого юмора, подчас довольно ядовитого, и незатейливой народной мудрости, иногда выраженной прямо в виде пословицы, наконец проявление грубой дикости, например, при восхищенном описании ужасных боевых сцен, также характеризуют творения» («Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе». — ЗВОРАО, т. XIX, вып. 1, стр. 01—030); и что «между так называемым литературным уйгурским языком начала исламской эпохи в Средней Азии, языком «Кутадгу-билиг», который правильнее было бы именовать караханидским, и литературным чагатайским языком времен Тимуридов имеется промежуточное звено в виде не получившего окончательного оформления на своей территории языка XII—XIV веков в бассейне нижнего течения Сыр-Дарьи, в Хорезме, с XIII в. — в Золотой Орде» («К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка», стр. 19—20);

высказать предположение о влиянии литературного среднеазиатского языка на османский (турецкий) и азербайджанский литературные языки;

выдвинуть мысль о том, что казанско-татарский и крымско-татарский литературные языки, прошедшие в своем развитии несколько этапов, восходят к кыпчакскому и тесно связаны с языком литературных произведений Золотой Орды;

утверждать, что «литературный язык среднеазиатских туркмен имеет своим литературным источником не чагатайский язык, а памятники с низовьев Сыр-Дарьи и из Хорезма, особенно те, в которых из двух местных диалектов (кыпчакского и огузского) преобладал второй. В песнях Махтумкули и других позднейших туркменских поэтов встречаются, в частности, слова, характерные для „Мухаббат-наме“» («К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка», стр. 20);

считать, что язык письменных памятников в своем развитии прошел четыре этапа, каждый из которых охватывает огромный период, с характерными для каждого из этапов памятниками;

предположить, что «оригинал „Хосров и Ширин“ Кутба был написан в Золотой Орде в XIV в., а в Египте сделана довольно дефектная копия выходцем из кыпчакского народа Берке Факихом» («К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка», стр. 6);

поставить вопрос о необходимости использования при исследовании исторических памятников всех пособий, способствующих правильному, полному и точному пониманию текста оригинала, а также всех имеющихся словарей, историко-географических источников и показаний сведущего местного населения, в сочетании с тщательным изучением предшествующих исследований и работ, привлечением новых списков рукописей, внимательным чтением и точным переводом во избежание модернизации последнего;

утверждать, что узбекский язык состоит из трех диалектов и что фонетическую основу литературного языка должны составлять сингармонические говоры, ибо литературный язык должен впитать в себя все лучшее, что имеется в диалектах («О путях формирования узбекского литературного языка». — «Кизил Узбекистон», 1929, № 117);

считать, что большой вклад в сравнительную тюркологию внесли персидские филологи, труды которых заслуживают пристального внимания и глубокого изучения;

утверждать, что литературные памятники XI—XIX вв. в языковом отношении были неоднородны и что в их становлении и развитии определенную роль сыграли джекающие говоры;

выделить группы слов, составляющих архаическую лексику, а также отдельные формы, характерные для огузского, кыпчакского и других языков;

установить особенности стихотворных форм, размеров, рифм, редифов поэтических памятников XI—XIX вв.; показать наличие во многих из последних элементов устного народного творчества; выявить влияние «Шах-наме» и «Кутадгу билиг» на ряд литературных памятников тюркских народов;

дать правильное толкование трудно дешифрируемым частям средневековых памятников и рунических надписей;

на основании сопоставления вариантов рукописей установить особенности почерков переписчиков и каллиграфов, дать объяснение отдельным фонетико-морфологическим и лексическим явлениям в рукописях;

исправить многочисленные неточности в написании слов и выражений;

считать необходимым сравнительное изучение загадок «Кодекс Куманикуса» и загадок современных тюркских народов для облегчения правильного чтения и дешифровки неясных мест в рукописи этого памятника¹²;

высказать мысль, что «переднеазиатско-турецкий литературный стихотворный язык в свою очередь складывался в сельджукидскую эпоху на туркменизированной уйгурской основе, как это явствует из так называемых «сельджукских стихов», а позднее испытывал на себе некоторое чагатайское влияние» («Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе». IV. Чагатайский поэт XV в. Атаи. — ЗКВ, 1927, ч. 2, вып. 2, стр. 257—274);

обобщить собранные им материалы по чагатайскому языку и приступить к описанию его грамматического строя (в архивах А. Н. Самойловича сохранилось начало грамматики чагатайского языка, представляющей большой интерес для тюркологов);

выявить закономерности нивелировки диалектов тюркских языков и сближения литературного языка с разговорным.

А. Н. Самойлович подготовил и опубликовал тексты ряда литературных памятников, произведения устного народного творчества, большинство из которых имеет непреходящую ценность в деле изучения культуры народов Средней Азии. Он утверждал, что «уважение к древности есть, несомненно, один из признаков истинного просвещения и выражения уважения к памяти и заслугам отошедших в вечность деятелей, ...является необходимым исполнением нашего культурного долга и дает, кроме того, повод продвинуть вперед начатые, но далеко не законченные их дела»¹³.

А. Н. Самойловичу удалось открыть новые горизонты в тюркологии. Его неутомимость, целеустремленность и бескорыстное служение науке являются вдохновляющим примером для современных ученых-тюркологов, особенно для молодого поколения.

¹² Эту работу проделал Андреа Титце. См.: *Andreas Tietze. The Koman Riddles and Turkic Folklore.* Berkeley and Los Angeles, 1966.

¹³ А. Н. Самойлович. Памяти П. М. Мелиоранского. — ЗВОРАО, 1907, т. XVIII, вып. 1, стр. 01—024; *его же*. И. Н. Березин — как тюрколог (1818—1918). — «Записки Коллегии востоковедов», т. I, 1925, стр. 161—172; *его же*. Вильгельм Томсен и тюркология. — В кн.: «Памяти В. Томсена. К годовщине со дня смерти». Л., 1928, стр. 14—34.

Д. НУРАЛИЕВ

А. Н. САМОЙЛОВИЧ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ТУРКМЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ФОЛЬКЛОРА

Труды крупных русских востоковедов XIX — начала XX века Ф. А. Бакулина, В. В. Бартольда, И. Н. Березина, И. И. Веселовского, П. М. Мелиоранского, В. А. Жуковского, а также материалы их архивов свидетельствуют об огромном интересе представителей русской науки к культурному наследию туркменского народа и серьезном вкладе, внесенном ими в изучение туркменской литературы. Особенно большие заслуги в собирании и изучении письменных памятников туркменской литературы принадлежат Александру Николаевичу Самойловичу.

А. Н. Самойлович приступил к изучению туркменского языка еще будучи студентом. Летом 1902 года по совету П. М. Мелиоранского он получил командировку в Туркмению для сбора материала по туркменскому языку в связи с подготовкой дипломной работы. «П. Мелиоранский крайне внимательно руководствовал моими подготовительными занятиями»¹, — писал А. Н. Самойлович.

За короткое время (всего два месяца) А. Н. Самойлович собрал огромное количество туркменских пословиц и различных языковых материалов. В работе «Туркменское и текинское народное творчество» ученый писал: «Большая часть загадок и пословиц записана мною в аулах Багир и Геок-Тепе № 1 Асхабадского уезда со слов текинцев разных возрастов, начиная с аксакалов и кончая ребятами, в городах Асхабад и Мерв»²

А. Н. Самойлович был неутомим в поисках материала и, как свидетельствуют его записи, побывал почти во всех уголках Туркмении: «Во время своего двухкратного посещения Закаспийских туркмен: в 1902 — (2 месяца) и в 1907 — (3 месяца) жил среди племен: теке Ахала и Мерва, сарыков Иолотани, иомудов и огуржалинцев острова Челекена, а также встречался с эрсаринцами и салырами с берегов Аму-Дарьи»³.

После первой поездки, на основании собранных языковых материалов, А. Н. Самойлович написал дипломную работу «Опыт лингвистического исследования текинского говора туркменского диалекта», удостоенную золотой медали. В предисловии и введении автором приводятся ценные сведения об изучении туркменского языка в Европе и России.

¹ Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ), ф. 671, оп. 77, д. 77. «Записные книжки» за 1902—1904 гг., запись № 2.

² Там же, д. 91. Туркменское и текинское народное творчество, сказки, пословицы, загадки, собранные и переведенные А. Н. Самойловичем, 1906—1907 гг. Автограф, л. 458.

³ Там же, д. 91, л. 474.

По объему эта работа превышает обычную кандидатскую диссертацию. Одновременно А. Н. Самойловичем был составлен небольшой туркменско-русский словарь⁴.

Велики заслуги А. Н. Самойловича и в изучении творчества отдельных туркменских поэтов. Во время своих поездок в Туркмению в 1902, 1906—1907 и 1908 гг. А. Н. Самойлович собрал огромный литературный материал, позволивший ему ознакомиться с творчеством более чем пятидесяти поэтов-туркмен и написать о них. Объектом многолетних исследований А. Н. Самойловича была поэма «Дженгнама» туркменского поэта XIX в. Абду-с-Саттара Казы, изданная впоследствии отдельной книгой⁵. Эта книга была представлена А. Н. Самойловичем в качестве магистерской диссертации, которую он защитил 15 января 1915 г. Первым официальным оппонентом на защите выступил В. В. Бартольд⁶.

Труд А. Н. Самойловича представлял собой первое серьезное научное исследование в области не только туркменской, но и вообще тюркоязычной литературы. Единственный (по нашим сведениям) экземпляр этой книги хранится в рукописном фонде Института языка и литературы им. Махтумкули Академии наук Туркменской ССР под шифром 2070.

Первое научное публичное выступление А. Н. Самойловича состоялось 29 апреля 1904 г. в Восточном отделении Русского археологического общества, где им был прочитан доклад «Туркменская поэма о столкновении туркмен с персами в 60-х годах XIX столетия». А через три года в учебную программу Петербургского университета был включен новый предмет — «Туркменская литература». В своей вступительной лекции «Общая характеристика туркменской изящной литературы. Туркменская песня»⁷ ученый охарактеризовал историю туркменских племен и рекомендовал изучать туркменскую литературу на основе творчества отдельных поэтов, руководствуясь при этом географическим принципом. С нашей точки зрения, это было наиболее целесообразным для того времени методом изучения, так как тогда между туркменскими поэтами почти никаких контактов не существовало.

Круг литературоведческих интересов А. Н. Самойловича весьма широк, о чем свидетельствуют следующие тематические разделы его исследований: 1) туркменское народное творчество; 2) туркменская литература от ее истоков до поэтов 20-х гг. XIX в. (от «Горкута» до Кёр-Моллы); 3) туркменская классическая литература; 4) туркменская советская литература.

В отличие от своих предшественников А. Н. Самойлович отступил от утвердившегося в фольклористике описательного принципа и сумел раскрыть в явлениях фольклора их социальное содержание, обусловленное историческими факторами. Особое внимание он уделял анализу загадок. Им собраны 181 пословица, 176 загадок, 16 сказок и многочисленные песни, прибаутки, колядные песни, легенды.

В области истории древней литературы (IX—XVII вв.) ученому не удалось создать каких-либо капитальных исследований. Его научные разработки, связанные с этим периодом, носят фрагментарный характер. А. Н. Самойлович утверждал, что изучение истории туркменской лите-

⁴ Рукописный отдел ГПБ, ед. хр. 129.

⁵ «„Абду-с-Саттар Казы“». Книга рассказов о битвах текинцев. Туркменская историческая поэма XIX века». Издал, перевел, примечаниями и введением снабдил А. Н. Самойлович. СПб., 1914.

⁶ Архив АН СССР, ф. В. В. Бартольда 68, оп. 1, д. 58. «Замечания В. В. Бартольда как оппонента на диссертацию А. Н. Самойловича».

⁷ Рукописный отдел ГПБ, ф. 671, ед. хр. 31, гл. II, л. 23.

ратуры следует начинать с орхонских памятников⁸. Интересны его высказывания о таких крупнейших народных эпосах, как «Коркут-Ата»⁹, «Кер-оглы»¹⁰.

Внимание А. Н. Самойловича постоянно занимала поэма «Кысса-и-Юсып» Али. На основании тщательного изучения исторических источников ученый приходит к выводу, что это — памятник туркменской литературы XIII века¹¹.

Особенно много сделано А. Н. Самойловичем в области изучения туркменской литературы XVIII века. Творчеством Азади и Махтумкули, а также их выдающихся современников Магрупи, Шейдаи, Андалиба он занимался долгие годы. «Для занимающихся духовным бытом туркмен изучение Махтумкули — поэта XVIII века имеет огромное значение, так как этот поэт является самым выдающимся и популярным туркменским поэтом»¹², — писал ученый.

Наибольший интерес представляет составленный А. Н. Самойловичем еще до революции указатель к стихотворениям Махтумкули¹³. Этот указатель особенно ценен тем, что был создан задолго до того, как начался планомерный сбор и издание произведений поэта¹⁴.

А. Н. Самойловичу удалось собрать большой материал по литературе XIX века. Ему были известны многие произведения целого ряда (более пятидесяти) туркменских поэтов, однако обстоятельно изучить их жизнь и творчество ему не удалось, так как имевшиеся в его распоряжении данные были «слишком кратки и, главное, — бедны хронологическими датами»¹⁵. Тем не менее А. Н. Самойлович многое сделал для изучения художественного наследия таких поэтов XIX века, как Гаиби, Молланепес, Кемине, Мескин-Клыч, Мятаджи и особенно Абду-с-Саттар Казы, о творчестве которого он написал блестящее научное исследование.

А. Н. Самойлович четко определил характерные особенности развития лирической поэзии в туркменской литературе XIX века, ярким представителем которой он справедливо считал Молланепеса. В этой связи заслуживают внимания переведенные А. Н. Самойловичем еще в 1906 г. песни этого выдающегося лирика. Стихотворения «Гөзлерин» («Твои глаза»), «Хич гөрмедим иллерде» («Не встречал я девушки подобной тебе»), «Назар кылса дишлерине» («Если взглянуть на зубы твои») произвели на ученого большое впечатление своей яркой образностью и эмоциональностью¹⁶.

А. Н. Самойлович отметил, что в произведениях туркменской поэзии XIX века преобладают сюжеты на исторические темы. Так, в творчестве

⁸ А. Самойлович. Об открытом В. Л. Котвичем памятнике с орхонскими письменами. — ЗВОРАО, т. XXII, вып. 1-2. СПб., 1914, стр. VII.

⁹ Рукописный отдел ГПБ, ф. 671, ед. хр. 90. «Текинские песни, туркменские поэмы, тексты, собранные А. Н. Самойловичем». Черновой автограф, 1906.

¹⁰ Там же, ед. хр. 108. «Выписки о туркменах». Черновые материалы к работам, 1905—1906, л. 41.

¹¹ Там же, ед. хр. 100. «К какой из турецких литератур относится роман XIII века „Иосиф и Зулейха“», 1917—18, лист 161; см. также: А. Н. Самойлович. Очерки по истории туркменской литературы. — «Туркмения», т. I. Л., 1929, стр. 136.

¹² Там же, ед. хр. 31, 1906—1907 гг., л. 9—10.

¹³ Там же, ед. хр. 96. Письмо Самойловича в редакцию журн. «Шура». Черновой автограф без даты.

¹⁴ А. Самойлович. Указатель к песням Махтумкули.—ЗВОРАО, т. XIX, вып. 4, 1910, стр. 0125—0148; его же. Третье дополнение к указателю песен Махтумкули. — Там же, т. XXII, вып. 1-2. 1914, стр. 134.

¹⁵ А. Самойлович. Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе. — ЗВОРАО, т. XIX, вып. I. 1910, стр. 09.

¹⁶ Рукописный отдел ГПБ, ф. 671, ед. хр. 90, 1906 г. «Газалийяты Молланепес», л. 36—39.

Мескин-Клыча, Абду-с-Саттара Казы, Молланепеса нашла свое отражение в борьбе туркменских племен за независимость, в частности в борьбе против захватнических походов иранского шаха.

Собранный ученым огромный фактический материал позволил ему сделать ряд теоретических выводов.

Одно из важных теоретических положений А. Н. Самойловича связано с вопросом о дифференциации содержания художественного произведения. А. Н. Самойлович рассматривает этот сложный вопрос на примере творчества Азади и Абду-с-Саттара Казы.

Как известно, в ранние эпохи развития человеческого общества такие формы общественного сознания, как наука, искусство, философия и литература, еще не дифференцировались, выступая в синкретическом единстве. Этим объясняется древняя традиция создания научных трактатов в стихотворной форме. На Востоке в силу ряда исторических причин и прежде всего в силу экономической и культурной отсталости эта традиция сохранялась на протяжении длительного времени.

Основной литературной формой научных, философских, дидактических, религиозных и других произведений являлась форма *месневи* — двустиший. А. Н. Самойлович писал: «Существует два вида таких стихотворных историй: первый вид, считающийся у среднеазиатцев более солидным и ученым, это историческое повествование, написанное сплошь стихами месневи...»¹⁷

К представителям этого вида поэтического творчества А. Н. Самойлович относил поэтов-ученых Довлетмамед Азади и Абду-с-Саттара Казы¹⁸.

Другой важной особенностью туркменской литературы А. Н. Самойлович считал влияние идей суфизма на поэтов прошлого. Однако в своих исследованиях ученый значительно преувеличивает роль суфизма в формировании творчества Довлетмамед Азади и особенно Махтумкули, которых он рассматривал как последователей суфийского поэта Ходжи Ахмеда Есеви. Е. Э. Бертельс позднее указал на ошибочность этого утверждения: «Едва ли можно согласиться с утверждением..., что Доулетмамед был учеником Ахмеда Есеви. Это вызывает представление о непосредственной связи, которой, однако, конечно, не было»¹⁹.

В своих исследованиях по туркменской литературе А. Н. Самойлович неоднократно возвращался к такому важному и малоизученному теоретическому вопросу, как роль литературных традиций в развитии художественного творчества. Туркменскую литературу он считал «одной из продолжательниц письменной тюркской литературы Туркестана раннего средневековья, о чем, между прочим, свидетельствует «бесспорный памятник огузской литературы «Кысса-и-Юсуф» некоего Али..., а одним из очагов формирования ее явился просвещенный Хорезм (тюркизированный в XIII в.), где обучались и осваивали законы тюркского стихосложения и туркмены»²⁰.

¹⁷ Рукописный отдел ГПБ, ф. 671, ед. хр. 112, 1907, л. 5.

¹⁸ А. Самойлович. Стихи Довлет-Мамеда моллы, отца Махтумкули. — ЗВОРАО, т. XXII, вып. 1. 1914, стр. 146; *его же*. Книга рассказов о битвах текинцев. — СПб., 1914, стр. 09.

¹⁹ Е. Э. Бертельс. Предисловие к работе А. Ахундова «Махтумкули и его творчество». Рукописный фонд Института языка и литературы им. Махтумкули Академии наук Туркменской ССР, инв. № 130, вариант II, стр. II.

²⁰ Ф. Д. Ашнин. Александр Николаевич Самойлович. — «Народы Азии и Африки», 1963, № 2, стр. 250.

Большую роль в этом отношении он отводил творчеству Алишера Навои²¹, которое оказало значительное влияние на произведения поэтов XVIII века. О Махтумкули А. Н. Самойлович писал, что он «является родоначальником целого цикла народных певцов-поэтов Туркмении и Хивы»²². Это мнение ученого подтверждают многочисленные факты.

Особо следует отметить знакомство и дружбу А. Н. Самойловича с первым туркменским литературоведом Ходжали моллой Мурадберды оглы (1860—1920). А. Н. Самойлович оказал благотворное влияние на формирование литературных взглядов Ходжали моллы, поддерживавшего переписку с А. Н. Самойловичем в течение пятнадцати лет. Многие письма²³ Ходжали моллы содержали ценные сведения о жизни и творчестве выдающихся туркменских поэтов Махтумкули, Молланепеса, Кемине, Мятаджи, Абду-с-Саттара Казы и др. А. Н. Самойлович справедливо считал Ходжали моллу «крупным знатоком туркменской литературы»²⁴.

В первые годы Советской власти А. Н. Самойлович много сделал для изучения и популяризации туркменской литературы. Наряду с отдельными статьями, такими, например, как «Турецкие этюды»²⁵, «Литература турецких народов»²⁶, содержащими ценные высказывания теоретического характера, он издает первую сводную научную работу о туркменской литературе, охватывающую период от ее зарождения по XIX в.²⁷

В советское время внимание ученого занимала, наряду с другими, проблема взаимосвязи национальных литератур. Ученый отлично понимал, что только исследования, проводимые в этом аспекте, могут пролить свет на историю литературы туркменского народа, веками жившего в тесном контакте с другими среднеазиатскими народами.

А. Н. Самойлович вел активную педагогическую работу по воспитанию национальных кадров филологов, которые успешно продолжили дело своего замечательного учителя по сбору и изучению литературного наследия своего народа. Одним из первых таких исследователей и был упомянутый выше Ходжали молла. Одновременно А. Н. Самойлович продолжал свои научные изыскания. Его статьи и очерки о туркменской литературе отличаются оригинальностью мыслей, актуальностью тематики и перспективностью выдвигаемых проблем. Одной из таких проблем и является изучение взаимосвязи и взаимодействия тюркоязычных литератур.

²¹ Рукописный отдел ГПБ, ф. 671, ед. хр. 100. «Турецкие этюды. Исследования по истории среднеазиатско-турецких литератур и языков». Черновой автограф, 1917—18, л. 9.

²² Там же, ед. хр. 31 «Отчеты о поездках в Среднюю Азию», 1906—1907, л. 9—11.

²³ Рукописный фонд ЛО ИВ АН СССР, С—162. «Литературные письма Ходжали моллы», л. 29—38.

²⁴ Газ. «Туркменистан», № 32, 1927, 17 февраля.

²⁵ Рукописный отдел ГПБ, ф. 671, ед. хр. 100, 1917—1918 гг.

²⁶ «Литература Востока», вып. 1, 1919.

²⁷ А. Н. Самойлович. Очерки по истории туркменской литературы. — «Туркмения», т. I. Л., 1929.

П. АЗИМОВ, Б. ЧАРЫЯРОВ

А. Н. САМОЙЛОВИЧ И ТУРКМЕНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Становление и развитие туркменской филологии тесно связано с именем академика А. Н. Самойловича. Известно, что «А. Н. Самойлович начал свою научную деятельность как туркменовед. Постепенно круг его интересов расширяется за счет включения турецкого, крымско-татарского, узбекского языков, фольклора, этнографии, литературы на этих языках»¹.

А. Н. Самойлович положил начало научному изучению туркменского языка, туркменской литературы и фольклора. Его труды в этой области не только не утратили своей научной ценности, но, напротив, со временем их большое значение становится все более очевидным.

Первым значительным научным исследованием А. Н. Самойловича по туркменскому языкознанию, к сожалению, не опубликованным, явилась его дипломная работа «Опыт лингвистического исследования текинского говора туркменского диалекта» (СПб., 1903), написанная на основе материала, собранного им в период первой поездки в Туркмению летом 1902 года². Это исследование широтой охвата и глубиной анализа языкового материала значительно превосходило обычные дипломные работы и было удостоено золотой медали факультета восточных языков Петербургского университета.

Рукопись этой работы, состоящей из трех частей, включает пять тетрадей. Материал между тетрадями распределен следующим образом: часть I — предисловие, введение (тетрадь № 1); фонетика (тетрадь № 2); этимология (тетрадь № 3); часть II — сказки, загадки, пословицы, сельскохозяйственные беседы (тетрадь № 4); часть III — текинско-русский словарь (тетрадь № 5). Несмотря на отдельные недостатки, связанные, на наш взгляд, со слабой разработанностью в то время науки о языке, данная работа А. Н. Самойловича сыграла существенную роль в изучении туркменского языка дореволюционного периода.

В предисловии к работе говорится: «Предлагаемое сочинение написано на основании лингвистических материалов, собранных автором на

¹ А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России. Л., 1972, стр. 151—152.

² Ленинградская государственная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей, ф. 671. ед. хр. 129.

месте... в течение полутора месяцев, в связи с теми скудными данными о туркменском диалекте (=языке. — П. А., Б. Ч.) вообще, которые имеются в европейской литературе» (стр. I). Несмотря на отсутствие достаточного опыта и кратковременность пребывания среди носителей исследуемого диалекта, А. Н. Самойлович собрал довольно большой материал. По-видимому, он сперва планировал более глубокое исследование текинско-го диалекта, но, как отмечается в предисловии, «... разные обстоятельства, не всегда от него зависящие, не дали ему возможности довести работу до конца с желаемой тщательностью» (стр. III).

Во «Введении» А. Н. Самойлович приводит интересные сведения по истории и антропологии туркмен, в том числе и текинско-го племени. Большую ценность представляет критический анализ всех ранее написанных работ, посвященных изучению туркменско-го языка.

Так, например, указывая на заслуги И. Н. Березина в изучении туркменско-го языка и классификации тюркских диалектов, А. Н. Самойлович вместе с тем отмечает, что «... Березин имел дело с каким-нибудь туркменским племенем Мангышлацкого полуострова, живущим в соседстве с казах-киргизами, причем или у этого племени наблюдаются некоторые диалектные особенности, вообще не свойственные туркменско-му диалекту (я разумею замену *й||ж* в начале слов), или в записи туркменских слов Березина попали слова и не туркменские» (стр. 52—53).

О работе П. Шимкевича «Практическое руководство для ознакомления с наречием туркмен Закаспийской области» (Асхабад, 1899) А. Н. Самойлович пишет, что последнее «...приносит многим пользу, но для научных целей оно совершенно не годится, так как составлено небрежно, фонетика совсем забыта, транскрипция сильно расходится местами даже с обще-тюркским произношением, и — что особенно важно — нигде не указано, существует ли какая-нибудь разница в говорах различных туркменских племен...» (стр. 55—56).

В другом месте читаем: «„Руководство для обучения туркмен русскому языку“ составили сотн. Драновский, поручик Маргания, подпор. Плиев (Асхабад, 1893) ... В нем помещено несколько туркменских пословиц и песен — единственное, из-за чего стоит заглянуть в него исследователю туркменско-го диалекта» (стр. 57).

А. Н. Самойлович, отмечая, что «наибольшее количество работ по туркменско-му диалекту принадлежит венгерскому тюркологу Вамбери», указывает и на содержащиеся в них ошибки. В частности, венгерским ученым приводится «форма причастия прошедшего времени на *-мыш*, которую в разговорном языке туркмен встретить нельзя» (стр. 58). И далее: «Мне, как кажется, и всякому, кому приходится иметь дело с трудами Вамбери, приходится констатировать местами недостаточно внимательное отношение маститого ученого к делу» (стр. 59—60).

В разделе «Фонетика» А. Н. Самойлович рассматривает фонетические особенности текинско-го диалекта туркменско-го языка. Для обозначения звуков автор использовал русскую академическую транскрипцию, введя дополнительные знаки для передачи характерных особенностей произношения звуков текинско-го диалекта.

А. Н. Самойловичем дана общая характеристика гласных (стр. 11—38) и согласных (стр. 39—57) звуков исследуемого диалекта, их классификация, описаны такие фонетические явления, как сингармонизм, употребление долгих и выпадение узких гласных.

Молодому исследователю пришлось встретиться с немалыми трудностями, в частности при изучении туркменских долгих гласных. «Мне не удалось, — отмечает А. Н. Самойлович, — произвести удовлетворительных наблюдений над текинским говором относительно присутствия в нем долгих гласных. Первое время я отмечал знаком долготы (—) почти все первые слоги. Но затем я пришел к убеждению, что в этих случаях я имел дело не с долготой, а с другим явлением, наблюдаемым вообще в тюркских диалектах, но в текинском говоре особенно ярко выраженным» (стр. 29—30). Далее он пишет: «Весьма вероятно, что более точное наблюдение убедило бы меня в том, что в таких словах, как *курук* вм. *куйрук* (я наблюдал у текинцев обе формы) и *бор* вм. *болур*, *болор* (мервское произношение), гласные *у*, *о* — долги; трудность наблюдения в данном случае заключалась в том, что при отсутствии навыка мне не удавалось подметить разницу между долгой гласной и особенно энергично акцентированной гласной» (стр. 31).

Однако в целом А. Н. Самойловичу удалось выявить присущие туркменскому языку, и в частности текинскому диалекту, фонетические особенности. Доказательством этого может служить, например, его замечание о произношении звука *ы*: «...текинское *ы* звучит глубже, чем русское. Вамбери говорит про вообще туркменское *ы*... Как я наблюдал, описанным у Вамбери образом *ы* произносится только после звука *к*, и в этом случае я употреблял в транскрипции двойной знак *yi*, напр., *кыиз*, *кыинач*» (стр. 3). Верно отмечен в работе и тот факт, что «согласные звуки *ф* и *ж* не свойственны текинскому диалекту, они встречаются только в составе отдельных слов» (стр. 10).

Несмотря на указанные выше трудности, с которыми автор столкнулся при изучении долготы гласных, он тем не менее и в этом сложном вопросе фонетики сумел прийти к верным выводам, о чем свидетельствует следующее его заключение: «Такие пары слов, как *от* — трава и огонь, *ат* — лошадь и имя, различают в текинском говоре не по согласным звукам, как в южно-тюркских диалектах..., а по более растянутому произношению гласных *а*, *о* для *от* — огонь, *ат* — имя. Сказанное относится только к чистым основам *ат* и *от*, так как, получая аффиксы, начинающиеся с гласной, слова *от* — огонь и *ат* — имя смягчают свои *т* в *д*; более растянутое произношение начальных гласных при этом, разумеется, сохраняется» (стр. 30—31).

Заслуживает внимания раздел, посвященный выпадению гласных звуков. По этому вопросу в отношении узких гласных ученые не пришли к единому мнению и в настоящее время. Однако А. Н. Самойлович убедительно показал основные случаи выпадения гласных звуков.

Ценным представляется также тот факт, что в работе А. Н. Самойловича фонетические явления одного из туркменских диалектов впервые описываются в сравнительном плане, с привлечением материалов других тюркских языков.

В разделе «Этимология» кратко рассматриваются части речи, а также некоторые вопросы словообразования и словоизменения в текинском диалекте туркменского языка.

Во второй части исследования приведены образцы устной текинской речи, которые автор записал летом 1902 года во время поездки в Асхабадский и Мервский уезды: сказки, загадки, пословицы, записи бесед на сельскохозяйственные темы — о шелке, хлопке, пшенице. Тексты снабжены авторскими комментариями.

Третья часть — краткий «Текинско-русский словарь» — охватывает наиболее употребительный пласт лексики разговорного языка (около 2800 слов). После транскрибированных слов дается их туркменское написание арабской графикой, а затем — перевод на русский язык.

Другим важным трудом А. Н. Самойловича в области туркменоведения является «Абду-с-Саттар казы. Книга рассказов о битвах текинцев» (СПб., 1914). Это образцовое всестороннее филологическое исследование произведения туркменской художественной литературы — поэмы Абду-с-Саттара казы «Ж₁еннама».

А. Н. Самойлович принял активное участие в подготовке и проведении I Туркменского лингвистического съезда (Ашхабад, май 1936 г.), где он выступил с обстоятельным докладом на тему «Историческое развитие туркменского литературного языка»³, в котором была выдвинута программа изучения «вопросов истории, фонетики, морфологии и лексики литературного туркменского языка»⁴. К сожалению, материалы съезда полностью не опубликованы, и содержание доклада А. Н. Самойловича, хранящегося в Центральном государственном архиве Туркменской ССР, не известно широкому кругу тюркологов.

А. Н. Самойлович занимался также изучением этнографии и диалектных особенностей языка туркменских племен, проживающих на Северном Кавказе. Некоторые результаты его исследований были опубликованы в таких трудах, как «Среди ставропольских туркмен и ногайцев и у крымских татар» (Отчет о командировке 1912 г. — «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, сер. 2. СПб., 1913), «Наречие ногайцев и туркменов Ставропольской губернии» (ЗВОРАО, т. 21. СПб., 1913).

Значителен вклад А. Н. Самойловича в развитие языкознания в Туркмении, в подготовку национальных научных кадров.

С 1927 года А. Н. Самойлович был постоянным консультантом в области туркменской филологии — почетным членом Историко-краеведческого института при ЦИК ТССР⁵. Ученый неоднократно выезжал в этнолого-лингвистические экспедиции, выступал с докладами на конференциях, проводил отбор способной туркменской молодежи для обучения в Институте восточных языков в Ленинграде. Он участвовал в разработке программы и плана составления академического словаря туркменского языка и его диалектов, проделав, по словам проф. А. П. Поцелуевского, большую работу, оставшуюся, к сожалению, незавершенной⁶.

А. Н. Самойлович рецензировал ряд работ по туркменскому языку, тем самым способствуя их публикации.

Велика заслуга А. Н. Самойловича в проведении одного из важнейших в научном и культурном отношении мероприятий — переходе тюркоязычных народов нашей страны на латинский алфавит. О роли, которую А. Н. Самойлович сыграл в становлении туркменского языкознания, свидетельствует хранящаяся в его архиве переписка с тюркологами С. Е. Маловым, А. П. Поцелуевским и другими, а также с видными государственными деятелями Туркменской ССР.

³ ЦГА Туркменской ССР, ф. Р. 2, оп. 12, ед. хр. 313.

⁴ Там же, стр. 33 (35).

⁵ Журн. «Туркменоведение», 1927, № 2-3, стр. 51.

⁶ А. П. Поцелуевский. Диалекты туркменского языка. Ашхабад, 1936, стр. 19.

К сожалению, труды А. Н. Самойловича по туркменскому языкознанию и его роль в становлении и развитии туркменской языковедческой науки не стали пока объектом специального исследования. В этом направлении сделаны лишь первые шаги⁷. Однако нет сомнения, что работы А. Н. Самойловича по туркменскому языкознанию будут изучены и станут достоянием всех советских тюркологов.

⁷ См. статьи А. Моллаева. «Рус алымы түркмен диалекти хақында» («Мугаллымлар газети», 19 июля 1972); «Гымматы эгсилмежек хатлар» (Газ. «Яш коммунист», 7 октября 1972); «Жанланан архив» («Совет эдебияты», 1973, № 3).

Д. М. НАСЛЛОВ

А. Н. САМОЙЛОВИЧ О КЛАССИФИКАЦИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

По мере ознакомления с отдельными тюркскими языками становилось очевидным их близкое родство, позволяющее объединить эти языки в самостоятельную семью. Как только было установлено, что тюркские языки составляют отдельную группу, отличную от монгольской (первые такой вывод подсказывала известная работа Ф.-И. Страленберга¹), перед языковедами встала задача соотнести между собой различные тюркские языки и диалекты, сгруппировать и расклассифицировать их. Близость тюркских языков не вызывала сомнений в том, что это можно сделать на основе генеалогической классификации, предполагающей показать единство происхождения и последовательность обособления языков². Однако именно большое сходство и усложняло группировку близкородственных тюркских языков. Кроме того, возникла необходимость в классификации самих тюркских народов и племен, носителей этих языков, которая не могла быть оторвана от их истории. Одним из важнейших, а на первых порах и единственным критерием при этом было языковое различие. «Не бывало примеров тому, чтобы путешественник, будь он даже естествоиспытатель, пытался, впервые вступив в неизвестную еще страну, распределить жителей ее по их физическим свойствам на народы и обозначить их особыми названиями; всегда, напротив, он старается распознать группы, обособившиеся на основании их языка, и эти группы принимает за особые народы, причем сохраняет для них те же названия, которые они или дают себе сами, или получили от своих соседей»³.

Только позднее в науке утверждается положение о различии историко-этнической классификации народов и собственно лингвистической классификации их языков, а также о взаимной дополняемости этих двух классификаций, хотя они и опираются не на одни и те же основания и признаки. Так, уже Н. А. Аристов отмечал: «Хотя лингвистам необходимо иметь в виду этническое происхождение народностей, языки которых ими изучаются, тем не менее лингвистические классификации наречий

¹ См.: М. Г. Новлянская. Филипп Иоганн Страленберг. Его работы по исследованию Сибири. М.—Л., 1966; А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России. До-октябрьский период. Л., 1972, стр. 48—52.

² См.: А. И. Смирницкий. Сравнительно-исторический метод и определение языкового родства. М., 1955; Г. А. Климов. Вопросы методики сравнительно-генетических исследований. Л., 1971.

³ Л. И. Шренк. Об инородцах Амурского края, т. I. СПб., 1883, стр. 207.

должны основываться на лингвистических же признаках и данных, а не на каких-либо иных»⁴.

Между тем первые классификации в области тюркологии были скорее классификациями народов с опорой на языковые характеристики, чем классификациями языков с учетом этногенетических и исторических данных. Именно такими были схема, предложенная Страленбергом в его книге «Северная и Восточная часть Европы и Азии» (1730), а также последующие классификации отечественных и зарубежных этнографов, историков и филологов.

Обзор получивших наибольшую известность к середине XIX в. классификаций тюркских языков (И. и Ф. Аделунгов, Ю. Клапрота, И. Хаммера, А. Бальби, А. Пальмблада) содержится в работе И. Н. Березина о тюркских диалектах⁵. К достоинствам этой работы следует отнести то, что в ней впервые в отечественной тюркологии при распределении языков и диалектов учитывался набор определенных фонетических и морфологических явлений. Сам И. Н. Березин, считая свою классификацию далеко не окончательной⁶, не претендовал на бесспорность своих критериев, поставленных в основу проведенной им группировки современных ему тюркских языков, а также письменных памятников. Опираясь на работы предшественников, он выделил три основные ветви «мусульманских» тюркских диалектов: восточную, или джагатайскую, в Туркестане; южную, кыпчакскую, или татарскую; западную, турецкую. Это была в общем типичная группировка, встречающаяся и в последующих классификациях, однако необычным у И. Н. Березина было включение туркменских диалектов в джагатайскую ветвь, а не в западную, турецкую⁷; с другой стороны, понятно отнесение им письменно-литературного казано-татарского языка середины прошлого века (тюрки) именно к джагатайской ветви. О. Бётлингк и Н. И. Ильминский, обратив внимание на непоследовательность и спорность этой классификации, отмечали первостепенную значимость углубленного исследования каждого диалекта и языка как необходимой предпосылки для их классификации⁸.

Когда В. В. Радлов после сравнительного исследования фонетики тюркских языков предложил свою классификацию последних, он обладал неизмеримо большим по сравнению с учеными предыдущего периода объемом сведений об этих языках и диалектах⁹. Однако даже в его схеме около одной трети диалектов были отнесены к неисследованным или оставлены без характеристики. Сама «Фонетика» В. В. Радлова имела, как известно, огромное значение: это было первое в тюркологии исчерпывающее для своего времени сравнительное описание фонетики тюркских языков на базе огромного диалектологического материала, содержащее к тому же элементы историзма и первые четкие наброски фонетической реконструкции, без чего был бы невозможен дальнейший прогресс в генетической классификации тюркских языков.

В. В. Радлов в своей классификации опирался только на фонетические признаки, выявленные им в ходе исследования. При этом ведущими

⁴ Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. — «Живая старина», 1896, вып. III—IV, стр. 453.

⁵ E. Bérézine. Recherches sur les Dialectes Musulmans, I. Système des Dialectes turcs. — «Ученые записки Казанского университета», 1849, кн. II, стр. 1—83.

⁶ См.: А. Н. Кононов. История изучения..., стр. 243—244.

⁷ Язык туркмен был объединен с джагатайским языком в уйгурской ветви и у А. Ремюза; см.: A. Rémusat. Recherches sur les langues tartares. Paris, 1820, стр. 254, 328.

⁸ См.: О. Бётлингк. О языке якутов. — «Ученые записки Академии наук», т. I, вып. 4. СПб., 1853, стр. 425; Н. И. Ильминский. Вступительное чтение в курс турецко-татарского языка. — «Ученые записки Казанского университета», 1861, кн. III, стр. 20—21.

⁹ W. Radloff. Phonetik der nördlichen Türkischen Sprachen. Leipzig, 1882—1883, стр. 280—291.

критериями для него были уровень развития гармонии гласных и поведенные согласных в трех позициях в слове. Фонетические признаки выводились из конкретных реализаций звуков в группах языков или в отдельных их диалектах, а принцип реализации гармонии звуков был для В. В. Радлова существенным показателем исторического развития тюркских языков (как и других алтайских языков в целом), поскольку, с его точки зрения, различные ступени гармонии отражают развитие в этих языках процесса агглютинации. Видимо, эти взгляды В. В. Радлова совпадают с идеями И. А. Бодуэна де Куртенэ о классификации языков по определенным стабильным структурным признакам. «По мнению Бодуэна, речь может идти не о генетической классификации в точном и строгом смысле этого слова, а о научной характеристике отдельных групп языков»¹⁰.

В. В. Радлову принадлежит также другой тип классификации, представленный в классификации древнетюркских диалектов домонгольского времени, нашедших отражение в орхоно-енисейских и древнеуйгурских памятниках. В ней в качестве критериев использованы фонетические и некоторые морфологические признаки, тип применяемой письменности, а также отдельные историко-географические данные¹¹.

Известная статья Ф. Е. Корша «Классификация турецких племен по языкам» фактически посвящена поиску критериев именно для группировки тюркских языков: «...для определения сходства или разницы надобно взять какой-нибудь один признак, или лучше два признака, совершенно определенных, и их провести последовательно по всем турецким языкам и наречиям. Признаки эти должны быть существенно различны: один из них должен быть заимствован из фонетики, а другой из морфологии»¹². В качестве фонетического признака предлагалось проследить судьбу в современных языках звука *g*, возводимого к «общетурецкому языку», то есть к «тому теоретически выводимому языку, на котором говорили предки турок до своего разделения на племена»; в качестве морфологического признака — различия в образовании формы настоящего времени на *-p* или на *-a+туруп*. Ф. Е. Корш подчеркивал, что эти признаки должны быть существенными для всех языков; при их полном наложении можно говорить о близком родстве языков, а по степени их расхождений соответствующим образом квалифицировать отдаленность языков и их смешанность.

Что касается самих этих двух признаков, то обращение к ним не было новостью в тюркологии. Признак настоящего времени на *-p* и на *-a* учитывал при характеристике языков в своей классификации И. Н. Березин (в северной ветви — форма на *-a*, в восточной и западной — на *-p*)¹³. Различие в отражении общетюркского *g* в азербайджанском и в других южнотюркских языках по сравнению с некоторыми тюркскими языками учитывал, например, и К. Фой¹⁴. Однако эти авторы не придавали ука-

¹⁰ Ф. М. Березин. Очерки по истории языкознания в России. Конец XIX — начало XX в. М., 1968, стр. 144; ср.: Вяч. В. Иванов. И. А. Бодуэн де Куртенэ и типология славянских языков. — В кн.: «И. А. Бодуэн де Куртенэ». М., 1960, стр. 37—43.

¹¹ Подробнее см.: А. Н. Кононов. История изучения..., стр. 244—245; А. М. Щербак. В. В. Радлов и изучение памятников рунической письменности. — В кн.: «Тюркологический сборник. 1971». М., 1972, стр. 61—62; Д. М. Насилов. В. В. Радлов и изучение древнеуйгурских памятников. — Там же, стр. 93—98.

¹² Ф. Е. Корш. Классификация турецких племен по языкам. — «Этнографическое обозрение», кн. 84—85, № 1—2. М., 1910, стр. 120.

¹³ E. Bérézine. Указ. раб., стр. 27, 45, 63.

¹⁴ См.: K. Foy. Aserbajġanische Studien mit einer Charakteristik des Südtürkischen. — MSOS, VI. Berlin, 1903, стр. 148—149.

занным признакам классифицирующего значения, как это впервые сделал Ф. Е. Корш.

Классификация языков у Ф. Е. Корша строилась, таким образом, на несколько иных принципах, чем у В. В. Радлова: деление языков проводилось на основе только двух признаков, причем по степени отражения последних в каждом из языков. На этой же основе устанавливались иногда и относительная хронология распада тюркской языковой общности (первое деление $g > \check{y}$ + форма на $-a \parallel g$ устойчиво + форма на $-p$), и особенности смешения языков (например, в Туркестане).

Классификации В. В. Радлова и Ф. Е. Корша имели большое значение для развития тюркологии, ибо группировки языков в них производились на лингвистической основе. Прежде всего это относится к классификации Ф. Е. Корша, хотя сам он и считал ее требующей дальнейших уточнений с этно-исторической точки зрения. Таким образом, к моменту начала деятельности академика А. Н. Самойловича в тюркологии наметились важные сдвиги в научной классификации тюркских языков.

Следует отметить, что А. Н. Самойлович проблемами классификации тюркских языков и периодизации письменных памятников интересовался в течение многих лет, что подтверждается как архивными материалами, так и его печатными трудами — начиная с университетских лекций и до последних работ по истории тюркских литератур и языков.

А. Н. Самойлович считал нецелесообразным обозначать родственные языки по странам света, так как географические названия, по его мнению, могли привести к «натяжкам». Ему представлялись неудачными и хронологические определения «древние», «средние», «новые» языки, не учитывавшие «доисторическую эпоху» в развитии языковой семьи. Придавая известное значение крупным перемещениям народов и племенных образований, А. Н. Самойлович считал допустимым именовать исторические языковые пласты и эпохи по названиям этих народов, например: «до-гуннская», «до-монгольская», «после-монгольская» (эпохи). Он вообще, как и В. В. Радлов, особую роль в истории тюркских языков отводил монгольскому завоеванию, считая его границей в периодизации истории языков.

Среди древнейших тюркских диалектов А. Н. Самойлович выделял, например, гуннский диалект, о котором можно судить по древнебулгарским элементам и чувашскому языку¹⁵. Развитие этой классификации можно найти в других набросках, в которых выделяются следующие периоды в истории языков, преимущественно письменных: а) древние турецкие диалекты домонгольского времени (трехчленную их классификацию впервые дал В. В. Радлов); б) турецкие письменные языки до монголов (они связаны, видимо, с карлуками); в) письменные языки при монголах; г) письменные языки послемонгольской эпохи до XV в. (связаны с уйгуро-огузскими диалектами); д) письменные языки после XV в. (они отражены в памятниках чагатайской, азербайджанской, малоазиатской литературы)¹⁶.

В рамках домонгольского периода А. Н. Самойлович различал две крупные группы диалектов, или, точнее, два языка — огузский и уйгурский, которые подразделялись на подгруппы: восточноогузскую и запад-

¹⁵ А. Н. Самойлович. Изучение турецких племен и наречий. Запись лекции ст. II курса А. Быкова [1917.X.]. — Рукописный отдел ГПБ, ф. 671, ед. хр. 73, л. 6.

¹⁶ А. Н. Самойлович. Турецкие этюды. Исследования по истории среднеазиатско-турецких литератур и языков [1917—1918 гг.]. — Рукописный отдел ГПБ, ф. 671, ед. хр. 100, л. 846.

ноогузскую, восточноуйгурскую и западноуйгурскую. Как результат смешения племен на западной окраине тюркского мира возник смешанный огузско-уйгурский язык, сыгравший позднее решающую роль в формировании среднеазиатских литературных языков. Видимо, этой древней смешанностью языковых черт и объясняется сложность квалификации языка отдельных письменных памятников последующих эпох, начиная с самого раннего и крупного из них—«Кутадгу билиг». «В мусульманскую эпоху этот язык стал еще более смешанным, усвоив себе в различных размерах прежде всего языковые элементы западноогузских наречий, а затем и некоторых других»¹⁷.

История письменных языков домонгольского времени начинается с «древнетурецкого периода», литература которого создавалась на орхон-енисейском алфавите. С заменой последнего уйгурским алфавитом и другими видами письма наступает «уйгурский период», продолжавшийся до XI—XIII вв. «Язык этого периода в зависимости от памятников, в общем, или одинаков с языком предыдущего периода, или обнаруживает существенные особенности, тогда может быть называем литературным уйгурским»¹⁸. С момента окончательной победы мусульманской идеологии начинается третий период, который переходит в характеризующуюся «диалектологическим переворотом» монгольскую, а затем и послемонгольскую эпохи, когда отдельные среднеазиатские литературы и языки развивались весьма интенсивно.

А. Н. Самойлович в своих более поздних работах основное внимание уделял исследованию именно этого третьего периода, определяя языковую принадлежность литературных памятников и характеризуя их языковые особенности¹⁹. Однако приведенные высказывания А. Н. Самойловича и особенно его работа «Общий взгляд на возникновение и развитие мусульманско-турецких литературных языков...» показывают, с каким вниманием он относился к изучению древнейших периодов развития «турецких» языков, полностью осознавая сложность протекавших в то время языковых процессов, которые не могут не учитываться тюркологами — историками языка. Как известно, А. Н. Самойлович придерживался того взгляда, что в Восточном Туркестане и в Средней Азии существовала единая многовековая литературная традиция, восходящая к древнейшим тюркским литературным памятникам. Поэтому его обращение к ранним периодам развития древних языков вполне естественно подготавливало почву для описания «среднеазиатско-турецкого литературного языка исламской эпохи», различных «периодов его развития в зависимости от культурных и этнических и иных условий.., разных для разных периодов», а также для выяснения отношения «среднеазиатско-турецкого литературного языка» к «переднеазиатско-турецкому»²⁰. Печатные труды А. Н. Самойловича, «обширный архив... законченных и незаконченных

¹⁷ А. Н. Самойлович. Общий взгляд на возникновение и развитие мусульманско-турецких литературных языков в связи с разговорными наречиями [1918 г.]. — Рукописный отдел ГПБ, ед. хр. 126, л. 22. Полный текст этой работы публикуется в настоящем номере.

¹⁸ А. Н. Самойлович. Турецкие этюды, л. 854.

¹⁹ См.: Ф. Д. Ашнин. А. Н. Самойлович (1880—1938). — «Народы Азии и Африки», 1963, № 2, стр. 248—251; А. Н. Кононов. А. Н. Самойлович — грамматист (публикуется в настоящем номере).

²⁰ А. Н. Самойлович. К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка. — В кн.: «Мир-Али-Шир». Л., 1928, стр. 12, 19—23; его же. Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе, IV. Чагатайский поэт XV века Атай. — «Записки Коллегии востоковедов», т. II, вып. 2. Л., 1927, стр. 262.

работ-рукописей»²¹, переписка²² показывают, как ученый постепенно подошел к общей классификации тюркских языков, вырабатывал ее критерии на основе достигнутых в первой четверти XX в. успехов сравнительно-исторического изучения тюркских языков. Наиболее полное и законченное выражение эти взгляды А. Н. Самойловича нашли в его известных дополнениях к классификациям В. В. Радлова и Ф. Е. Корша²³, а также в статье, опубликованной в связи с I тюркологическим съездом (1926 г.)²⁴.

Классификация А. Н. Самойловича «построена исключительно по фонетическим признакам», причем эти признаки располагаются им последовательно по нисходящей их значимости для группировки языков. Как указывает сам автор, применяемая им «на основании характерных фонетических признаков классификация турецких языков и наречий не является произвольной, случайной и искусственной, а находит для себя соответствия в фактах нелингвистического, но культурно-исторического и политического порядка»²⁵. А. Н. Самойлович выделяет пять конституирующих признаков, а на их основании выявляет пять последовательных подразделений языков. Сначала последние именуется им группами, но позднее ученый заменяет их «рядом нисходящих по своей важности наименований»²⁶. Первые две «группы», выделяемые по признаку ротацизма, то есть соответствия $p \sim z$ (*тахар* ~ *токуз* 'девять'), охватывают все тюркские языки. На второй план ставится соответствие $d \sim z \sim j$ (*адак* ~ *азак* ~ *ајак* 'нога'), на основе которого различаются тоже две «подгруппы» внутри группы z -языков; затем следуют два «отдела» (*калан* ~ *калган* 'оставшийся') в подгруппе j -языков; далее — «подотделы» (*тау+лы* ~ *таг+лыг* 'горный'); на пятом месте стоит признак *таг+лыг* ~ *таг+лы*, образующий опять-таки два «подподотдела» в последнем «подотделе». Представленное в сводной таблице шестое подразделение языков²⁷ основано на различии в форме глагола *бол-* ~ *ол-* 'стать' и образует две самостоятельные группы языков; этот признак тоже накладывается на другие вышеназванные признаки.

Такое дихотомическое деление объекта классификации по принципу «наличие — отсутствие признака» с последовательным введением ряда дополнительных признаков для большей детализации, являющееся одним из достоинств любой классификации, выгодно отличает схему А. Н. Самойловича от предшествующих. Последовательное нисходящее расположение этих признаков, отражающих особенности фонетического развития тюркских языков, может быть использовано также и для относительной хронологизации членения этих языков. Здесь уместно отметить, что А. Н. Самойлович поддержал гипотезу Н. Н. Поппе о восхождении чувашского и болгарского языков, характеризующихся ротацизмом, «не к тюркскому праязыку, но общему предку тюркского и чувашского

²¹ А. [Н.] Самойлович. Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка. Л., 1925, стр. 3; см. также: Л. В. Дмитриева. Материалы к описанию рукописного наследия А. Н. Самойловича. — «Народы Азии и Африки», 1966, № 3, стр. 206—211.

²² См.: Н. А. Баскаков. А. Н. Самойлович в письмах к В. А. Гордлевскому (публикуется в настоящем номере).

²³ А. Н. Самойлович. Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Пг., 1922 («Петроградский институт живых восточных языков», № 4).

²⁴ А. Н. Самойлович. К вопросу о классификации турецких языков. — «Бюллетень Организационной комиссии по созыву I-го Всесоюзного тюркологического съезда», № 2. Баку, 1926, стр. 3—6.

²⁵ Там же, стр. 5.

²⁶ Там же, стр. 4.

²⁷ А. Н. Самойлович. Некоторые дополнения..., стр. 15.

языков»²⁸. А. Н. Самойлович считал, что группы $p \sim z$ отражают основное и принципиальное деление тюркских языков, которое, видимо, представлялось ему древнейшим. Второе по значимости чередование $d \sim t \sim z \sim j$ в интервокальной позиции, также охватывающее все языки и письменные памятники, было признано впоследствии тюркологами важной характеристикой исторического развития этих языков²⁹. Следующий признак — отражение аффикса *-ган* в подгруппе *j*-языков, показывающий особенности юго-западных языков, связан с последующими делениями, также основывающимися на рефлексах *g* в разных позициях в слове и аффиксе *-лыг* \sim *-лы* (по Ф. Е. Коршу, это самый первый признак разделения тюркских языков³⁰).

При рассмотрении классификации языков может возникнуть вопрос о существовании признаков, положенных при этом в основу, и о том, насколько они отражают действительное исторически последовательное обособление языков. Сам А. Н. Самойлович не считал свою классификацию исчерпывающей и окончательной. По его мнению, «попытки классифицировать турецкие языки увенчаются окончательным успехом... не ранее, чем завершится сравнительно-историческое изучение этих языков...»³¹. И это совершенно справедливо, ибо генеалогическая классификация языков «закрепляет достижения сравнительно-исторического языкознания»³², и окончательную форму она обретает в итоге сравнительно-исторического исследования языков и прежде всего — тюркской исторической фонетики и морфологии. Однако нельзя отрицать и того, что в таком изучении языков оказываются полезными и временные классификации, рабочие схемы, способствующие систематизации уже накопленных данных. Именно таковыми были классификации В. В. Радлова и Ф. Е. Корша, таковой явилась и классификация А. Н. Самойловича. Что же касается избранных последним фонетических критериев, то прошедшие полвека показали их актуальность для исторической фонетики. Проблемы ротацизма и зетацизма, соответствия $j \sim d \sim z$, эволюции звука *g* все еще активно обсуждаются в науке, а указанные явления продолжают учитываться при новых попытках классификации³³. Все это подтверждает высказывания А. Н. Самойловича о решающей роли фонетических признаков при построении классификации генетически родственных языков, которая по мере роста наших знаний уточняется путем привлечения других признаков — морфологических, ареальных и типологических³⁴. Ученый подчеркивал, что наибольшую трудность представляет группировка смешанных языков в ареалах, подвергавшихся сложным этногенетиче-

²⁸ Н. Н. Понне. Чувашский язык и его отношение к монгольскому и тюркским языкам. — «Известия Российской Академии наук», VI сер., т. 18, 1924, № 12—18, стр. 292; ср. *его же*. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen, I. Vergleichende Lautlehre. Wiesbaden, 1960, стр. 8.

²⁹ См., например: А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 158—161.

³⁰ См.: Ф. Е. Корш. Указ. раб., стр. 122.

³¹ А. Н. Самойлович. Некоторые дополнения..., стр. 3.

³² В. В. Иванов. Генеалогическая классификация языков и понятие языкового родства. М., 1954, стр. 9.

³³ См., например: Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, стр. 210 и сл.; М. Моллова. Опыт фонетической (консонантической) классификации тюркских языков и диалектов огузской группы. — «Вопросы языкознания», 1968, № 3, стр. 82—93; Г. Дёрфер. О состоянии исследования халаджской группы языков. — «Вопросы языкознания», 1972, № 1, стр. 89—96; I. R. Meyer. Klassifikation und Rhotazismus. — «Acta Orientalia», v. XXII. Havniae, 1970, стр. 159—165; К. Н. Menges. The Turkic Languages and Peoples. Wiesbaden, 1968, стр. 59—66.

³⁴ См.: Б. А. Серебрянников. К проблеме классификации тюркских языков. — «Вопросы языкознания», 1961, № 4, стр. 60—73.

ским процессам, что можно видеть на примере среднеазиатского или восточнотуркестанского арсалов тюркских языков. «Естественно-исторические (физико-географические), экономические и политические факторы предопределили группировку турецких племен наших дней и в отношении культурном, и в отношении языковом. Языки и наречия... подвергались, естественно, в процессе общения выравниванию по преобладающему на данной территории языку или диалекту»³⁵. Возможно, что именно такие языки должны характеризоваться учеными не на основе генетических отношений, а исходя из их структурно-типологических особенностей, как это предполагал в свое время И. А. Бодуэн де Куртене³⁶.

Классификация тюркских языков А. Н. Самойловича не только подвела итоги развитию тюркологии к первой четверти XX века, но и наметила пути дальнейших исследований, и в этом ее неопенимое значение.

³⁵ А. Н. Самойлович. К вопросу о классификации., стр. 6; ср.: *его же*. К вопросу о наследниках хазар и их культуры. — «Еврейская старина», т. XI. Л., 1924, стр. 203—208.

³⁶ Ср.: В. Н. Ярцева. Языки мира — проблемы описания и классификации. — «Вестник Академии наук», 1971, № 10, стр. 50.

Н. А. БАСКАКОВ

А. Н. САМОЙЛОВИЧ В ПИСЬМАХ К В. А. ГОРДЛЕВСКОМУ

А. Н. Самойлович и В. А. Гордлевский, крупнейшие ученые, возглавлявшие две школы тюркологов — Ленинградскую и Московскую, жили и работали на грани двух эпох в развитии отечественной тюркологии: русской и советской.

Обе школы, дополняющие друг друга, опирались в своих исследованиях на научные традиции замечательных ученых-тюркологов старшего поколения — Ф. Е. Корша, В. В. Радлова, П. М. Мелиоранского и Вс. Ф. Миллера.

Поэтому дружба между В. А. Гордлевским и А. Н. Самойловичем является столь же традиционной, сколь и знаменательной.

Приводимые ниже письма А. Н. Самойловича к В. А. Гордлевскому наглядно свидетельствуют о той готовности, с которой ученые информировали друг друга о своей работе, взаимно консультировались, стремясь к объединению усилий для развития отечественной тюркологии.

В письме от 2 октября 1908 года А. Н. Самойлович пишет В. А. Гордлевскому:

«Я получил Ваше письмо как раз на другой день после беседы, которую имел с Н. Н. Мартиновичем на ту же тему, что мне весьма желательно завязать прочные связи с московскими тюркологами, для какой цели я склонен был бы прямо проехаться в Москву. Я с большим удовольствием, значит, узнал из Вашего письма, что желания наши встретились, и известие о Вашем скором приезде в Петербург меня очень обрадовало».

Далее А. Н. Самойлович делится своим опытом магистерского экзамена, который В. А. Гордлевскому еще предстояло сдать.

Эта часть письма представляет большой и своеобразный интерес, поскольку здесь излагаются требования, предъявлявшиеся в начале нашего века к начинающему научному работнику — тюркологу:

«Исполняя Вашу просьбу, сообщаю, что требовали с меня, когда я был в Вашем положении. Начну с предметов второстепенных. По-арабски я должен был прочесть без приготовления любой отрывок из исторического труда Абу-Хары ад-Динавери; по-персидски: 1) читать à livre ouvert Рашид-ед-дина, 2) прочитать к экзамену по собственному выбору что-нибудь из поэтических произведений Низами (я выбрал одну из поэм его Пятерицы); по истории Востока: 1) история Османской империи; 2) история азиатских кочевников турецких и монгольских племен. Для Вас, конечно, главную роль будет играть Османская история, а для меня было наоборот.

Главные предметы. С меня требовалось: 1) знание языка орхонских надписей; 2) чтение без приготовления джагатайских прозаических и поэтических текстов; 3) знакомство с живыми наречиями: алтайцев, казак-киргизов и таранчинцев; 4) чтение османских прозаических текстов; 5) история джагатайской литературы; 6) история османской литературы. — Вот и все.

Что будет стоять на первом месте — лингвистика, или что-нибудь другое, — выяснится только после знакомства экзаменаторов с Вами: будет принята во внимание Ваша специальность»

Как видно из этого перечня требований, тюркология в начале нашего века была комплексной наукой, тесно связанной с иранистикой и семиологией, с одной стороны, и с историей, этнографией, фольклористикой и литературоведением — с другой. Это направление широкой филологической подготовки по существу сохранялось до тридцатых годов, затем стала намечаться дифференциация в подготовке кадров лингвистов, литературоведов, историков и этнографов.

Письма А. Н. Самойловича довольно подробно освещают научную деятельность этого замечательного тюрколога и его участие в общественной жизни.

Глубоким уважением и преданностью проникнуто отношение ученого к одному из главных его учителей — В. В. Радлову, которому А. Н. Самойлович самоотверженно помогал в издании «Образцов народной литературы тюркских племен». В. В. Радлов и вместе с ним А. Н. Самойлович привлекают к работе наиболее опытных и квалифицированных переводчиков. Последний обращается и к В. А. Гордлевскому:

«В. В. Радлов просил Вам передать, что он будет очень рад, если Вы с Вашими учениками переведете VIII том...

До лета надеюсь выпустить в свет половину перевода VII тома (до караимских текстов, которые будут переведены Шапшалом)» (11 марта 1910 г.);

«Как у Вас с VIII томом Радлова? Приступаем к составлению XI тома, в который войдут элементы персидских турок, начиная с азербайджанцев. Будем печатать выпусками. Материал для 1-ого выпуска готов» (20 октября 1910 г.).

Исключительной заботой и вниманием проникнуто письмо А. Н. Самойловича по поводу подготовки Сборника в честь 50-летия научной деятельности В. В. Радлова. В письме А. Н. Самойлович описывает героические усилия, предпринятые им для издания этого сборника без помощи и участия старших коллег В. В. Радлова и при ограниченности средств:

«В мае действительно исполнится 50-летний юбилей ученой работы Василия Васильевича. Я, как младший из петербургских ориенталистов, все ждал, начиная с осени, чем решат ознаменовать востоковеды холодного (скорее не по климату, а по человеческим душам) Петербурга праздник истинного «патриарха» (пользуюсь термином из Вашей последней статьи) современной тюркологии, ждал и, в конце концов, убедился, что ничего не дождусь! Ждал я, конечно, не проектов адресов, а идеи о каком-нибудь сборнике, так как был уверен, что раз сборники издаются не только в честь Нольдеке (международный), но и Потанина (русский, печатается), то этой чести вполне достоин и Радлов. Когда я еще перед Рождеством заикнулся о *международном* сборнике, то мне заметили, что Запад ведь Радлова не выносит, что, например, в Берлине его ругают *по-извозчицки* (это факт!). Против *русского* сборника не возражали, но, с другой стороны, никто из *старших* инициативы на себя не брал... Вот тогда Пекарскому и мне пришла идея пренебречь стариками и самим взяться за дело. Сначала мы решили напечатать на свой счет *двоем* сборник из двух своих статей, а затем передумали и предложили редактору «Живой (еле!) старины» *студенту* Виноградову уступить нам второй выпуск его журнала с условием, чтобы он вышел к маю. Виноградов переговорил с Ламанским, согласие получилось, и мы сейчас же приступили к печатанию. Писать иногородним времени не было, и я решил ограничиться заметками *молодых* петербуржцев и теми статьями иногородних, которые уже имелись в редакции. Уже набраны и набирают статьи: Мартиновича (Кара гёз), Пильсудского (Сахалин), Трошанского (якуты), моя (турецкие загадки); поступили статьи Фасмера (греческие заимствования в османском), *студентов* Владимирцова (монголы), Очирова (калмыки), Гаврилова (сарты); готовятся статьи: Пекарского (якуты), Ивановым, студентом Маловым (сибирские татары), студентом Левин (караимы), Мукомским (маньчжуры), Виноградовым (черемисы). Вашу статью примем с удовольствием, только сроку Вам — не больше недели.

Типография Живой Старины убогая: нет ни восточных шрифтов, ни академического для транскрипции. Поэтому сборник будет *безо всяких текстов*. Как наберем лингвисти-

ческую заметку Фасмера (транскрипция латинскими буквами), не знаю. И так, волей-неволей лингвисты принуждены чувствовать лингвиста без лингвистики» (6 марта 1909 г.).

Следует отметить большие заслуги А. Н. Самойловича в издании этнографического журнала «Живая старина», в котором он напечатал много своих статей и исследований и принимал участие в его редактировании, о чем свидетельствует, например, такое его замечание в письме от 9 апреля 1909 г.:

«Предложенные Мелиоранским и Коршем термины «турок» и «турецкий», Вы, как я вижу, приняли. Во II-м выпуске «Живой старины» «тюрки» и «тюркский» фигурировать уже не будут».

Параллельно с научно-исследовательской, редакционной и педагогической деятельностью А. Н. Самойлович уделял большое внимание пропаганде научных знаний. Он активно участвовал, например, в собраниях мусульман Петербурга и так же, как и В. А. Гордлевский, часто посещал различного рода вечера, организуемые московскими татарами.

Любопытно в этом отношении одно из писем, в котором А. Н. Самойлович в связи со статьей В. А. Гордлевского «В гостях у татар» характеризует петербургское мусульманское общество 1911 года:

«Судя по Вашей статье „В гостях у татар“, удивительные у Вас в Москве мусульмане. Вас удивляет, что женщины уже ходят на вечера, хотя держатся в стороне от мужчин, не выступают исполнительницами и закрывают лица. Меня же удивляет только „хотя“ и т. д. В Петербурге мусульманские вечера — обычное явление. Само собой женщины посещают их, являются исполнительницами, лиц не закрывают (за единичными исключениями) и от мужчин вовсе не сторонятся, ни во время концерта, ни в антрактах, ни тем более в танцах. Мало того, они продают шампанское и дуют его во-всю; муллы целуют ручки дамам и подносят им букеты. Вообще — все по-европейски. Да, удивительные в Москве мусульмане!..» (октябрь 1911 г.).

Начиная с 1909 года научная деятельность А. Н. Самойловича распространяется на все тюркские языки и охватывает множество тюркологических проблем: исторических, филологических, этнографических, нумизматических и других отраслей тюркологии в самом широком смысле этого слова. А. Н. Самойлович приступает к разработке классификации всех тюркских языков, преподает османский язык, изучает фольклор и литературу узбеков, казахов, киргизов, туркмен, ногайцев и других тюркских народов.

В письме от 20 октября 1910 года он пишет:

«В сентябрьском заседании (Восточного отделения. — Н. Б.) читал я сообщение об одной хивинской сатире на киргизов (печатается в XX т. Записок) и двух хивинских стихотворениях о земледельческом труде, особенно любопытных своим протестантским настроением (вылеживается в ожидании обнародования).

В «Живой старине» вып. III кроме «суеверий» печатаю заметку о «сартах» Остроумова, посвященную главным образом выяснению этимологии и разных значений слова «сарт». Приступаю к изучению мусульманской нумизматики, ибо предложено завести в факультетском мюнц-кабинете».

В том же письме он высказывает намерение написать критические заметки по поводу опубликованной Ф. Е. Коршем классификации тюркских языков:

«Хотелось бы поворчать на счет Коршевой классификации, кое-что уже набросал, да лень и нет времени возразить, как следует, хотя и подбивают».

Эти заметки, как известно, позднее послужили основой самостоятельного исследования, до сих пор не утратившего своего значения.

А. Н. Самойлович много времени уделял педагогической деятельности. Наряду с преподаванием турецкого языка в университете и узбекского языка в Географическом обществе он приступает к чтению лекций и подготовке учебных пособий в открывшейся Практической Академии, о чем сообщает В. А. Гордлевскому в своем письме от 17 января 1911 года:

«За неделю до Рождества я стал преподавать в Практической Академии теорию османского языка (будет выпущено литографированное пособие). С Нового года открылись курсы кавказоведения в помещении Академии; азербайджанский преподает Шашал. Ожидаем утверждение мусульманских курсов для Поволжья и Туркестана и журнала, научно-популярного „Мир Ислама“ при Обществе Востоковедения».

К весне 1914 года педагогическая и другая нагрузка А. Н. Самойловича достигает наивысшего предела:

«Занят я адски и свои личные труды запустил; кроме занятий в Универс[итете], Практ[ической] Акад[емии], Геогр[афическом] Обществе и кроме чтения корректур словаря Радлова еще 6 ч. в неделю заведую Восточным Музеем Фак[ультета] Вост[очных] языков (сизу над монетами). С осени собираюсь снова насесть на тюркологию, оставив часть „общественной“ работы. Не могу собраться окончательно отделать рецензии: 1) на классификацию Корша (ну, и классификация!); 2) на сарт[овскую] грамм[атику] Остроумова (ну, и грамматика!) и 3) на „Юсуф и Ахмед“ Вамбери (ну, и издание, и примечания!)» (29 марта 1911 г.).

Педагогическая деятельность А. Н. Самойловича не ограничивалась Петербургом:

«Май месяц я читал лекции по приглашению Таврического Земства татарам — учителям народных школ. Попутно занимался крымской этнографией. От 15 июня до 15 августа жил среди старопольских туркмен и ногийцев. Остальную часть лета провел в Нижегородской губернии» (22 октября 1912 г.).

1912—1914 годы А. Н. Самойлович работает над диссертацией, защита которой, как известно, была осложнена отрицательным отношением к ней его непосредственного учителя — османиста проф. В. Д. Смирнова, давшего отрицательный отзыв и отказавшегося быть оппонентом.

«Я эту зиму сидел главным образом над диссертацией, которую, можно сказать, закончил. Остается напечатать исследование. Намерен к осени представить факультету уже готовую книгу» (27 февраля 1913 г.).

«Кончаю печатанием диссертацию, кончу к Рождеству» (7 октября 1913 г.).

«28 марта я подал на факультет свою диссертацию, которой ни Вы, ни кто другой ни в Москве, ни где бы то ни было, кроме Петрограда и Парижа, еще не видел, — и вот только 22 ноября, т. е. через 8 месяцев, факультет заслушает отзыв о ней проф. В. Д. Смирнова и сделает соответствующее постановление. По слухам, отзыв будет «резко отрицательный». Эти слухи доходят до меня еще с начала сентября. Так разве это не дает права хоть на голову ходить?! Отзывы академиков Радлова, Залемана, Бартольда, Коковцева — совершенно обратные Смирнову. Так разве тут разберешь что-нибудь?» (18 ноября 1914 г.).

«Результат заседания тот, что я к защите допущен 6 голосами против 1 (Смирнова). Так как Смирнов отказался оппонировать, то его заменит Бартольд, что, конечно, меня очень радует. Диспут предполагается в январе 1915 г. Вторым оппонентом будет Залеман» (23 ноября 1914 г.).

«Мой диспут назначен на воскресенье 18 января. Диссертацию Вам выслал на имя Крымского» (13 января 1915 г.).

«Дорогой Владимир Александрович, если приедете послушать, как меня будут разносить, то убедительно прошу быть моим гостем...» (14 января 1915 г.).

«Благодарю за поздравление. Голосовало 6. Из них 2 воздержались (Жуковский и Иванов). Остальные (академики: Бартольд, Марр, Коковцев, проф. Щербатской) — за. Смирнова не было. Всыпали здорово и поделом. Не побрезговали и опечатками» (20 января 1915 г.).

Некоторая небрежность в оформлении диссертации, объясняющаяся спешкой, в которой она была издана, признавалась самим автором, о чем

свидетельствует последняя фраза предыдущего письма, а также следующее письмо:

«Стараюсь послать Вам свои opus'ы и поэтому убедительно прошу сообщить, что я Вам прислал в последний раз (не считая диссертации). Кстати, прочли ли Вы эту — увы! — столь неряшливо прокорректированную книгу?» (7 октября 1915 г.).

Подготовка диссертации не помешала А. Н. Самойловичу опубликовать в период 1912—1914 гг. целый ряд статей и рецензий, а также предпринять несколько специальных научных поездок на Восток и в страны Западной Европы, где им был собран значительный тюркологический материал.

«С весны много напечатано:

1) Среднеаз[иатско]-тур[ецкие] надписи на кувшине из Сарайгира — (З. Р. О.),

2) Монголо-шам[анский] обряд завораживания бунчуков (Ж. Ст.),

3—4) Рец[ензия] на Шуэйба в 2-х №№ Мира Ислама,

5—7) Обзор мус[ульманской] печати, *ibid*, №№ 2, 3, 4,

8) Об изменениях в 12-летнем животном цикле у некоторых турецких племен. Изв. Таврич. Арх. Комисс.,

9) Предварительное сообщение о новом списке сокращения Семи планет Мухаммеда., *ibid*,

10) Туркменские заговоры. Ж. Ст., 11—12,

11—12) Рецензия на Хаврина и Фарфаровского,

13—14) Две рецензии на Вас в М. И.

На днях выйдет в З. Р. О. рецензия на балкарскую грамматику Караулова» (27 февраля 1913 г.).

«Радлов приступил к изданию Уйгурского словаря с моим участием.

После Пасхи выйдут известные Вам мои статьи о Радлове и Томсене и Орхонская библиография. Готовлю к изданию диван Бабура по Парижской рукописи» (март 1914 г.).

«Я собираюсь на Пасху в Кострому, где теперь живут мои родители. ... Летом еду во Францию, а весной — может быть опять в Крым» (18 марта 1913 г.).

«А я май провел в Крыму на курсах, июнь и июль в Западной Европе: Будапешт, Вена, Париж, Берлин. И там и здесь насобирал занятных материалов, о коих постепенно будете узнавать из opus'ов...

В середине сентября жду в гости J. Dequ из Парижа, который приготовил недурную османскую грамматику. Было очень приятно убедиться, что и среди османистов начинают появляться тюркологи. Вам бы тоже было хорошо прикатить в Питер, устроили бы репетицию конгресса тюркологов, о конгрессе я мечтаю ... идея которого встречает сочувствие на Западе» (29 августа 1913 г.).

По-видимому, после посещения Петербурга французским тюркологом Ж. Дени и беседы с ним мысль о созыве международного конгресса тюркологов была отложена:

«Моя мысль о съезде тюркологов, можно сказать, пока полу-шутка. Dequ прогостил у меня неделю и уехал к родоплеменникам в Киев» (7 октября 1913 г.).

Если создание международного объединения тюркологов не удалось реализовать, скорее всего, из-за вспыхнувшей в 1914 г. войны, то объединение тюркологов России заметно продвинулось с организацией Алтаистического кружка.

«Давнишняя моя идея объединить русских тюркологов начинает, по-видимому, осуществляться: по моей инициативе 12 сентября основан на квартире Радлова частный кружок „алтаистов“ (турецко-монгольско-маньчжурский); его задачи: объединение научной работы, установление планомерности, подведение итогов, выработка программ, коллективная разработка вопросов, превышающих единичные силы. Были: Радлов, Котвич, Руднев, Штернберг, Владимирцов и я» (14 сентября 1915 г.).

«В ближайшем заседании кружка алтаистов, о котором я Вам писал, Владимирцов делает доклад о родстве тур[ецких], монг[ольских] и маньчжурских языков» (7 октября 1915 г.).

«Завтра третье заседание кружка алтаистов. Примкнул к нам еще Бартольд. Будем разбирать работу Рамстедта о монгольском местоимении» (8 ноября 1915 г.).

«Предполагается издание справочника о русских монголистах, тунгусистах и туркологах (без различия национальности и пр.). Радлов страшно увлекается кружком и недоволен, что редко собираемся (1 раз в месяц)» (8 ноября 1915 г.).

«„Алтайский кружок“ действует; в апреле... последнее заседание в этом сезоне. Намечено ведение алтайской текущей библиографии, справочник о деятелях, намечается карточный словарь материалов, затронутых алтаистами с момента возникновения этой самой, никем до сих пор не доказанной урало-алтайской теории» (4 апреля 1916 г.).

Велики заслуги А. Н. Самойловича в области изучения тюркской филологии, публикации и анализа литературных памятников, истории среднеазиатского литературного языка *тюрки*.

В период первой мировой войны и после Великой Октябрьской социалистической революции А. Н. Самойловичем было опубликовано много исследований, посвященных памятникам тюркской письменности, в частности «Дивану» Бабура, о котором он еще в 1914 году писал В. А. Гордлевскому:

«И еще напишите, Христа ради, нет ли у Вас дивана Баку в издании Дворжака. У нас в Питере нет, выписать теперь неоткуда, а мне он до зарезу нужен при обработке дивана Бабура (1 вып. — текст готов и выйдет около нового года)» (18 ноября 1914 г.).

«Диван Бабура отпечатан еще весной; остановка за предисловием. Работы уйма. Слушателями доволен и в Университете, и в Академии, и на курсах министерства юстиции (сартовский язык). Факультет оживляется все сильнее и сильнее, живем дружно своим кругом „молодых“ разных возрастов» (8 ноября 1915 г.).

В эти годы А. Н. Самойлович отдает много сил и времени решению важнейших научно-исследовательских проблем тюркологии, что вынуждает его постепенно освобождаться от излишней педагогической нагрузки, которую он передает своим ученикам и коллегам и в том числе П. А. Фалеву.

«Фалев тоже с этого года читает османский язык. Пока мы с ним не поделились, но думаю, что в этом году читаю османский язык последний раз в Университете. Готовлю к литографированному изданию практическую грамматику современного османского языка для Практической академии. Вслед за газетной хрестоматией отлитографирован сборник документов» (7 октября 1915 г.).

«Заканчиваю печатанием „Опыт краткой крымско-татарской грамматики“. Выходит к Рождеству» (8 ноября 1915 г.).

«На очереди: 1) Предисловие к краткому русско-якутскому словарю Пекарского, изд. 2; 2) Хотонские записи Потанина (З. В. О.); 3) Из казах-киргизских материалов М. Чокаева; 4) Татарин о татарах; 5) Османская газетная хрестоматия; 6) Сборник османских документов» (4 апреля 1916 г.).

После прекрасных биографических очерков о крупнейших тюркологах своего времени В. В. Радлове и В. Томсене — А. Н. Самойлович планирует очерк о деятельности гениального лингвиста-полиглота Ф. Е. Корша, кончина которого в 1915 году явилась невосполнимой потерей не только для тюркологов, иранистов и славистов, но и всех российских лингвистов.

«Ваше слово о Корше сказано прекрасно. Кажется, это самое вдохновенное из Ваших произведений. Оно и понятно. Я все еще ношу в себе свой порыв почтить память нашего „Ишана“, пусть порыв этот нарастает, боязно сказать про Корша торопливое слово. Мне хотелось бы составить очерк „Корш как тюрколог“. Еще сегодня я поминал его имя на первой лекции по османскому языку» (7 октября 1915 г.).

По-прежнему А. Н. Самойлович продолжает свои научные поездки, а также организационную и редакционно-издательскую деятельность.

«До 20 мая я здесь, а потом в Казани и Крыму от Музея Александра III (этнография, батенька мой, этнография!)... Собираюсь этой весной учредить „Мусульманский отдел“ при Обществе Востоковедения...

Редактирую: 1) Антрополого-этнографическое исследование Руденко о башкирах; 2) Башкирские сказки Безсонова; 3) Казах-киргизские сказки Потанина» (14 апреля 1916 г.).

«Я летом совершил объезд наших мусульман по маршруту: Татарская слобода под Костромой — Казань — Самара — Ташкент — Баку — Тифлис — Владикавказ — Феодосия — Симферополь — Бахчисарай — Евпатория — Крымская степь. Результаты частями печатаю, так что скоро кое-что из них узнаете» (14 ноября 1916 г.).

Однако все это не дает удовлетворения А. Н. Самойловичу. Он жалуется, что перегруженность научно-организационной и редакционно-издательской работой не позволяет ему осуществить задуманные им большие исследования по тюркологии:

«Продолжаю тискать там и сям всякую мелочь, а крупного ничего выпустить не могу, и это меня очень удручает в связи с тем обстоятельством, что в Питере жить очень трудно такому лежебоку, как я — хоть беги вон!»

На собачий оттенок моего самочувствия влияет и то, что здесь у меня нет вовсе друзей, которых наоборот так скоро нахожу, втираясь в мусульманскую среду. Питерскую жизнь приходится скрашивать воспоминаниями о летних скитаниях, во время которых имеешь возможность жить сердцем» (22 октября 1912 г.).

«Вы не можете себе представить, какая у меня охота побеседовать с Вами. Ваше молчание вышибает целое звено в цепи моего общения с тюркологами, и тюркологический ток прерывается. Ведь этого не должно быть! Нас мало и мы должны непрерывно держаться за руки! Откликнитесь же, дорогой коллега!» (7 октября 1915 г.).

Позже, уже после революции, в 1922 г. он приглашает В. А. Гордлевского переехать в Ленинград для занятия кафедры покойного проф. В. Д. Смирнова.

«Петроградские востоковеды предлагают Вам: 1) кафедру покойного В. Д. Смирнова в Государственном Университете и 2) его же кафедру в Институте живых восточных языков. Делаю Вам настоящее предложение, следовательно от имени всех своих коллег и с их ведома. Все мы были бы бесконечно рады, если бы Вы еще теснее слились с нами на поприще востоковедения» (1 ноября 1922 г.).

Начиная с 1913 года А. Н. Самойловича не покидала мысль о созыве международного тюркологического конгресса. Осуществить эту идею ему удалось уже только после Великой Октябрьской социалистической революции.

Участвуя в 1924 году в работе Азербайджанского Краеведческого съезда, он добивается решения о созыве Первого тюркологического конгресса с участием иностранных тюркологов. Этот конгресс состоялся в 1926 году в Баку.

«Отчет об Азербайджанском Краеведческом съезде появится в № 6 „Нового Востока“, и поэтому здесь я о нем не пишу. Постановлено, между прочим, созвать всесоюзный тюркологический съезд в Баку. Питерский и Московский съезды не вышли, надеюсь, что Бакинский состоится.

При Институте Живых Восточных языков начал действовать тюркологический семинарий для природных турков. Пока и преподаватели и слушатели этим начинанием довольны» (27 октября 1924 г.).

Реформа высших учебных заведений после Великой Октябрьской социалистической революции, рост молодых национальных кадров тюркологов, создание письменности и литературных языков для бесписьменных народов — все это воодушевляет А. Н. Самойловича, он стремится к решению новых проблем, к новым научным исследованиям.

31 декабря 1931 года А. Н. Самойлович пишет восторженное письмо В. А. Гордлевскому о перспективах развития востоковедения и тюркологии:

«В Ленинграде растут и крейнут новые силы по нашей общей специальности, с новой методологией и с новыми установками и подходами к тому, что доселе именовалось туркологией и что в ближайшее время должно получить иное наименование. Не знаю как у Вас, а у нас востоковедная жизнь — для меня по крайней мере и моих единомышленников — становится с каждым годом интереснее и привлекательнее. Новое востоковедение, живое и широкое — уже не мечта, а факт, правда, еще в начале своего развития. И для меня предвидится сокращение организационной деятельности и усиление снова работы научно-исследовательской. Чувствую себя не стариком, а студентом или аспирантом, — что же может быть счастливее такого самочувствия. Желая и Вам здоровья и счастья!

Ваш А. Самойлович».

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

А. П. ДУЛЬЗОН

УСТАНОВЛЕНИЕ АРХЕТИПА ФОНЕМЫ ПО МЕЖЪЯЗЫКОВЫМ РЯДАМ АЛЬТЕРНАЦИИ

В сравнительно-историческом языкознании различают два типа звуковых альтернатив — синхронические и диахронические ряды чередования.

Синхронические ряды чередования составляются на основе учета во всех языках и диалектах группы родственных языков существующих вариантов звуковых соответствий для одной и той же фонемы. Компоненты синхронического ряда в целях обычной констатации могут быть перечислены в любом порядке. Однако для объяснения их территориального размещения необходимо прибегнуть к приемам лингвистической географии, используя при описании соответствующую терминологию.

Диахронические ряды чередования представляют собой варианты последовательного изменения одной исходной фонемы. Эти ряды не коммутативны. Они составляются по материалам письменных источников, начиная с наиболее ранних, а при их отсутствии воспроизводятся теоретически по данным синхронических рядов альтернатив посредством внутренней реконструкции. Современной лингвогеографией установлено, что компоненты ряда синхронической альтернативы той или иной фонемы представляют собой отражение на различных территориях разных этапов в истории развития данной фонемы. Однако эти два типа альтернатив не могут быть сведены вместе, ибо природа их появления неодинакова. Объяснение географическому распространению звуковых различий следует искать не в особенностях данного языка, а в конкретной истории территориального расселения и размещения его носителей, в то время как возникновение диахронических вариантов связано с частичным изменением структуры самого языка.

Установление архетипа фонемы связано с выполнением ряда предварительных условий, что необходимо для успешного анализа материала и получения выводов с высокой степенью вероятности. Прежде всего следует точно выяснить, к какому конкретному синхроническому ряду чередования относится интересующий нас звук.

Весьма обычным является подразделение альтернатив соответственно месту, занимаемому каким-нибудь звуком в слове, например: *t*- в начале, *-t* в конце и *-t* в середине слова. Нередко место звука в середине слова уточняется указанием: между гласными, в соседстве с согласными, — так как часто от этого зависит характер ассимиляции.

В связи с тем, что корневые элементы слов древнее аффиксальных, физически одинаковые звуки могут входить в разные ряды чередования в зависимости от их употребления в корневых элементах или аффиксах¹.

¹ Ср.: *K. Menges. The turkic languages and peoples. Wiesbaden, 1968, стр. 90.*

Если допустить, что доалтайский корень был моносиллабическим, то слова, состоящие из двух или нескольких слогов, следует думать, возникли путем словосложения; поэтому необходимо определить место срединного звука в неодносложном слове либо как конечного в первой морфеме, либо как начального во второй. Это поможет исследователю уяснить себе этимологические значения компонентов слова. В енисейских языках весьма важные грамматические и словообразовательные значения находятся в зависимости лишь от позиции звука, носителя этого значения, в моносиллабическом слове.

Анализ слов (или словоформ), производимый для определения рядов чередования, членами которого являются отдельные звуки в их составе, немислим без понимания внутренней формы этих слов. Если последняя не ясна, то сначала следует предположить более или менее вероятное гипотетическое объяснение, затем опробовать его на аналогичном материале и в зависимости от результата остановиться на нем или отбросить.

Примеры подобных рабочих гипотез приводятся Э. В. Севортьяном. Вот одна из них². Так как в тюркских языках животные и растения часто получают свое название по наиболее характерному для них действию, большое распространение получила словообразовательная модель отглагольных слов на *-кан, -ан* (*йлан* 'змея', *йыл-* 'ползать'; *кычыткан* 'крапива', *кычыт-* 'жалить'). Исходя из подобной схемы, можно предположить аналогичное построение и у слов, исходный глагол которых неизвестен, например у слова *кожан* 'заяц'. Э. В. Севортьян убедительно показал, что оба упомянутых аффикса в равной степени древние и являются общетюркскими³. Но в связи с тем, что они встречаются также в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, то для объяснения их происхождения следует обратиться к доалтайскому состоянию, то есть к полисинтетическим языкам типа енисейских. В таком полисинтетическом языке двусложное глагольное слово после отделения примёт финитности содержало две морфемы с лексическим значением. Попытаемся установить их для приведенного слова *кожан* (*кой-ан* или *ко-жан?*).

Обычно синхронический ряд чередования $p \sim d \sim t \sim z \sim \delta \sim \dot{y}$ возводят к одному исконному звуку. Н. К. Дмитриев рассматривал этот ряд как возникший в результате исторического изменения первоначального звука d через ступень δ в p (чув.), в z (шор., хак.), t (якут.), \dot{y} (др.-тюрк.)⁴. М. Ряснен возводит ряд к исходному звуку δ ⁵, Н. Поппе считает исходным звук \dot{d} ⁶, А. М. Щербак выводит весь ряд из δ ⁷.

Для выяснения возможного состава этого типа словообразования рассмотрим следующий ряд слов кетского языка: *ко:ститн* < *ко:-с-ди-ден* 'я боюсь', *ко?-т бауабинс'аң* 'я испугался, испуганным сделался', *ко:даней* или *ко:раней* < *ко:-т-ан-ей* 'пугливый'. К пониманию этимологического значения приведенных слов («делать подскоки») подводит *кой-бес*

² Э. В. Севортьян. Пробные статьи к этимологическому словарю тюркских языков. М., 1966, стр. 7.

³ Э. В. Севортьян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, стр. 322.

⁴ «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», I. М., 1955, стр. 328.

⁵ М. Ряснен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 141 и сл.

⁶ N. Poppe. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen, T. I. Wiesbaden, 1960, стр. 52.

⁷ А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 160. Ср. еще: G. Clauson. The Turkish Y and related sounds. — «Studia altaica». Wiesbaden, 1957. стр. 33—34.

'рассержен, вспылчив, aufgebracht', *кой* 'стоймя передвигаться, бродить', *ко?-к* 'плавник', *ко*: 'верх', *ба-кой* 'я хочу' (я поднялся)', *ко?*, мн. ч. *ко:н* 'рог'. В этих словах корневым элементом является *ко?*, к которому присоединены различные грамматические показатели (*ко?-й, ко?-т, ко?-с, ко?-к*). Эти же компоненты имеются в алтайских словах: якут. *куой-*, саг. *куй-*, хак., тув., чув. *хой-* 'бояться, пугаться', хак. *хуй-чаң ат* 'пугливая лошадь', чув. *хуй-хат-* 'пугнуть', хак. *хорых параруа* 'испугаться', якут. *кутта-* 'испугать', *куттан-* 'испугаться', алт. (ойр.) *коркы-*, чув. *хара-* 'бояться', якут. *хоргус* 'пугливый', чув. *харат-* 'испугать', *хэранэ* 'испуганный', *хэратнэ* 'пуганный', турк. *горкан* 'испуганный', эвенк. *ху:рэ:н* 'верх', нен. *хув, ну:ко* < **ку:ко* (Боуда) 'плавник', кр.-тат. *ко-*, уйг. *кой-*, чув. *хор-* 'поставить, положить', туркм. *кой-* 'оставить', тат. *куй-* 'прилагать'. Вторая часть тюркского слова *којан* (суффикс *ан*) имеет свою ближайшую параллель в кетском *-ан* (*ко:дан, ко:ран* < *ко?-т-ан*), в котором а — глагол «делать», а *н* — аффикс со значением длительного состояния или действия, в зависимости от значения предшествующей морфемы. Морфема *а-н* часто встречается в кетском языке с медиальным значением «(если, когда) сделается, сбудется» (что-то); также часто употребляется соответствующая каузативная форма *к-а-н* 'сделается, сбудется' (благодаря кому- или чему-то). Когда аффикс *к* соотносен с предшествующей морфемой, целое приобретает значение «осуществленным сделаться», откуда возникла возможность переосмысления *к* в суффикс прошедшего времени. Итак, из вышесказанного следует, что тюрк. *којан* восходит к **кой-ан*, а не к *ко-јан*, представляющему собой только результат фонетического членения слова. Наблюдающаяся в этом слове альтернация звуков *д ~ т ~ з ~ ј ~ р* (тув. *кодан*, якут. *хотон-ох*, шор. *козан*, н.-чул. *којан*, тат. *кујан*, чув. *хор'ан, хур'ан*) является синхроническим, а не диахроническим чередованием; в этом ряду *ј* < **и*, а остальные члены ряда восходят к **т* с последующим развитием *т* > *д* > *δ* > *р, з*; в кетском оба исходных звука в конечной позиции представляют собой аффиксы состояния: *и* — наличного (медиального), *т* — осуществленного кем-то. Иногда это древнее значение заметно проступает в современных языках; ср. чув. *хэрат-* 'пугать' — *хойхат-* 'спугнуть'. Следует учесть, что праенисейское *и* входит в два различных ряда чередования в зависимости от его позиции в слове — в начальной *и* > *й-*, *ј-* и т. д., в конечной *-и* > *-й*.

Приведем примеры, в которых *й* является изначальным: хак., тув. *хоју-* 'густеть', казах., ойр., тел. *коју:* 'густой', кач., чул., койб., шор., саг. *којуу*, кет. *кой* 'густой', эвенк. *кэю* 'густой' (о жидкостях), бур. *хүй* 'куча, толпа', кет. *куйбаң* 'вместе, в одно'; туркм., казах., чул., шор. и др. *уја* 'гнездо', башк. *өја*, тур. *јува*, чув. *јэва*, нан. *о-мо*, эвенк. *у-мук*, эвенск. *у-мок*, калм. *йр*, кет. *уй* 'зыбка', *уй-ебат* 'подставляет'. М. Рясänen, безусловно, прав⁸, восстанавливая это *и* для пратюркского времени и реконструируя, например, **ту-*, **туй-* 'закрывать, затыкать' по следующим данным: пол. *ту-*, чув. *тувыр-* 'заткнуть', якут. *ту:й-* 'наглухо вязать', уйг. *ту-л-* 'затрудняться', тув. *ту-л-* 'быть отгороженным', хак. *туу* 'пруд', тел. *туй* 'закрытый' и другие, связанные, вероятно, с кет. *ты-т* 'глухой' (уши заложено), *ты-ң-* 'заткнуть, перегородить (речку)'. Звук *и* здесь рефлекс протоенисейского аффикса формы состояния, сохранившегося и во многих других случаях, например, уйг. *ба-* 'связать', туркм. *ба:у* 'связка', чул. *па:у* 'веревка'; осм. *ба-у-ла-*, каз. *ба-й-ла-* 'связать'; ср. кет. *а:ң* 'веревка'.

⁸ M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkssprachen. Helsinki, 1969, стр. 496а.

Праенисейским формам на *и* или *т* соответствуют также:

1) кыз. *кес-*, тув. *кет-* 'одень на себя', азерб. *гей-*, хак. *кис-*, каз. и др. *кий-*, кет. *кий* 'одеться', якут. *кет-* 'одеться', кет. *кил* 'вдеть', япон. *кир-у* 'носить одежду', *кис-у* 'одевать'⁹;

2) др.-тюрк. *у* 'сон', кет. *у:* 'сон, отдых', якут. *утуй* 'спи', чаг. *ују-* 'заснуть', саг., шор., кыз. *узу* 'спи', туркм. *ују-* 'спать', кет. *у-с-ен* 'спать', *у-бет* 'отдыхать';

3) уйг. *бод* 'рост, тело', тув. *по:дум* 'я сам', койб. *бо:з*, саг., кач. *пос*, чаг. *бой*, ойр. *пой*, тат. *буй*, калм. *босх-* 'встать, подняться', монг. *бос-*, *бот-*, *бод-* 'встать, подниматься'¹⁰, ср.-тюрк. *боду-* 'покрыть (покрыть краской)', тув. *буду-*, якут. *бутуй-*, чаг. и др. *боја-*, бар., шор. *поја-*, ойр. *поја-*, тат. *буја-* > чув. *пёв-*, монг. *буда-* 'красить (покрывать)', эвенк. *о:да:й* 'поднять', калм. *ёрх*, *о:дён-* 'поднять'; кет. *до:* 'поднять вверх', *т-ой* 'вверх, наверху', кет. *то:с* 'вырастить, вскармливать', уйг. *тод-* 'насыщаться', тув. *тот* 'доедай', сарыгюг. *тоз-* 'быть сытым', шор. *тос-* 'насыщаться', чаг. и др. *той-* 'насыщаться', осм. *дой-*, якут. *тот-* 'быть сытым', кыз. *тосканджа шипсалдым* 'я досыта наелся';

4) якут. *этэңнэ сырыт*, чул. *езен* 'будь здоров', монг. *едеге-* 'выздороветь', калм. *эрёл* 'здоровый', кет. *?ет* 'живой', *?е:та* 'оживать';

5) уйг. *адак* 'нога', ср.-тюрк. *адак*, чаг. *ајау*, осм., чул. *ајак*, шор. *азак*, тув. *адак*, якут. *атах*, чув. *ора*, *ура:* сюда же относится, восходя к форме на *и:* казах. *ајаң* 'быстрый шаг', кр.-тат. *ајан* то же, якут. *ајан* 'путь, поездка', монг. *айјаң* 'путешествие, дорога', кет. *т-ай-га* 'ходить, передвигаться идя', *т-ай-док* 'передвигаться летая', *т-ай-с'ук* 'передвигаться вплавь'.

Сюда же обычно относят группу слов: тув. *кудурук*, долг. *кутурук*, шор., саг. *кузрук*, хак. *хузурух*, чаг., осм., чул. *куйрук*, чув. *хўре*, нан. *хуйгу* 'хвост', монг. *хўдрага*, калм. *худрһ* 'шлея', ср. кет. *ху?т*, *һу?т*, *фу:т* 'хвост'. Но здесь, как уже говорилось выше, следует сперва уточнить место исследуемого звука. Исходя из примеров, которые приводит Г. И. Рамstedт¹¹ (*мойн-турук* 'мех на шею', тур. *кўмўл-дўрўк* 'нагрудный ремень', койб. *кас-тырык* 'древесная кора'), в якут. слове *ку-турук* можно отделить *турук* как аффикс. Занимая начальную позицию в суффиксе, звук *т* в интервокальном положении входит в ряд *т ~ ђ ~ р ~ з*. Можно предположить, что в форме с *й* выпадения не произошло и что это *й* соответствует по функции компоненту *ту* (*ку-й-рук* = *ку-ту-рук*). В енисейских языках суффикс *-й* образует прилагательные от существительных по признаку наличия чего-либо, а суффикс *-ту* — по признаку снабженности чем-то; широко употребителен также суффикс *-т* для образования отглагольных прилагательных и существительных, обозначающих наличие признака в результате выполнения действия. Покажем, что такое истолкование приведенных алтайских слов является возможным.

Прежде всего отметим, что для выражения понятия «хвост» в енисейских языках имеется четыре различных слова. Так, например, в кетском языке *һу?т*, *ху?т*, *фу?т*, *фу?д*, *хуут* (XVIII в.) обозначает не хвост вообще, а только хвост по специфическому признаку (поднятой конечности), как, например, у собаки. Для выражения более широкого понятия

⁹ R. A. Miller. Japanese and the other altaic languages. Chicago, 1971, стр. 133.

¹⁰ N. Poppe. Introduction to Mongolian comparative studies. Helsinki, 1955, стр. 121; ср. также высказывания О. П. Суника о возвратном местоимении *бод* и т. д. (В кн.: «Проблема общности алтайских языков». Л., 1971, стр. 263 и сл.).

¹¹ Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 189; ср.: Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке, стр. 177; В. М. Иллич-Свитич. Опыт сравнения ностратических языков. М., 1971, стр. 327.

«хвост» существуют другие слова, например: *hu:c*, *фис* 'хвост птицы' (край оперения); *hodaп*, *hor'an*, *хо:дап*, *фоjan* 'хвост рыбы' (анальная часть тела); ср. кет. *ho?k*, *ho:k*, *фо:k*, *по:k* 'кал', ср.-тюрк. *бок* 'навоз', казан. *бук* 'кал', алт. *пок*, монг. *бок* 'грязь'; кет. *ho:да* 'испражняться', *ho:дабет*, *ho:равет* 'испражняется'. Енисейские языки XVIII в. сохранили еще другое слово в значении «хвост», а именно: ассан. *пугай*, кот. *пукай*,

арин. *n'hugай*, которое соответствует др.-греч. τῠῠή 'зад' и связано со словом, имеющим значение «дуть» (сым. *фы:*, имб. *д-уҫ-ый* 'дуть, надутый', кот. *ба-фу-й-ан* 'дую').

Предположение о наличии в тюркском слове *кутурук* доалтайского суффикса *-ту-* возможно лишь при допущении первоначальной формы этого слова в виде *ку-т-ту-рук* < **ку-т-ту-ра-к* 'снабженный поднятой конечностью', так как суффикс *-ту-* присоединялся лишь к существительным. Такая форма имеется в халх. *худдуруг* 'подхвостник у седла'¹². Но здесь понятие снабженности чем-то было бы выражено дважды (*-ту-*, *-ра-*), а потому такое объяснение надо признать маловероятным.

Э. В. Севортян¹³ приводит целый ряд слов, в которых *-дуруг* ~ *-турук* может осмысливаться как аффикс, обозначающий орудие или приспособление (чаще всего веревку или ремень). Обращает на себя внимание созвучие этого аффикса с др.-русск. *торокъ* 'седельный ремень', санскр. *трак* 'завязка'. А. Н. Кононов видит в этом элементе слова уменьшительный суффикс, хотя приведенные им примеры не подтверждают такого предположения (*бурун-дурук* — не «носик», а «намордник», *саҫас-дырык* — не «бородка», а «подшейный ремень» и т. д.). Однако заслуживает внимания указание А. Н. Кононова на то, что следует различать два омоаффикса, разных по происхождению и значению¹⁴. Вполне возможно, что некоторые существительные на *-турук* содержат аффикс понудительного залога *-тур-* и аффикс отглагольного имени существительного *-ук*, например: узб. *бас-тир-ик* 'попона' (ср. *бас-тир-мак* 'прижимать'). Но совершенно ясно, что это относится к нескольким единичным словам. Конечно, подобные частные вопросы нельзя выводить полностью из сравнительно-исторического исследования, однако база последнего должна строиться в первую очередь на языковых фактах с высокой частотностью проявления.

Обратимся теперь к конкретному ряду альтернатив начальных согласных, в который входит аффриката *ц*, например:

1) н.-чул. *цор*, бар. *цур*, ср.-чул. *шор*, хак., кыз. *со:р*, караг. *шигәр*, бур. *шарга*, *чарга*, *чырҫа* > якут. *са:рҫа*¹⁵ 'нарта', кет. имб. *с'у:лр'*, сым. *ш'оул*, арин. *шал*, кот. *асс чогар*, пумп. *цел*;

2) туркм. *чы:бан* 'фурункул', чув. *с'айпан*, осм. *чыбан*, монг. *чигикан* < **чышыкан*, алт. (ойр.) *чыбырт* 'прыщик'¹⁶, кет. *си: баң*;

3) калм. *цокх-* 'бить, ударять', осм. *чокмак* 'колотушка', чул. *цокшак*, алт. *токлок*, монг. *чоки* 'бить, ударять', эвенк. *сукча-ми*: 'разбить', уйг. *сок-* 'бить, забивать, разбить', кет. *сок-та-бет* 'забивать, бить, затолкать (в мешок)';

¹² Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929, стр. 337.

¹³ Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке, стр. 176 и сл.

¹⁴ А. Н. Кононов. Уменьшительные формы имен и словообразование (на материале тюркских языков). — В сб.: «Вопросы тюркологии». Баку, 1971, стр. 97.

¹⁵ Ср.: А. J. Joki. Die Lehnwörter des Sajansamojedischen. Helsinki, 1952, стр. 295—296.

¹⁶ N. Porre. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen, T. I, стр. 26.

4) алт. *чук* 'густота', калм. *цуг-*, *цуһар* 'близко вместе', бар. *цук* 'густой', кет. *тук*, *т'ук*, *ц'ук*, *ч'ук* 'связка уток, шурок' (заимствовано из тюркского?);

5) др.-тюрк. *чаб* 'слава', шор. *шап*, бар. *цап*, кет. *саг-аб-ет* 'говорить, сказывать', арин., кот. *чаг-ар* 'говорить'.

Как видно из этих примеров, данная альтернатива представлена следующим рядом звуков: *ц* ~ *ч* ~ *ш* ~ *с*. Целиком весь ряд и в указанной последовательности представлен только в чулымско-тюркском языке: *ц* — в нижне-чулымском диалекте, *ч* — в средне-чулымском (тутальском говоре), *ш* — в мелетском говоре дальше вверх по Чулыму и *с* — в верховье у кызылов. Так как нет никаких оснований предполагать какие-либо перемещения населения со времени освоения этой территории тюрками, отмеченный лингвогеографический факт приобретает датирующее значение: наиболее отдаленный от центра древней тюркской культуры звук *ц* следует считать исходным в этом ряду чередования. Полностью весь ряд альтернатив присущ также енисейским языкам: монгольские языки имеют три члена ряда (*ц* ~ *ч* ~ *ш*), а тунгусо-маньчжурские — лишь один (*с*). Если учесть периферийное положение последних, то можно предположить для них переход *ц* > *с*, являвшийся первым этапом в развитии ряда.

Приведем примеры с указанным согласным в конечной позиции: туркм. *у:ч* 'конец', уйг. *уч*, азерб. *удж*, тат. *оч*, чув. *вёс*, *вёзё*, якут. *ус-ук*, саг. *учук* 'конец нитки', чул. *уц* 'конец', калм. *үзүр*, дагур. *уджи*, маньч. *уджу* 'голова', эвенск. *мудан*, нан. *мода:н*, кет. *ут* (с высоким ровным тоном), монг. *учыг* 'конец нитки'.

Заимствованные слова в группе родственных языков можно легко отличить от исконно общих в том случае, когда нарушается правило звукового соответствия. Правда, встречаются случаи, когда это нарушение является мнимым, например кет. *чук* 'связка'. Так как данная форма встречается только после звука *н* (*бъ'нч'ук* 'связка уток'), то можно думать, что аффриката возникла на стыке звуков (*нч* < *нс*'), то есть *чук* < **с'ук*, в пользу чего говорит засвидетельствованная форма *с'уң* 'связывать', имеющая в конце аффикс длительного состояния (*ң*) вместо аффикса *к* (однократного состояния) в слове *чук*.

Затруднения при анализе могут возникнуть при ошибочном определении ряда. Так, например, М. Рясänen¹⁷ считает указанное выше якут. *ајан* 'путешествие, путь' заимствованием из монгольского (*ајан*, *ајан* 'путешествие'), очевидно, потому, что в противном случае в якутском ожидалось бы появление *т* вместо *ј*. Однако при этом им не принимается во внимание существование таких форм, как уйг., чул., алт. и др. *ајак*, якут. *ајакх*, монг. *ајага*, в которых звук *ј* является отражением прото-енис. *и* в конечной позиции (*ай-ак*).

Еще труднее отделить исконно общее по отдаленному родству от реликтов иноязычного субстрата. Для тюркских языков этот вопрос особенно важен потому, что ареалы некоторых из них полностью или в значительной части совпадают с ареалами расселения субстратных народов, что подтверждается данными топонимики. Это относится, например, к шорцам, чулымцам, барабинцам, тофаларам и восточным тувинцам.

Остановимся на некоторых вопросах реконструкции гласных. Э. В. Севортыян отмечает, что в некоторых случаях весьма трудно устано-

¹⁷ М. Räsänen. Versuch..., стр. 11а.

вить исходный архетип корневого гласного, который может быть восстановлен на основе имеющихся форм¹⁸. На подобные случаи было указано уже М. Рясняном и Г. Рамстедтом¹⁹, например: *етик* ~ *өтүк*. Как отмечает Г. Рамстедт, в основном здесь имеет место явление регрессивной ассимиляции. Так как слова, имеющие такие чередования гласных, относятся к древнему фонду, а направление ассимиляции противоречит принципу гармонии гласных, то подобные случаи должны быть отнесены к тому периоду, когда гармония гласных еще не была установлена, и вопрос о первичности гласных, таким образом, можно решить только на доалтайском уровне путем сопоставления с отдаленно родственными языками. В ту отдаленную эпоху, можно думать, ассимиляция гласных одинаково часто происходила в обоих направлениях в зависимости от конкретных обстоятельств, ср. в современном кетском языке, где вместо *с'ес'-ка* 'в реке' можно услышать *с'ес'-ке*, вместо *с'ин-ас* 'грязь' — *с'ин'-äs*, и, наоборот, вместо *на-и:с* 'наша рыба' говорят также *ни-и:с*, вместо *буда* 'его' — *будä* и *будо* (*буда тап* 'его собаки', *будä и?н* 'его игла', *будо олн* 'его нос')²⁰.

Однако критерий направленности процесса ассимиляции недостаточен для относительной датировки произошедшего изменения. Так, например, наличие прогрессивной ассимиляции на стыке согласных при образовании будущего времени на *-лык* в чулымско-тюркском языке (учитывая единичность этого явления среди тюркских языков) необходимо рассматривать как чулымско-тюркскую инновацию: *па:ррүк* 'он пойдет потом', *ке:лүйк* 'придет', *са:ллык* 'положит', *аишук* 'упадет', *саттук* 'продаст', *ко:ннук* 'проночует', *саклок* 'подождет', *пыишук* 'сварится', *сү:ссук* 'поплывет', *пыүлок* 'завяжет', *суррук* 'спросит', *пе:ррүк* 'даст', *ке:ссүк* 'порежет', *туттук* 'подержит', *аллук* 'возьмет', *е:ишүк* 'послушает', *жеттук* 'дойдет', *ю:ннүк* 'построгает', *суссок* 'черпнет', *е:ннук* 'спустится', *ө:лүйк* 'умрет', *ца:ццук* 'посеет', *ка:ллык* 'останется', *күйлүйк* 'посмеется', *аттук* 'выстрелит', *кө:ррүк* 'посмотрит', *уццук* 'полетит', *а:ссук* 'заблудится', *ө:ссүк* 'расти будет'. В отличие от этого возникновение аналогичной геминации согласных в результате прогрессивной ассимиляции при образовании притяжательной формы 3-го лица в мелетском говоре чулымско-тюркского языка следует отнести к пратюркскому времени, так как это явление отражает древнее чередование **т* ~ *с*, например: *палá:зы* 'его ребенок', но *ө:ччэ* 'его ладонь', *тöссэ* 'его береста', *касэ* 'его кора', *пуссэ* 'его лед', *тиссе* 'его зуб', *түккө* 'его пух', *түлле* 'его язык', *ка:ттэ* 'его жена', *саппэ* 'его черенок', *с'инне* 'его нитка', *иätте* 'его мясо', *чүкко* 'его сера', *кächчэ* 'его ребенок' (буква *ч* везде обозначает палатализованную аффрикату).

В отдаленное дотюркское время переносит нас вопрос об исходном гласном в сингармоничных вариантах аффиксов, например падежных. Чередование *а* ~ *ä* в дательном, местном и исходном падежах и чередование *ы* ~ *и* в родительном и винительном нужно считать уже пратюркским. Но так как все эти аффиксы прослеживаются и в других алтайских

¹⁸ Э. В. Севорган. О содержании термина «общетюркский». — «Советская тюркология», 1971, № 2, стр. 6.

¹⁹ М. Ряснян. Материалы..., стр. 52 и сл.; G. J. Ramstedt. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, I. Helsinki, 1957, стр. 160 и сл.

²⁰ А. П. Дульзон. Кетский язык. Томск, 1968, стр. 34.

языках, то их возникновение можно объяснить, обращаясь только к доалтайскому состоянию. Исходя из отдаленного родства алтайских языков с енисейскими, можно вывести следующие древнейшие архетипы падежных аффиксов: дат. пад. **ka*, местн. **ta*, исх. **тан*, род. **даң*, **диң*, вин. **да*, *ди*²¹.

Особый интерес представляет установление и объяснение возникновения тюркских первичных вокалических долгот. Они сохранились непосредственно в туркменском и якутском языках, а косвенно также в ряде других; подробно и в наглядной системе эти явления описал А. Бишев²². Надо сказать, что этап предварительного описания этого явления нельзя считать законченным; в литературе еще не освещался факт сохранения первичных долгот в тюркских языках Западной Сибири; ср., например, чул.-тюрк. *а:т* 'имя', *е:р* 'муж', *ө:с* 'сам', *jo:n* 'тесать', *са:с* 'болото', *па:ш* 'голова', *ка:с* 'гусь', *у:k* 'чулок', *су:ү* 'вода' *са:n* 'рукоятка', *ча:ч* 'волос', *пу:с* 'лед', *о:t* 'огонь', *а:р* 'пчела', *у:ч* 'конец', *и:с* 'след', *са:t* 'слово', *о:k* 'стрела', *ка:t* 'женщина', *ө:t* 'желчь', *та:ш* 'камень', *о:ч* 'ладонь', *ма:l* 'скот', *а:р* 'тяжело, утомительно', *кү:l* 'зола', *пү:* 'сеть', *кө:k* 'зеленый'.

В большинстве случаев первичная долгота сохраняется также и в двусложных словах, например: *а:үрүчү* 'болезнь', *са:рычү* 'желтый', *а:ра* 'промежуток', *па:лык* 'рыба', *пе:жик* 'зыбка', *мө:рү* 'волк', *ө:дүк* 'сапог', *е:жик* 'дверь', *ја:зук* 'грех', *е:шкәм* 'я слышал', *ка:јын* 'тесть', *са:зычү* 'зловонный', *ти:ричү* 'живой', *а:чук* 'голодный', *ба:рлычүм* 'все, что у меня есть'.

Как правило, первичная долгота сохраняется в притяжательных формах, ср. чул.-тюрк. *палам* 'мое дитя', *едзём* 'моя мать', *кижим* 'мой человек', *үнүм* 'мой голос', *турам* 'мой город', *тилим* 'мой язык', *кужум* 'моя птица', но — *jo:лүм* 'моя дорога', *ја:рим* 'моя земля', *су:үм* 'моя вода', *то:јум* 'мой пир', *а:јым* 'мой месяц', *о:үм* 'моя пуля', *ка:зым* 'мой гусь', *а:дым* 'мое имя', *ка:бым* 'моя коробка'; то же наблюдается в кызыльском диалекте хакасского языка, например: кыз. *палам* 'мое дитя', *шылүым* 'моя лошадь', *хызым* 'моя девочка', *хузум* 'моя птица', *сүдүм* 'мое молоко', *тизим* 'мой зуб', но — *ма:лым* 'мой скот', *ха:дым* 'моя жена', *шо:үым* 'мое слово', *па:зым* 'моя голова', *е:бим* 'мой дом', *та:зым* 'мой камень', *тө:зим* 'моя грудь'. Аналогичные явления (согласно нашим полевым записям) наблюдаются также в кумандинском диалекте алтайского (ойротского) языка, например: кум. *а:дым* 'мое имя'. Дополнительный сбор диалектного материала по тюркским языкам Западной Сибири позволит уточнить список слов, имевших первичные долготы в пратюркском языке.

По вопросу о наличии в монгольских и тунгусских языках соответствия первичным тюркским долготам мнения ученых расходятся. «Первичные долгие согласные, — пишет Н. Поппе, — сохранились как долгие только в немногих языках, например, в якутском, туркменском и в тунгусских языках, в то время как большая часть монгольских языков, за исключением монгорского и дагурского, утратили первоначально имевшиеся долгие гласные»²³. Г. Дёрфер же пишет о прамонгольском: «Исключенных долгих гласных не существовало»²⁴. Исследование этого вопро-

²¹ А. П. Дульзон. Тюркско-кетские параллели в области склонения. — «Советская тюркология», 1971, № 1, стр. 20 и сл.

²² А. Бишев. «Первичные» долгие гласные в тюркских языках. Уфа, 1963.

²³ N. Poppe. Der altaische Sprachtyp. — «Handbuch der Orientalistik», Bd 5. Altaistik, Abschn. 2. Mongolistik. Leiden—Köln, 1964, стр. 1.

²⁴ G. Doerfer. Sprachbau. — Там же, стр. 53.

са²⁵ выявило ряд общих для всех алтайских языков слов, относящихся к пратюркскому времени и связанных между собой закономерными звуковыми соответствиями. Отсюда следует, что исследование происхождения тюркских первичных долгот выходит за рамки общеалтайского времени. Приведем примеры таких слов:

1) пратюрк. *чы:γ 'влажный', туркм. чы:γ, якут. си:к 'сырость', хак. сых, алт. чыкту, койб. шыкты, тат. чык, калм. чиг, чи:гтэ, бур. ши:г, нан. чиек, чув. йёпе; кет. ы:, ы:?, ы:γ 'влажный'; и:, ий, и:?' 'пар, туман';

2) пратюрк. *чи:γ 'незрелый, невареный', туркм. чи:г, хак. чиг, алт. чий, якут. си:кэ:й, чув. чёрё, калм. тў:ке, монг. тўгўкей; кет. ту?, ту:, туγ < *ты?;

3) уйг., чаг. кўл 'зола', тат. кōл, алт. хак. кўл, эвенск. хултэ:н, хулэптэн, кет. ку:л', ку:ол', куγул', ку?, куфъл 'уголь', ку:л'т 'кусочек угля';

4) пратюрк. *ы:с 'след', туркм. ы:δ, якут. (суол) — и:с, чув. йёр, алт., хак. ис, эвенск. уд', эвенк. у:д'а, кет. т-ис-ибет 'заметно, след виден', д-ис'-н-ебет 'мечу это', д-ит-кабсен 'метку сделаю';

5) пратюрк. *ы:с 'запах', туркм. ы:δ, якут. ы:, хак. чыс, уйг., алт. јыт, осм. иј, кет. и:т, иј, и?т, чув. вёр- 'пахнуть'; ср. калм. унр, эвенск. унңэ, эвенк. унңу, нан. пу:н 'запах';

6) пратюрк. *ō:л 'влажный', туркм. hō:l, якут. үөл, хак. өл', алт. үлүш, эвенск. улакча:, эвенк. улакун:, кет. у:л', у:р, у:лр';

7) пратюрк. *ō:н- 'подниматься, расти', туркм. ö:н-, якут. ү:н-, чув. ўс-, чул. ө:с-, хак. өс-, эвенк. ойчидай 'взойти', о:дай 'возникнуть, ауйком-тен', калм. ө:дә:н 'вверх'; кет. он' батак 'покроюсь', оан-табе '(она) высовывается (из норы)', о:т, оот 'накрыт';

8) пратюрк. *јо:н- 'тесать', туркм. јо:н-, якут. суор-, алт. јонор- 'строгать', калм. ө:һин-, кет. онтий 'обстрогать', дон'габет 'строгаю', д'оу, д'о?, доу 'стричь, тесать';

9) пратюрк. *та:ш 'камень', туркм. да:ш, чул. та:ш, та:с, якут. та:с, хак. тас, алт. таш, чув. чул, калм. чолун, монг. чилаγун < *тыла-γун, эвенск. дёл, кор. тол, эвенк., нан. дёло, кот., асс. шиш, кет. ты?с', ты:с', ты:ш', ч'ы?с, имб. чыгс (XVIII в.);

10) туркм. со:л 'левый', калм. солүй:, монг. солугай 'левша', кет. сым. с'ул'гай, с'ул'гей, с'ул'ги 'левый' < с'ул'-га-и (предикативная форма дательного падежа); в имбатских говорах повсюду употребляется в этом значении ту:л', ту:л'га, ту:л'гай;

11) туркм. ду:з 'соль', якут. ту:с, чув. тывар, эвенк. давахун, арин., пумп. тус, чул. тус, хак. тус, калм. давсн, монг. давс(ан), эвенск.так, ту:с, нан. даосон, кет. тв°?, то?, ч'в°һ, т'в°?а 'соль', тотатет, тв°татет 'солить'.

Как видно из приведенных примеров, пратюркским долгим гласным в кетском языке соответствуют долгие же гласные или краткие с гортанным смычным в отступе.

В современном кетском языке гортанный смычный часто выпадает, переходя при этом в г, γ или гласный со сниженным подъемом (нисходящие дифтонги *йе, ёй, ўо, оа*), а возникший вторичный гласный может слиться с основным в один долгий, например: *и?, ие, и:* 'солнце', *иγ-ёт*

²⁵ О долгих гласных в алтайских языках см. N. Poppe. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen, T. I. Wiesbaden, 1960, стр. 91 ff.; Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. М., 1953, стр. 77 и сл.; Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия, стр. 192 и сл.; N. Poppe. Introduction to Mongolian comparative studies, стр. 59 ff.; J. Benzing. Die tungusischen Sprachen. Wiesbaden, 1956, стр. 19 ff.; В. И. Цинциус. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949, стр. 93 и сл.; G. Doerfer. Langvokale im Urmongolischen. — JSFOu, t. 65, стр. 14; t. 70, стр. 1; G. Doerfer. Die Entsprechung der türkischen Langvokale im Tungusischen. — UAJb, 40, H. 1—2, 1968.

'солнца'; ?и?н, ?иен 'игла'; е?т, ейт, е:т 'живой, здоровый'; е?к, ейк, е:к 'двадцать'; кы?т, кьет, кы:т 'лук' (оружие); ?о?, оу, оа, о: 'лист'; дэ?т, дэ?ет, дэ?:т, дегет'кей 'поверх чего'; ду?, дуу, дуо, ду: 'дым'; е?, еу, ея, е: 'железо'. Эта особенность кетского языка позволяет по-новому интерпретировать появление долгих гласных в монгольском. Так, письменный монгольский показывает сочетания Гл.+γ, г, j+Гл. или Гл.+ш+Гл.; например: письм.-монг. *гоша*, халх. *го*: 'красивый, статный', чаг. *коба* 'толстый', тел. *ко* 'прекрасный', койб. *ко*:с 'красивый', бар. *куас*, н.-чул. *куас*, *кувас* 'красивый' <*ко?(с); письм.-монг. *түгүкей* 'незрелый', осм. *дöjерлек* 'незрелая дыня', чаг. *түгелек* 'незрелый арбуз', кет. *ту?*, *туу* 'незрелый'; письм.-монг. *йге-ри* 'гниль', калм. *ö:р*, халх. *ö:-* 'гноиться', кет. *о?*, *ö?* 'пухнуть, гноиться'; письм.-монг. *джегүн*, калм. *зүйн*, осм. *игне*, кет. *и?н*, *йи?н* 'игла'; письм.-монг. *дегере*, ср.-монг. *де?ере*, халх. *де:ре*, калм. *де:р*, кет. *дэ?т*, *дет-кей* 'наверху' <*д-э?т-кей²⁶. Наличие гортанного смычного в отступе гласных указывает на то, что эти слова в доалтайское время произносились с восходящим тоном.

В ряде тюркских языков в некоторых словах наблюдается появление восходящих дифтонгов (*уá*, *йö*, *иé*) в приступе гласных, например: чул. *уат-*, алт. *о:дор-*, туркм. *оврат-*, тат. *шат-* 'разбить'; чул. *кйöрк* 'мех' (кузн.), алт. *кö:рүк*, туркм. *кö:рүк*; чул. *сйöк* 'кость'; тат. *сöйäk*, кирг. *хак. сö:к*; чул. *сиел* 'бородавка', тат. *сöйäl*, хак. *сö:l*; чул. *уак* 'мелкий', хак. *о:х*, тат. *вак*, алт. *о:k*; чул. *сиек* 'комар', хак. *се:k*, туркм. *сиңäk* 'муха'; чул. *йушак*, *йуак* 'речь', хак. *чо:х*; чул. *суák*, *сушак*, алт. *со:k*, кирг. *су:k* 'мороз'²⁷. Это явление могло бы быть объяснено как рефлекс дотюркского нисходящего тона, если бы приведенные слова не возводились к сложным или производным словам. Так, например, *уат-* 'разбить', *уак* 'мелкий' можно вывести из доалтайского *у-а-т- 'разбивать', *у-а-к- 'разламывать-ся'; ср. кет. *у-с-н-ет* 'расколотый', *у-с-тет* 'сломать, разломать', *у-с'-дон* 'изорванный', *у?-н-абок* 'лопнет, растрескается это', *у-с'-н-абен* 'трескается это', *у-л-тадий* 'отключи это' (свет). Корневым элементом является здесь *у* (претеритальная основа *ул*) со значением 'отделять'.

На наличии в доалтайском языке другого тона указывает явление фарингализации гласных в тувинском и тофаларском. Существование на этой территории типичных кетских топонимов (*Тодот*, *Азас*) привело к мысли, что фарингализация гласных в этих языках связана с кетским субстратом. Для установления природы данных звуков в сопоставлении с кетскими в 1965 году нами были опрошены на Тора-Хеме в Тоджинском районе тувинцы Серен Чолдак Хайдыр, Тагбажик Паран Тондупович и Сандык Коккус Ламаевна. Фарингализованные гласные имелись в следующих словах: *ыһт* 'собака', *оһт* 'трава', *чйһк*, *чйүк* 'груз', *тоһт* 'жри', *аһш* 'пища', *пайш* 'варить', *каһш* 'сколько', *коһш* 'зима', *чаһш* 'смирный' (конь), *еһт* 'мясо', *тйй* 'обед', *аһт* 'конь', *каһт* 'ряд', *чаһс* 'дождь', *дöһл* 'осадок'. При артикуляции этих звуков происходит сжатие и опускание гортани²⁸; между гласным и конечным согласным вклинивается краткий переходный звук в виде глухого гласного или *h*. После гласных гортанный смычный не встречается, но перед гласным он факультативно появляется, например: ?ыһт, *ыһт* 'собака', ?аһт, *аһт* 'лошадь', ?ат 'имя', ?еһт, *еһт* 'мясо', ет 'вещь', ?ир 'мужчина'. В тофаларском языке фарингализо-

²⁶ Ср. М. Ряснян. Материалы..., стр. 98 и сл.; N. Poppe. Introduction to mongolian comparative studies, стр. 59.

²⁷ Ср. А. П. Дульзон. Чулымские татары и их язык. — «Ученые записки Томского педагогического института», т. IX. Томск, 1952, стр. 142.

²⁸ Ср. А. Ч. Кунаа. Звуковой состав тесхемского говора тувинского языка. Автореф. канд. дисс. Л., 1958.

ванные гласные встречаются только перед глухими сильными согласными, а в конце гласного слышится придыхание. Вероятно, именно эта особенность артикуляции и послужила основой для объяснения происхождения фарингализации, предложенного В. М. Илличем-Свитычем и А. М. Щербаком (фарингализация возникла «под влиянием сильной аспирации конечных согласных») ²⁹. Фарингализованные гласные по отношению к кратким являются несколько более долгими, что замечается и самими говорящими. Так, определяя разницу между *tǰhi* 'обед' и *tǰsh* 'слезь', информант подчеркнул, что в первом слове *ǰ* — «полтора звука». Фарингализация гласных типа рассмотренной тюркской, при которой артикуляция гласного с начала до конца сопровождается сжатием гортани, в кетском языке отсутствует. В последнем наблюдается частичная фарингализация отступа гласного, за которым следует гортанный смычный, например: *kaʔt* 'парка' произносится *ka^ht*. При отсутствии гортанного смычного (это легко устанавливается на слух или визуально, когда фонационный поток становится видимым, например, при курении) нередко сохраняется частичная фарингализация, особенно у лиц, слабо владеющих кетским языком.

Можно думать, что случаи тюркской фарингализации представляют собой рефлекс енисейского ровного низкого тона. Это подтверждается некоторыми примерами: тоф. *eñu-*, кет. *ыс* 'грести'; тув. *aht*, чул. *at* 'конь', кет. *at-сер* 'олень' (ездовой); тоф. *nahc* 'придави', кет. *ha-t*; тув. *sohk*, чул. *sok* 'бей', уйг. *sok* 'бей, разбивай', кет. *sok-tabet* 'толкать', *sok-tyje* 'пнуть'.

В этой связи важным представляется тот факт, что в халаджском языке обнаружены три количественные ступени гласных: 1) краткие (*hat* 'лошадь', *var* 'иди'), 2) долгие без движения тона (*ba:sh* ~ *ba·sh* 'голова', *ko:n* ~ *ko·n* 'овца'), 3) дифтонгические долгие с движением тона (*a:at* 'имя', *va:ar* 'имеется', *bi:esh* 'пять', *hu:ot* 'огонь') ³⁰. В том случае, когда звук *h* перед гласным не восходит к *n* (*hat* 'лошадь', *hö:ol* 'влажный') ³¹, он представляет собой аспирированный приступ гласного, необходимый для реализации движения тона с низкого на средний или высокий. Касаясь вопроса о возникновении долгих гласных в тюркских языках, Л. Г. Герценберг высказывает предположение о просодическом их происхождении ³². Г. Дёрфер утверждает ³³, что в тюркском праязыке было три просодических единицы — краткий гласный, долгий ровный, долгий с изменением высоты тона, откуда выводится, например, следующее соответствие: пратюрк., халадж. **a*, **a:* = монг., тунг. *a*; пратюрк., халадж. **á* = монг., тунг. *a?a*, *a:*. Г. Дёрфер считает маловероятным наличие в прошлом четырех просодических единиц, например: праалт. *á* (краткая, с повышающимся тоном), праалт. *à* (краткая с понижающимся тоном, в тюркском перешедшая в *a:*), праалт. *á:* (долгая, с повышающимся тоном, которая в тюркском переходит в **a:*; а в монгольском и тунгусском — в *a*) и праалт. *â:* (долгая, с понижающимся тоном, кото-

²⁹ В. И. Рассадин. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, стр. 20—22; В. М. Иллич-Свитыч. Алтайские дентальные. — «Вопросы языкознания», 1963, № 6, стр. 55; А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 47.

³⁰ Г. Дёрфер. О состоянии исследования халаджской группы языков. — «Вопросы языкознания», 1972, № 1, стр. 94.

³¹ G. Doerfer. Das Chaladsch — eine archaische Türksprache in Zentralpersien. — ZDMG, 118, Wiesbaden, 1968, стр. 106.

³² Л. Г. Герценберг. Алтаистика с точки зрения индоевропейца. — В кн.: «Проблема общности алтайских языков», Л., 1971, стр. 44 и сл.

³³ Г. Дёрфер. Проблема родства алтайских языков. — «Вопросы языкознания», 1972, № 3, стр. 57.

рая в тюркском переходит в \acute{a} , в монгольском — $a?a$ и в тунгусском — a . По нашим данным, существование подобной системы просодических единиц возможно, однако установленным можно считать только соответствие: пратюрк. \acute{a} , монг. $a?a$, тунг. a ; восходящее к доалт.-енис. $a?$. Дальнейшие исследования енисейской акцентуации³⁴ и изучение ее рефлексов в алтайских языках помогут уточнить вопрос о природе пратюркских гласных³⁵.

³⁴ Ср.: Г. К. Вернер. Реконструкция слоговых тонов в енисейских языках XIX в. — «Вопросы языкознания», 1972, № 3, стр. 92, а также указанную в этой работе литературу.

³⁵ По методике сравнительно-исторических исследований автором ранее опубликовано: О методологии историко-сопоставительного изучения неродственных языков. — В сб.: «Вопросы языкознания и сибирской диалектологии», вып. 1. Томск, 1966, стр. 78; О приемах определения отдаленного языкового родства. — В кн.: «Проблема происхождения аборигенов Сибири и их языков». Томск, 1969, стр. 5; Некоторые вопросы методики реконструкции общетюркской системы звуков. — «Советская тюркология», 1971, № 2, стр. 17; Языковое родство и его констатация. — «Ученые записки Томского университета» (в печати). По общим вопросам методики реконструкций ср.: Г. А. Климов. Вопросы методики сравнительно-генетических исследований, Л., 1971 и указанную там литературу.

ПУБЛИКАЦИИ

А. Н. САМОЙЛОВИЧ

ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МУСУЛЬМАНСКО-ТУРЕЦКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ В СВЯЗИ С РАЗГОВОРНЫМИ НАРЕЧИЯМИ

Текст публикуемой статьи Александра Николаевича Самойловича хранится в его фонде в Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (г. Ленинград) — фонд 671, ед. хр. 126. Текст переписан набею автором на 22-листах небольшого формата, на титульном листе авторской рукой помечено: Петроград, 1918.

Статья А. Н. Самойловича отражает отношение автора к известной классификации древнетюркских языков и диалектов В. В. Радлова. Признавая ее значение для тюркологии, А. Н. Самойлович приводит и свои критические положения, в которых вполне раскрывается смысл его известного высказывания: «...группировка турецких языков в домонгольский период была более сложной, чем та, которую намечал В. В. Радлов во второй редакции своей классификации» (А. Н. Самойлович. Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Пг., 1922, стр. 7). Ученый прямо указывает, что в домонгольское время существовали в обширном регионе многие тюркские языки и диалекты, в том числе, возможно, и литературные, помимо отраженных в орхон-енисейских памятниках. Таким образом, А. Н. Самойлович стоял на той точке зрения, что язык орхон-енисейских памятников следует рассматривать только как один из дошедших до нас древних тюркских языков, лишь как некий фрагмент общей эволюции этих языков.

Статья показывает далее, как представлял себе А. Н. Самойлович связь древнейших литературных языков со средне- и малоазиатскими языками «мусульманской эпохи», при этом им особенно подчеркивалось значение смешения огузско-уйгурских диалектов. Автор отмечает сложность и неясность этнической картины в период формирования этих языков, что еще более затрудняет установление диалектной основы последних. Между тем нельзя не отметить, что А. Н. Самойлович несколько преувеличивает роль «механического» смешения в истории тюркских языков, иногда подменяя им «органическое развитие» этих языков.

В статье высказываются также интересные мысли о роли языков тех или иных древних племенных объединений в формировании литературных языков древней и последующих эпох. В этом сложном и спорном вопросе А. Н. Самойлович уже в то время пришел к выводу о существовании по крайней мере двух групп древнеогузских диалектов, ряда уйгурских диалектов и близких к последним кыпчакских.

При подготовке статьи к изданию нами были расшифрованы некоторые авторские сокращения, проверены и уточнены библиографические сведения, сделаны отдельные примечания и пояснения; все наши дополнения заключены в квадратные скобки, а примечания, кроме того, сопровождаются звездочкой (*); слова, набранные в тексте курсивом и полужирным шрифтом, выделены самим автором.

Д. М. Насилов

1. Домонгольский период

Данные современной тюркологии приводят исследователей путем сопоставления существующих живых и письменных турецких наречий и языков с древними к выводу, что турецкая языковая семья отличается чрезвычайной консервативностью. На протяжении известной нам тыся-

четлетней истории этой семьи изменения в языках и наречиях происходили преимущественно посредством механического смешения, а не органического развития. Как на исключение указывают на якутский язык¹. В литературе отмечено первенствующее значение образования в XIII в. монгольской империи как события, резко изменившего этнографическую карту турецкого мира и тем способствовавшего постепенному возникновению новых языков и наречий через перемещения и смешения старых².

Акад. В. В. Радлов попытался установить на основании домонгольской турецкой письменности, представленной енисейско-орхонскими и уйгурскими памятниками, группировку восточных старотурецких диалектов и пришел к следующим положениям³.

Пользуясь китайскими известиями о тождестве языков гуннского и каокюйского, акад. В. В. Радлов высказывает предположение, что еще в гуннскую эпоху на восточной окраине расселения турецких племен образовался *уйгурский* язык (*uigurische Sprache*)⁴. В результате объединения группы турецких племен во главе с тölесами и тардушами в царство «турков» (в исходном, узком, *племенном* значении этого слова) VI—VIII вв. выработался, далее, «севернотурецкий» диалект, нашедший отражение в енисейско-орхонской письменности⁵. В основе своей «турецкий» (в племенном опять же значении этого слова) названный диалект, или язык (*der alte Norddialekt, die Sprache des Türk-Sir-Volkes*), подвергся незначительному влиянию со стороны уйгуров, живших к северу и главным образом к югу от «турков». Язык народа *уйгуров*, к племенному составу которого акад. В. В. Радлов причисляет басмылов, байурку и карлуков, или «южнотурецкий» диалект (*der alte Süddialekt, die uigurische Sprache*), нашел отражение в части памятников уйгурской письменности приблизительно VIII—XIV вв.⁶ Наряду с двумя основными восточными старотурецкими диалектами, или языками, акад. В. В. Радлов устанавливает еще группу смешанных диалектов (*die Mischdialekte*): западный (*der Westdialekt, die Sprache des westlichen Türk-Volkes*) и восточный (*der Ostdialekt, die buddhistische Literatursprache*)⁷. В первом преобладают «севернотурецкие» черты, во втором — «южнотурецкие»⁸.

К памятникам на западном смешанном диалекте акад. В. В. Радлов относит «Хуастанифт»⁹ («Покаянную молитву манихейцев»), прочие манихейско-уйгурские памятники и «Кутадгу билиг» по каирскому списку. Исследователь полагает, что этот смешанный диалект принадлежал «западным туркам» (опять-таки в узком племенном значении этого термина, т. е. западным Tu-kiü).

¹ W. Radloff. *Altürkische Studien. V. Die altürkische Dialekte.* — «Известия Академии наук», VI сер., 1911, № 6, стр. 427, 449—451 [*Далее — AtSt. V]. Иначе у Вамбери (см.: H. Vámbéry. *Uigurische Sprachmonumente und das Kudatku Bilik.* Innsbruck, 1870, стр. 10, 37) — возведение всех наречий к уйгурскому.

² W. Radloff. *Altürkische Studien. IV.* — «Известия Академии наук», VI сер., 1911, № 5, стр. 306 [*Далее — AtSt. IV].

³ AtSt. IV, стр. 305—326; AtSt. V, стр. 427—452.

⁴ AtSt. IV, стр. 308, 314.

⁵ Там же, стр. 309, 314; AtSt. V, стр. 430.

⁶ AtSt. IV, стр. 311; AtSt. V, стр. 436.

⁷ AtSt. IV, стр. 314; AtSt. V, стр. 442—443.

⁸ Зап[адный] смеш[анный] диалект характеризуется недостаточно; не упомянута, например, приставка *-fy* (см.: W. Radloff. *Chuastuanit, das Bussgebet der Manichäer.* St.-Pbg., 1909, стр. 26).

⁹ [*Точнее — *Xuästvānifit*].

Наконец, в диалектах старотурецких племен вроде кара-тюргешей, курдан¹⁰ и агачери, не оставивших по себе литературных памятников, акад. В. В. Радлов склонен видеть вероятных предков тех современных турецких диалектов, которые не восходят к первым четырем: сев[ерно]-турецкому, южнотурецкому, западному смешанному и восточному смешанному. Этих бесписьменных древних турков исследователь объединяет под названием «северно-западные».

Исследование языка старотурецких памятников мусульманской эпохи, как, прежде всего, среднеазиатских, так, затем, и переднеазиатских, привело меня к вопросу о живых диалектах того периода развития турецкого языка, который акад. В. В. Радлов называет «вторым», или «среднетурецким», и про который он говорит: «Для второго периода развития тюркских языков (с XIII—XIV вв.) мы располагаем столь обширным языковым материалом, что его обработка представляет собой немалую трудность. Только после систематического изучения среднетюркских языков появится возможность проникнуть в понимание формирования диалектов современных тюркских языков»¹¹.

Уже поверхностное только ознакомление со старотурецкими литературными памятниками мусульманской эпохи убеждает исследователя в том, что ко времени монгольского нашествия в Средней Азии, Персии, Малой Азии и Египте существовали диалекты, которые нельзя уместить в установленной акад. В. В. Радловым группе; последнюю, таким образом, приходится пересмотреть и дополнить, как это предусматривалось и самим автором¹². Но предварительно я считаю необходимым для большей ясности в терминологии предложить противопоставлять названию «уйгуры», обозначающему «южных турок» [Восточной] Азии в домонгольскую эпоху, не «турков» (в узком племенном значении этого слова), а «огузов» в качестве названия «северных турок» той же эпохи, тем более что именно эти турки, в частности западная их часть, именовалась у арабов «гузами», а у европейцев «узами». Затем я предложил бы четыре устанавливаемых акад. В. В. Радловым восточных старотурецких диалекта, или языка, называть не диалектами, а языками.

Ряд мусульманско-турецких памятников, датированных XIII и XIV веками, решительно подтверждает мнение акад. Ф. Е. Корша о том, что деление огузских (по моей терминологии) диалектов на две группы, хотя бы по фонетическому признаку наличности или отсутствия звуков *ʃ*, *z* прежде всего после согласных, «восходит, очевидно, к очень отдаленным временам»¹³. Различие в приставках дательного падежа *-ға* и *-а*, *-лы*||*-лығ* дает основание устанавливать восточную и западную группы огузских диалектов, как различия в приставках родит[ельного] падежа *-ның* и *-ың*, исходного падежа *-дын* и *-да*, наряду с другими признаками, оправдывают установление отдельных языков: огузского и уйгурского. Если в образовании «западного смешанного» языка, устанавливаемого акад. В. В. Радловым, и принимали участие западные огузы (Tu-kiü), то во всяком случае не та их часть, к которой восходят современные туркмены и османцы и которая в XI в. под знаменами сельджукидов двинулась с низовьев Сыр-Дарьи в Хоросан и далее. Отмеченная особенность запад-

¹⁰ [*В памятнике Тоньюкуку *курдан* — следует читать *кордан* — не племенное наименование, а транскрипция названия для Хотана (см.: G. Clauson. Some Notes on the Inscription of Toñuquq. — «Studia Turcica». Budapest, 1971, стр. 127—128)].

¹¹ AtSt. V, стр. 452. [*Перевод наш].

¹² Там же, стр. 449—450.

¹³ Ф. Е. Корш. Классификация турецких племен по языкам. — «Этнографическое обозрение», кн. 84-85, № 1-2. М., 1910, стр. 121—122

ногузских диалектов, несомненно, была им присуща еще в домонгольскую эпоху, и этот один факт, не говоря о других, должен усложнить группировку диалектов, предложенную акад. В. В. Радловым.

Далее, памятники XIII и XIV вв. *кыпчакского* языка, во многом близкого к уйгурскому¹⁴, сохранили до нас языковые факты, имевшие тоже, несомненно, место в домонгольскую эпоху и опять же не предусмотренные группировкою диалектов акад. В. В. Радлова. Сошлюсь на весьма важное фонетическое обстоятельство: соответствие кыпчакского *j* звуку *ɖ* всех четырех языков группы, устанавливаемое «Турецкими этюдами» в словах, как *a|jak||ada|k* 'нога'; это соответствие касается, как я упоминал, и западногузских диалектов¹⁵.

Отмеченные в моих дополнениях признаки не принадлежат к категории тех, из-за которых акад. В. В. Радлов установил особую северо-западную группу¹⁶.

Вообще мне представляется, что пример единого казак-киргизского¹⁷ языка не достаточен для заключения о слиянии группы диалектов в единый язык и в восточной части царства гуннов, и в царстве огузском¹⁸; там этого могло и не быть. Западногузские же диалекты во всяком случае в один язык не сливались, как это определенно явствует из ранних литературных памятников мусульманской эпохи, на языке которых последствия монгольского нашествия не могли еще успеть отразиться в достаточно значительной мере. В отличие от акад. В. В. Радлова акад. Ф. Е. Корш объединяет в одну «восточную» группу «языки преимущественно мертвые»: «орхонский», уйгурский, чагатайский и половецкий. Когда речь идет о домонгольской эпохе, язык «чагатайский», как еще тогда не существовавший, естественно, устраняется. Доводы акад. В. В. Радлова в пользу разделения языков огузского (по моей терминологии) и уйгурского¹⁹ не оправдывают включение их в одну группу, в которой, следовательно, для домонгольской эпохи остаются уйгурский и половецкий, т. е. кыпчакский. Мне представляется, что помимо «северно-западной» группы акад. В. В. Радлова, которой я вовсе в настоящей статье не касаюсь, намечаются для домонгольского периода две **основных** группы турецких диалектов: *огузская* и *уйгурская*. Каждая из них распадается на две подгруппы; *огузская* — на *восточноогузскую* и *западноогузскую*; *уйгурская* — на *восточноуйгурскую* и *западноуйгурскую* (или *кыпчакскую*). Настоящая схема, несомненно, только еще предварительная, дает

¹⁴ [*Далее следует зачеркнутый автором текст: «...в виде памятников: арабско-турецкого глоссария, изданного Хоутсма, грамматики Абу-Хаяна, обработанной Бува, романа египетских кыпчаков «Хусров и Ширин» и известного куманского Кодекса»].

¹⁵ [*Данное замечание о соответствии «кыпчакского *j* звуку *ɖ* всех четырех языков...», а также отдельные черновые записи в архивных материалах дают основание предполагать, что А. Н. Самойлович считал соответствие *j||ɖ* в середине слова очень древним (если не исконным, при *-j-* для кыпчакских диалектов — ?) для тюркских языков, то есть не представлял его как исторически последовательный процесс замещения более древнего *ɖ* более новым *j* (см., например, его «Турецкие этюды». — Рукописный отдел ГПБ, ф. 671, ед. хр. 100, л. 841, 843—844)].

¹⁶ AtSt. V, стр. 450.

¹⁷ [*казахского].

¹⁸ AtSt. IV, стр. 310—311, 314. [*А. Н. Самойлович имеет в виду аналогию, проводимую В. В. Радловым между языковой картиной в «кочевой империи гуннов» и в современном ему казахском языке, где диалектные различия, по мнению Радлова, выражены весьма слабо. Ср.: С. К. Кенесбаев, А. Т. Кайдаров. Казахское языкознание за 50 лет. — «Вопросы языкознания», 1973, № 1, стр. 102—103; Ш. Сарыбаев. Диалектологический атлас казахского языка. — «Советская тюркология», 1972, № 3, стр. 85—92; С. Аманжолов. Вопросы диалектологии и истории казахского языка, ч. 1. Алма-Ата, 1959].

¹⁹ AtSt. V, стр. 431, 438, 440 — *б||м, -ыц||-ныц* (ср. также: W. Radloff. Chuastruanit, стр. III, прим. 1).

не полное, а значительно упрощенное представление о действительном положении живых турецких диалектов в домонгольскую эпоху и в начале монгольского владычества в той части тогдашнего турецкого мира, в которой существовала письменность и от которой сохранились языковые материалы, записанные посторонними наблюдателями. К основным группам и подгруппам необходимо присоединить, как это отчасти уже сделано акад. В. В. Радловым, дополнительную группу смешанных языков и наречий. Акад. Ф. Е. Корш упоминает уже (указ. соч., стр. 118) о том, что нам пока вовсе ничего не известно о том, на каких диалектах говорили принимавшие участие в исторической жизни Средней Азии такие турецкие племена, как канглы, карлуки, прибавим еще чигилей²⁰. Богатство диалектических оттенков в старотурецком литературном языке мусульманской эпохи в памятниках XIII—XIV вв. нельзя не относить отчасти и на счет подобных, неизвестных нам в отношении языка племен, причем, однако, надо иметь в виду и то, что древнейшие, по-видимому, из турецких племен, продвинувшихся на запад, канглы были в родстве с кыпчаками, что, с другой стороны, часть канглов смешалась в XII в. с карлуками²¹.

Из литературных языков домонгольского периода, которые характеризовал акад. В. В. Радлов, особо важное значение для исследователя литературных языков последующих периодов общетурецкой жизни имеет смешанный западный, а из групп живых диалектов, намеченных мною, — две: западногузская и кыпчакская. Отсутствие сведений о диалектах карлуков тем ощутительнее, что племя это в начале мусульманской эпохи являлось среди прочих степных турков наиболее культурным²², почему можно полагать, что из него именно вышли первые мусульманско-турецкие писатели. Если бы удалось доказать, что автор «Кутадгу билиг» (XI в.) Юсуф был родом карлук (несмотря на то, что город Баласагун, из которого он происходил, еще в 940 г. был отнят у карлуков какими-то языческими турками), то мы располагали бы некоторыми сведениями по этому диалекту²³.

II. О языке старотурецкой литературы мусульманской эпохи

Богатый языковой материал, о котором говорил акад. В. В. Радлов, намечая исследование второго, «среднетурецкого» периода, относится к позднему времени, к XIV—XV и особенно к XVI вв., предшествующие же им века мусульманской эпохи турецкой литературы до крайности бедны памятниками, причем и дошедшие до нас немногочисленные памятники сохранились только в более или менее новых копиях и представляют немало затруднений для критического их изучения.

²⁰ Это название применительно к городу упоминается, между прочим, в одной манихейско-турецкой рукописи (см.: *W. Radloff. Alttürkische Studien. VI.* — «Известия Академии наук», VI сер., 1912, № 12, стр. 768—771).

²¹ См.: *В. В. Бартольд* [Рец.:] Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности («Живая старина», вып. III—IV, 1896). — ЗВОРАО, т. XI, стр. 347—348, 353 [*или: *его же*. Сочинения, т. V. М., 1968, стр. 272, 276].

²² См.: *В. В. Бартольд*. Очерк истории Семиречья. Верный, 1898, стр. 19 (отд. оттиск) [*или: *его же*. Сочинения, т. II, ч. 1. М., 1963, стр. 39—40].

²³ [*Автором зачеркнута следующая сноска: «Не на этом ли диалекте написан Хуастунифт? (ср.: *W. Radloff. Chuast.*, стр. IV). Передовая ветвь карлуков еще в начале VIII столетия достигла берегов Аму-Дарьи (см.: *В. В. Бартольд*. Очерк истории Семиречья, стр. 15)» (*или: *его же*. Сочинения, т. II, ч. 1, стр. 21). О состоянии данной проблемы в настоящее время см.: *С. Г. Кляшторный*. Эпоха «Кутадгу билиг». — «Советская тюркология», 1970, № 4, стр. 82 и сл.; *его же*. Эпоха Махмуда Кашгарского. — Там же, 1972, № 1, стр. 18 и сл.].

Я не вижу оснований дробить литературные памятники XIII—XIV вв., за исключен[ием] некоторых малоазиатских, на резко разграниченные основные группы, так как при скудности материалов вместо групп получились бы часто разрозненные единичные представители намечаемых делений и так как, главное, в первые века мусульманской эпохи турецкая литература от Кашгара до Египта в действительности представляла собою нечто в основе своей единое, при одновременной наличности таких особенностей, которые позволяют ограничиться установлением второстепенных по группе²⁴.

Древнейшая турецкая литература мусульманской эпохи совершенно определено связана с турецкой литературой предшествующей эпохи и именно с той ее частью, в которую входят памятники преимущественно манихейские на смешанном западном языке (по терминологии акад. В. В. Радлова) и один памятник мусульманский, первый из нам известных (XI в.) — «Кутадгу билиг». Смешанный западный литературный язык был собственно, если придерживаться моей терминологии, **огузско-уйгурским**. В мусульманскую эпоху этот язык стал еще более смешанным, усвоив себе в различных размерах прежде всего языковые элементы *западноогузских* наречий, а затем и некоторых других.

²⁴ [*См. дальнейшее развитие этих идей в статье: А. Н. Самойлович. К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка. — В кн.: «Мир-Али-Шир». Л., 1928].

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

А. МЕМЕТОВ

НЕКОТОРЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ГЛАСНЫХ ЗВУКОВ В ПЕРСИДСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В КРЫМСКО-ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В лексике крымско-татарского языка значительное место занимают заимствования из русского, арабского, персидского, греческого и других языков.

Как известно, заимствуясь, слова претерпевают изменения (семантические, фонетические, морфологические и пр.). В данной статье делается попытка привести в определенную систему многочисленные случаи изменений гласных звуков в заимствованных крымско-татарским языком персидских словах.

Гласный \bar{a} . Персидский звук \bar{a} является гласным заднего ряда, нижнего подъема, несколько огубленным, долгим¹. Этот звук не имеет эквивалента в крымско-татарском языке. Он акустически близок узбекскому заднерядному *o*, получившему широкое распространение в литературном узбекском языке и встречающемуся во многих диалектах этого языка².

В словах, заимствованных из персидского языка, звук \bar{a} в определенных фонетических позициях может заменяться:

1) в большинстве случаев в начале, середине и в конце слов крымско-татарским заднерядным неогубленным звуком *a*: **أواز** *āvāz* 'голос' > *avaz*, **آبادان** *ābādān* 'благоустроенный' > *abadan*, **آزاد** *āzād* 'свободный, вольный' > *azat*, **کبار** *kenār* 'берег, край' > *kenar*, **نار** *nār* 'гранат' > *nar*, **جام** *zām* 'чаша, кубок, стекло' > *zam* 'стекло', **پیدا** *pejdā* 'видимый, заметный' > *pejda*, **پروا** *parvā* 'страх, опасение' > *perva*;

2) заднерядным огубленным звуком *o*: **زار** *zār* 'плачевный, печальный' > *zor*, **خوار** *xār* 'униженный, оскорбленный' > *xog*;

3) крымско-татарским переднерядным звуком *e* только в середине заимствованных слов: **بادام** *bādām* 'миндаль' > *badem*, **داستان** *dāstān* 'повесть, рассказ' > *destan*, **سرسام** *sarsām* 'бред, горячка' > *sersen*;

¹ См.: И. К. Овчинникова. Учебник персидского языка. М., 1956, стр. 20; В. С. Распоргуева. Краткий очерк грамматики персидского языка. — «Персидско-русский словарь». М., 1960, стр. 617; Ю. А. Рубинчик. Грамматический очерк персидского языка. — «Персидско-русский словарь». М., 1970, стр. 794.

² См.: В. В. Решетов. Основы фонетики и грамматики узбекского языка. Ташкент, 1965, стр. 29, 33; В. В. Решетов, Ш. Шоабдурахманов. Ўзбек диалектологияси. Тошкент, 1962, стр. 129—131.

4) иногда переднеязычным узким *i*, например в слове پیشدامن
pišdāman 'передник, фартук' > pištimal.

Гласный а. Персидский звук *a* — гласный среднего ряда, среднего подъема, неогубленный, неустойчивый³.

В составе заимствованных слов этот звук может заменяться:

1) в большинстве случаев крымско-татарским звуком *e*, например: برابر bagābar 'равный, одинаковый' > beraber 'вместе', دیگر digar 'другой' > diger, دستور dastur 'указание, правила' > destur, کمانه kamāne 'обод, оправа, смычок' > kemapne 'скрипка', اگر agar 'если' > eger || лит.-орф. эгер, ازبر azbar 'наизусть' > ezber || лит.-орф. эзбер, اژدر aždar 'дракон' > ežder || лит.-орф. эждер;

2) переднерядным *i* в начале и середине слов: ابریشم abrišam 'шелк' > ibrišim, انجیر anžir 'инжир' > inžir, جوان žavān 'молодой' > živan, جهان žahān 'мир, вселенная' > žian, چمن čaman 'луг, лужайка' > čimen;

3) заднерядным *y* в середине слов: زانجیر zanžir 'цепь' > zunžyr, تراش tarāš 'бритье' > tyraš, خشم xāšm 'гнев, ярость' > хуšum;

4) иногда заднерядным *u*, например в слове نمونه numūne 'образец, пример' > numūne.

Гласный и. В персидском языке звук *i* — гласный заднего ряда, верхнего подъема, огубленный, устойчивый. В определенных фонетических условиях персидский звук *i* может быть заменен:

1) крымско-татарским звуком *y* во втором слоге слов: جادو žādu 'колдун, чародей' > žady, تربوز tarbuz 'арбуз' > qarpyuz. Замена персидского *i* крымско-татарским *y* во втором слог объясняется тем, что по мере удаления от начала слова звук *i* в крымско-татарском языке редуцируется и произносится как *y*. Ср. произношение звука *i* в словах: *buz* 'лед', *quš* 'птица' и *buḡup* 'нос', *qaru* 'дверь';

2) переднерядным *i* в третьем слоге после палатализованного *i*: شفتالو šaftālu 'персик' > šeftali, زردآلو zardālu 'абрикос' > zerdali;

3) переднерядным *ü* в середине заимствованных слов: چونکه čünke 'потому что' > čünki, نمونه numūne 'образец, пример' > numūne;

4) заднерядным *o*: گوشه guše 'угол' > koše, دوست dust 'друг, приятель' > dost;

5) в редких случаях звуками *a* и *ö*, например в словах: خروس xoḡus 'петух' > xoḡaz, چوب čub 'бревно' > čör 'щепка'.

Гласный о. Персидский звук *o* является гласным заднего ряда, среднего подъема, огубленным, кратким.

В заимствованных из персидского языка словах этот звук может заменяться:

³ См.: Ш. Г. Гаприндашвили и Дж. Ш. Гиунашвили. Фонетика персидского языка. Тбилиси, 1964, стр. 18, 45.

- 1) крымско-татарским более открытым (широким) звуком *o*:
 بستان bostān 'сад, огород' > bostan, خروس hogus 'петух' > hogaz;
 2) заднеязычным узким *u* в начале и в середине слов: استاد ostād
 'учитель' > usta, هنر honar 'искусство' > uher, دشمن došman 'враг' >
 dušman, دچار dočār 'подвергшийся, застигнутый' > dučar;
 3) в определенных фонетических позициях — звуками *i, y, ü*: جفت
 žoft 'пара, чета' > čift, نازك nāzok 'нежный, хрупкий' > nazik, آخور āxor
 'ясли, кормушка' > axur, چادر čador 'палатка' > čadyr, چغندر čöyön-
 dar 'свекла' > čukündir и т.п.

Замена персидского *o* во вторых и в третьих слогах заимствованных слов объясняется тем, что в крымско-татарском языке, так же как и в узбекском⁴, звук *o* встречается за небольшим исключением лишь в первом слоге простых слов. Такое позиционное ограничение звука *o* наблюдается в большинстве тюркских языков, ср.: азерб. gol, тур. kol, ног. qol 'рука (до плеча)'; азерб., ног., тур. on 'десять'⁵.

Гласный *i*. В персидском языке звук *i* — гласный переднего ряда, верхнего подъема, неогубленный, устойчивый.

В составе заимствованных персидских слов звук *i* может быть заменен:

- 1) крымско-татарским узким *i*: ویران vīrān 'разрушенный' > vīran, زمین zamīn 'земля' > zemīn;
 2) переднерядным *e*: دیو div 'див, демон' > dev, پیشین pišīn 'передний' > rešīn 'заранее';
 3) заднерядным *y*: شیرین šīrīn 'сладкий' > šyruyn, میخ mix 'гвоздь' > тух, نارین nārīn 'нежный' > paɾuyn;
 4) наблюдаются случаи полного выпадения звука *i* в заимствованных словах; например, پشیمان pašīmān 'сожалеющий', پریشان pa-rišān 'рассеянный' в крымско-татарском языке произносятся как rešman и peršān.

Гласный *e*. Персидский звук *e* является гласным переднего ряда, среднего подъема, неогубленным, кратким⁶.

В заимствованных словах звук *e* передается через:

- 1) крымско-татарское *e* в конце слов: پنجره pañžare 'окно' > pen-žere, خانه xāne 'дом' > xane, پرده parde 'занавеска' > perde, کیسه kise 'мешок, кiset' > kise;
 2) переднерядный *i*: جگر žegar 'печень' > žiger, چلنگر čelengar 'слесарь' > cilengir, گلستان goleštān 'цветник, сад' > gulistan. Замену гласного *e* звуком *i* можно объяснить тем, что в крымско-татарском язы-

⁴ Подробнее о звуке *ü* в узбекском языке см.: М. Мирзаев, С. Усманов, И. Расулов. Узбек тили. Тошкент, 1970, стр. 60.

⁵ См.: Э. В. Севортян. Фонетические типы гласных в тюркских языках. — В кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. I. Фонетика. М., 1955, стр. 24.

⁶ И. К. Овчинникова. Указ. раб., стр. 24; В. С. Расторгуева. Указ. раб., стр. 616.

ке звук *e* имеет много позиционных вариантов. Самый узкий вариант этого звука наблюдается между двумя глухими согласными, где он по звучанию приближается к *i*, например: *kitmek* || лит.-орф. *кетмек* 'уходить'. Чередование *e* и *i* академик В. В. Радлов отметил в половецком (куманском) языке и отнес этот процесс к XIV в.

3) заднерядный *a*: پارچه *rāgče* 'материя, кусок' > *pağça*, پنجه *paņže* 'кисть руки, пятерня' > *paņža*, باغچه *bāgče* 'садик, клумба' > *bağça*;

4) отмечаются случаи замены персидского *e* крымско-татарскими *y* и *ï*, например, в словах: چراغ *čegāy* 'лампа' > *čugaq*, دلبار *delbār* 'возлюбленный' > *dülber* 'красивый'.

Таким образом, персидским гласным в заимствованиях соответствуют следующие гласные звуки крымско-татарского языка:

$\bar{a} > a, e, o, i;$
 $u > u, y, i, e, \ddot{u}, a, \ddot{o}, o;$
 $a > a, e, i, y, u;$
 $e > e, a, i, y, \ddot{u};$
 $i > i, y, e, u;$
 $o > o, i, u, \ddot{u}, y.$

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

А. Е. МАРТЫНЦЕВ

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНАЯ РИФМА В ГАЗЕЛЯХ ЮНУСА ЭМРЕ

В тюркологической литературе рифму рассматривают преимущественно в фонологическом плане¹. Под влиянием положений европейской поэтики при анализе рифмы пользуются терминами: «точная», «приблизительная», «глубокая» и т. д. Это оправдано в тех случаях, когда речь идет, например, о нарушениях классических правил рифмовки² или при определении основных звуковых типов рифмы³. Но традиционная терминология не является достаточно универсальной для отражения некоторых специфических особенностей тюркской рифмы и в ряде случаев, по-видимому, нуждается в определенных уточнениях.

Представленные ниже наблюдения над основными звуковыми типами рифмы в поэзии Юнуса Эмре излагаются также в традиционном плане, однако степень актуальности терминов в отношении конкретного материала специально оговаривается.

Рифмы в звуковом отношении рассматриваются обычно в двух планах: по степени тождества звуков, образующих рифму, то есть по «точности», и по количеству совпадающих звуков, то есть по «глубине». Ниже рифма рассматривается только в плане «точности».

Газели, в которых в качестве рифмы использованы абсолютно тождественные в звуковом отношении окончания, составляют около двадцати процентов от общего числа⁴. Иначе говоря, в большинстве случаев точность созвучий нарушается, причем главным образом в области вокализма. Чаще всего рифма объединяет гласные:

а — е:

XXVII	<i>Haber — var — eser — bazar</i>
XXXVIII	<i>adarlar — giderler — tuyar — söyler</i>
XXXIII	<i>düzer — bazar</i>
XLI	<i>kebab — sebeb — harab</i>
XLVI	<i>isret — sıvat</i>
LII	<i>havaledür — beladur</i>
LIII	<i>yahandadur — yúzindedür</i>

¹ И. В. Стеблева. Развитие тюркских поэтических форм в XI в. М., 1971, стр. 72—94; St. Rymkiewicz. Die Entwicklung des Reims in der Türkischen Kunstliteratur. — «Rocznik Orientalistyczny», t. XXVII. Warszawa, 1963, стр. 45—101.

² И. В. Стеблева. Поэтика «Кутадгу билиг». — «Советская тюркология», 1970, № 4, стр. 98.

³ М. Хамраев. Очерки теории тюркского стиха. Алма-Ата, 1969, стр. 154—165.

⁴ В настоящей заметке использован «Диван», изданный А. Гельпынарлы (*Abdülbâki Gölpınarlı. Yunus Emre. Risâlat al-Nushiyya ve Divân. Istanbul, 1965*). Римскими цифрами обозначены номера газелей. Транскрипция издания сохранена без изменений.

i — i:

XL	<i>goresim — veresim — kulasım</i>
XXVII	<i>vir — sır — dir</i>
XXXV	<i>buldı — geldi — aldı</i>
XXV	<i>kuvvetidür — maslahatıdur</i>
XXII	<i>mali — eli — yolu — muhali — yılı</i>
XVI	<i>menzilidür — yolıdur</i>

i — u:

LX	<i>düz — deniz — kopuz</i>
XLIX	<i>tezoir — mazur</i>
XLIII	<i>sulu — yeli — deli — ulu</i>
XXXIV	<i>layikdur — taallukdur</i>
CV	<i>sürüb — garib</i>

u — ü:

IX	<i>utdun — etdün</i>
XXIII	<i>haberüm — yarum</i>
XXIX	<i>kandadur — turbendür</i>
СIII	<i>cansuz — sensüz.</i>

Объединение рифмой других гласных происходит гораздо реже:

u — e:	CLXI	<i>kusur — gönüller</i>
ü — a:	XIII	<i>düpdüz — az</i>
a — u:	XXXVIII	<i>azar — ur — durur</i>
o — u:	CXII	<i>hoş — nuş; ayruk — tok.</i>

Приведенные случаи рифмовки, видимо, можно классифицировать как консонанс.

Таким образом, приблизительная рифма связана с объединением в рифмовые сочетания гласных звуков, близких по способу образования. К приблизительной по вокализму рифме можно отнести также ассонанс, употребляющийся, однако, лишь эпизодически, например:

II *heva — vefa — beha — seve — yola.*

Относительно причин частого употребления приблизительной рифмы существуют два мнения. И. В. Стеблева, говоря о ранних образцах письменной тюркоязычной поэзии, указывает, что неточность в области гласных скрывалась арабской графикой, в связи с чем при подборе рифмы предпочтение отдавалось тождеству согласных звуков⁵. Замечание И. В. Стеблевой представляется не совсем убедительным, ибо в организации классического стиха важную роль играло скандирование, то есть графический принцип не преобладал полностью над акустическим.

Известна также точка зрения В. М. Жирмунского, который, рассматривая народный тюркоязычный стих, высказал предположение, что рифма, связанная с синтаксическим параллелизмом в соответствии с особенностями тюркских языков, «может объединять фонетически (и фонологически) разные гласные, связанные между собой сингармоническими отношениями»⁶.

Приведенные соображения хотелось бы дополнить, не обращая к языковым или графическим особенностям тюркского стиха. Известно,

⁵ И. В. Стеблева. Развитие тюркских поэтических форм в XI в., стр. 77.

⁶ В. М. Жирмунский. О некоторых проблемах теории тюркского народного стиха. — «Тюркологический сборник». М., 1970, стр. 42.

что рифма определенным образом соотносится с ритмической структурой в плане канонизации — деканонизации⁷: ослабление структурных связей внутри стиха вызывает дополнительные запреты на использование понятия точной рифмы. Видимо, возможна также обратная связь. Появление в тюркской поэзии регулярной конечной рифмы сопровождалось более четкой ритмической организацией стиха, структура которого характеризовалась высокой степенью каноничности: количественная симметричность стоп и скандирование в классической поэзии, строгое чередование слоговых групп и словоразделов в народной поэзии. Правда, в последней иногда наблюдаются значительные нарушения в области формальных признаков ритма, но, по-видимому, они компенсировались при музыкальном исполнении, поскольку, по словам В. Я. Проппа, в народной поэзии напев «доминирует не только над ритмом, который часто нерегулярен, но и над словом и над словесной фразой»⁸. Учитывая сказанное, можно предположить, что роль рифмы как ритмического фактора в период освоения арабо-персидских поэтических норм была не очень значительна, и рифма являлась прежде всего композиционным средством, связывая концы стихотворных строк созвучиями разной степени точности. Таким образом, понятие точной рифмы, вероятно, еще не являлось актуальным для поэтической практики (но не теории) указанного периода истории тюркоязычной классической литературы. Точная рифма эпохи расцвета классической поэзии появилась, видимо, как результат более полного освоения арабо-персидских норм и генетически (в плане точности) не связана с рифмой в народном стихе.

О преобладании композиционной функции рифмы над ритмической свидетельствуют также отдельные случаи опускания рифмы, что должно было приводить к резкой ломке ритма, если бы рифма играла важную роль в его образовании:

- LV *dünya gerekmez — divi gerekmez — seher gerekmez*
 CXLVIII *iman — heves — can*
 CLII *tebdil içinde — müşkil içinde — tür içinde — sırr içinde*
 CLIII *bakkal ola — attar ola.*

Подобные нарушения наблюдаются главным образом при рифмовке корней слов и разнородных грамматических окончаний, что свидетельствует об определенных трудностях, которые испытывал Юнус Эмре при подборе таких рифм.

Говоря о точности рифмы, необходимо также добавить, что Юнус Эмре избегал полностью тождественных окончаний стихов, переходящих в лексический повтор. Если же лексического повтора избежать не удавалось, поэт предварял его дополнительными созвучиями. Например:

- XXXII *dirilmediler — talmadılar — ne varın bilmediler —
 manisinin bilmediler — gelmediler*
 XXXVI *acayib duraktır — dirlik gerekdür — kulluk gerekdür —
 miskinlik gerekdür — göke direkdür*
 VI *ana — bana — senden yana — benden yana.*

Это явление также можно интерпретировать как преобладание композиционной функции рифмы над ритмической: лексический повтор, являясь в одной и той же позиции, оказывается, как и всякий повтор,

⁷ Ю. М. Лотман. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л., 1972, стр. 62.

⁸ В. Я. Пропп. О русской народной лирической песне. — В кн.: «Народные лирические песни». Л., 1961, стр. 46.

фактором ритма, однако он в определенной степени нивелирует концы стихотворных строк, ослабляя композиционные связи, и Юнус Эмре решил проблему тождества—различия путем введения на фонологическом уровне дополнительного средства объединения, обладающего на семантическом уровне свойством дифференциации.

Суммируя наблюдения над особенностями рифмы Юнуса Эмре с точки зрения тождества окончаний стихотворных строк, необходимо еще раз подчеркнуть, что понятие точности—приблизительности, когда речь идет о тюркском стихе, следует применять с определенной осторожностью. Учитывая большое количество нарушений тождественности рифменных созвучий, можно предположить, что последовательное использование точной рифмы не входило в поэтическую задачу Юнуса Эмре.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Э. Р. ТЕНИШЕВ

О МЕТОДАХ И ИСТОЧНИКАХ
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Интенсивное развитие тюркского языкознания выдвигает на передний план вопрос о методах исследования.

В настоящее время в научных исследованиях уже недостаточно получить какой-то определенный результат, а необходимо в короткие сроки добиться максимально точных и полных результатов. Поэтому современный тюрколог-лингвист должен глубоко изучить материал источников и в совершенстве овладеть методикой его исследования. Причем методика и сама техника исследования должны постоянно обновляться и улучшаться, без чего невозможен прогресс в тюркском языкознании, как и в любой другой области науки.

Кроме того, применение новых методов исследования способствует также развитию новых направлений в науке или расширению и утверждению тех ее областей, которые ранее были слабо разработаны. «Преобладание того или иного метода в определенную историческую эпоху может даже определять общий характер развития языкознания»¹. Это утверждение в полной мере относится и к тюркскому языкознанию.

Изучение истории тюркских языков велось и ведется вне праязыковой схемы, что приводит к появлению в печати разрозненных исторических экскурсов, на которых лежит печать субъективных вкусов и побуждений их авторов.

Безусловно, всякое научное творчество не безлично, и индивидуальность автора в нем не может не проявляться. Тем не менее это не исключает необходимости координирования и направления научного творчества. Этого можно достигнуть путем составления общих планов исследований и внедрения обязательных методик.

В тюркском языкознании давно назрела необходимость в создании сравнительно-исторической грамматики. Эта задача была признана одной из главных в тюркологии еще на заре нашего века.

В обобщающем труде соответствующее место обязательно должно быть отведено реконструкции тюркского праязыка и его последующей эволюции в современных тюркских языках.

Праязыковая схема будет иметь не только познавательное, но и большое научно-методическое, организующее значение. Она должна по-

¹ «Общее языкознание. Методы лингвистических исследований». М., 1973, стр. 5.

служить естественной отправной точкой при изучении истории отдельных тюркских языков. Ведь прежде чем установить характер и направление изменения того или иного звука или формы, надо знать их древнее состояние. Без этого невозможно создать исследования, систематически прослеживающего историю того или иного языка тюркской семьи.

Пока что в этой области только накапливаются материалы и делаются частные заключения.

Определенным образом построенные сравнительно-исторические исследования, вне всякого сомнения, окажут соответствующее воздействие и на другие области тюркологии, тесно с ними связанные, — изучение языка памятников, диалектологию, фонетику и грамматику. Таким образом, появится реальный стимул для дальнейшего повышения профессионального уровня лингвистических исследований в тюркологии.

1. О методах сравнительно-исторических исследований

1) Ведущее место в линвогенетических исследованиях принадлежит сравнительно-историческому методу, применение которого дало наиболее ощутимые результаты в истории языкознания. При построении тюркской сравнительно-исторической грамматики, как и вообще при подобного рода исследованиях, решающую роль играет внешняя реконструкция, заключающаяся в сравнении гомогенного материала родственных языков с целью определения архетипа — условно наиболее древней формы. Таким путем возможно воссоздать праязык, или язык-основу. Здесь имеются в виду, конечно, не существовавшие когда-то реальные языковые единицы праязыка, а модели, отражающие онтологические категории.

Сравнительно-исторический метод опирается на неравномерный характер развития некоторых звеньев фонетической, грамматической систем и на закономерности языковых изменений, что дает возможность гипотетически восстановить фонемный и морфемный состав тюркского праязыка и проследить его эволюцию в современных тюркских языках.

Историческое изменение в языке является системным, определяющим и основное свойство праязыкового состояния, как исходного для фонологической и морфологической систем.

Возможность реконструкции отдельных единиц фонологического, грамматического и лексического уровней создает предпосылки для реконструкции праязыковой системы в целом.

2) Необходимо учитывать, что установление праформ и их иерархии на том или ином уровне возможно только при использовании понятия относительной хронологии языковых изменений.

Метод хронологизации непосредственно связан с приемами и техникой реконструкции, к которым относятся: учет высокой частотности явлений или, напротив, единичности и изолированности их, использование многочисленных рефлексов: неодинаковости формального выражения явлений, наличия устойчивых элементов в языковой структуре, процесса выравнивания по аналогии, контаминации формативов и т. д.²

3) Методические затруднения возникают при выявлении изменений, происшедших в период между эпохой «общности тюркских языков» и эпохой их раздельного существования. В этом случае целесообразно обращаться к промежуточным периодам общности, например, к ранне-

² См.: «Общее языкознание. Методы лингвистических исследований», стр. 72—75.

му состоянию пратюркской общности и к позднему — накануне распада праязыка.

Выделение промежуточных этапов достигается с помощью приема внутренней реконструкции.

4) Внутренняя реконструкция основывается на данных одного языка без сравнения их с материалом других родственных языков. Один какой-либо факт служит необходимой предпосылкой для возникновения другого. Внутренняя реконструкция учитывает ассоциативные связи языковых явлений, иными словами, синхронный анализ используется в интересах диахронии.

5) Одним из методов внутренней реконструкции является «филологический метод», применяющийся почти всегда лишь в пределах единой языковой традиции. «Филологический метод» заключается в анализе древних письменных текстов с целью установления исходных форм языковых явлений. Область применения данного метода к тюркскому материалу ограничивается следующими причинами:

а) отсутствием у многих современных тюркских языков письменных памятников;

б) трудностью установления преемственных связей между языком древнетюркских памятников и современными, живыми языками;

в) недостаточной изученностью графических систем древнетюркских памятников;

г) жанровым несовпадением письменных памятников тюркских языков.

Проведение исследований в намеченных направлениях является необходимым для успешного лингвистического изучения тюркоязычных письменных памятников.

6) Опыт индоевропейской компаративистики свидетельствует о том, как важно учитывать исторически колеблющиеся отношения между словообразовательным и словоизменительным уровнями — втягивание в парадигматику деривационных форм и лексикализацию парадигматических звеньев.

Поскольку сравнительно-исторический метод пользуется диахроническим отождествлением родственных слов и форм, то в качестве дополнительного приема необходимо использовать также и этимологический анализ слов и формативов³.

7) При воссоздании истории как всей тюркской языковой семьи в целом, так и отдельных входящих в нее языков, большое значение имеет применение методов лингвистической географии. В. А. Богородицкий указывал, что при изучении звукового строя татарского языка необходимо учитывать данные смежных тюркских территорий, сохранивших до настоящего времени следы старотюркских фонем⁴.

Лингвогеографический (или ареальный) метод позволяет обнаруживать результаты контактирования языков и использовать полученные данные при корректировке реконструкций.

Ареальный метод выявляет также изоглоссы, проходящие через диалектные зоны в самых различных направлениях: огузские и кыпчакские элементы в туркменском, саларском, азербайджанском языках; узбекские, уйгурские, южноалтайские признаки в киргизском языке; па-

³ Э. А. Макаев. Проблемы и методы современного сравнительно-исторического индоевропейского языкознания. — «Вопросы языкознания», 1965, № 4, стр. 14—15.

⁴ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание. Казань, 1953, стр. 101.

раллельные модификации в различных группах диалектов, порою значительно удаленных друг от друга и т. д.

Данные междиалектных и межъязыковых изоглосс могут выявить более древние языковые общности, их взаимосвязи, то есть степень их родства.

Лингвогеографическая методика применима и в том случае, когда исследуются явления тюркских языков, находящихся в одном ареале не только с близкородственными, но и с отдаленно родственными и неродственными языками. Например, вокализм тюркских языков Поволжья невозможно объяснить, не прибегая к материалу смежных финно-угорских языков.

8) В целом ряде случаев при сравнительно-исторических исследованиях надежным подспорьем является использование метода типологических модификаций и языковых универсалий.

Как известно, в отдельных языках мира наряду со специфическими, своеобразными явлениями происходят и процессы, типологически общие для всех них. Наблюдение таких процессов в одних языках помогает понять и объяснить сходные процессы в других.

Здесь уместно напомнить слова Е. Д. Поливанова о существовании «фонетической историологии» — учения об общих для всех языков причинах и принципах эволюции⁵. Не случайно в настоящее время языковым универсалиям в лингвистике уделяется все возрастающее внимание⁶.

9) Получила известность разработанная М. Сводешем глоттохронология — лексикостатистический метод датировки языковых дивергенций, опробованный на материале татарского, башкирского и всей группы алтайских языков. Однако возможности данного метода весьма ограничены: с его помощью можно только определить возраст родственных языков, но нельзя проследить развитие конкретных звуков и форм.

II. Об источниках сравнительно-исторических исследований

1) Материал современных литературных тюркских языков.

Тюркское языкознание располагает большим количеством вполне удовлетворительных описаний звукового и грамматического строя тюркских языков. Естественно, что дальнейшее развитие сравнительно-исторических исследований повысит требования к таким описаниям. Следовательно, одна из актуальных задач тюркского языкознания заключается в совершенствовании методики, повышении точности и углублении аналитичности описания структуры языков.

2) Материал диалектов и редких тюркских языков.

Диалектология — одна из самых развитых областей тюркского языкознания, накопившая за многие годы обширный материал по всем языкам. В последние годы стали применяться для изучения звукового состава диалектов тюркских языков инструментальная методика, а для исследования целых языковых массивов или частных систем — лингвогеографический метод.

Следует заметить, что основной (монографический) метод фиксации и исследования диалектов страдает непоследовательностью, бессистемностью. Материал диалекта или говора большей частью рассматривается с точки зрения имеющихся в нем отличий от норм литературного

⁵ Е. Д. Поливанов. Введение в языкознание для востоковедных вузов. Л., 1928, стр. 30.

⁶ Б. А. Серебренников. О лингвистических универсалиях. — «Вопросы языкознания», 1972, № 2, стр. 3—16.

языка. Поэтому значительная часть диалектных признаков зачастую остается недоступной для сравнительно-исторических исследований.

Диалектологам необходимо строго придерживаться правил регистрации и систематизированного описания диалектного материала.

3) Материал древне- и среднетюркских письменных памятников: тюркские рунические надписи, древнеуйгурские памятники, написанные различными алфавитами, уйгурские памятники караханидской поры, памятники хорезмского круга, чагатайские письменные памятники, памятники старого кыпчакского, половецкого, болгарского языков, письменные памятники сельджукского периода.

Названные памятники не связаны преемственно ни с одним из современных тюркских языков; они, по образному выражению С. Е. Малова, составляют общий исторический фон, общую историческую канву их древней истории.

Язык древнейших рунических памятников одно время считали тюркским праязыком. Его и теперь рассматривают как своего рода эталон при сравнении и оценке различных языковых фактов. Однако это нельзя считать правильным. Не следует преувеличивать значения древнетюркских письменных памятников. Они могут быть использованы в сравнительно-исторических исследованиях лишь как материал наряду с другими источниками.

Когда будет восстановлен тюркский праязык и прослежена его эволюция в современных тюркских языках, возможно, обнаружатся связующие звенья между языком памятников и современными, живыми языками.

Необходимо продолжать углубленные исследования графо-фонетики, грамматики, лексики языка памятников, самого типа языка древних и старых текстов как языка наддиалектного, а также взаимоотношений языков памятников и многое другое.

4) Материал исторических памятников современных языков.

Таких языков сравнительно немного, это — турецкий, азербайджанский, туркменский, татарский, башкирский, узбекский, уйгурский. Памятников издано очень мало, и не все публикации удовлетворяют лингвистическим требованиям. Исследования, выполненные по рукописям, строго говоря, не являются корректными и могут быть использованы лишь при условии скрупулезной сверки с оригиналом. В связи с этим возникает настоятельная необходимость в критическом издании текстов памятников.

Потребность в публикациях велика, ибо только по изданному тексту можно судить о языке рукописи — о его отношении к диалектам или к той или иной письменной традиции.

Уместно в этой связи поставить вопрос о разработке основ тюркской текстологии и лингвистического источниковедения (нового, среднего и древнего периодов).

5) Материал тюркского эпоса и произведений фольклора.

Язык фольклорных произведений (в особенности обрядовых формул) устойчиво сохраняет старые черты как наддиалектного, так и диалектного типов. Язык тюркского фольклора почти не исследован. Определенная работа проделана лишь по изучению языка эпоса «Книга моего деда Коркуда», киргизского эпоса «Манас», якутских олонхо и туркменских сказок.

Необходимо систематическое изучение языка тюркского эпоса и произведений фольклора, разработка методики такого исследования.

6) Материал тюркских заимствований в древних и современных алтайских, финно-угорских, семитских, славянских и других индоевропейских языках.

Имеющаяся по этой проблеме специальная литература позволяет уточнить и реконструкцию, и относительную хронологию тех или иных явлений.

7) Материал топонимии, антропонимии и этнонимии имеет значение главным образом для исследования лексики, а в некоторых случаях и фонетики.

8) Материал других языков. Имеются в виду языки алтайской, урало-алтайской и ностратической общностей.

К языкам алтайской общности относятся: тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские и корейский. Характер связей между ними до сих пор остается неясным.

Существует гипотеза, что давнее родство этих языков затушено интерференцией в результате частых и тесных взаимных контактов. Это предположение открывает компаративисту-тюркологу доступ к алтайскому материалу.

Привлечение данных алтайских языков целесообразно по многим причинам: для увеличения временной глубины общетюркского праязыкового состояния, более жесткого разграничения исконно родственных образований, возводимых к праязыку, и образований, являющихся следствием параллельного независимого развития в одном или нескольких тюркских языках, и, наконец, для прояснения вопроса о типологических особенностях как отдельных явлений, так и тюркских языков в целом⁷. Данные языков урало-алтайской и ностратической общностей позволяют в ряде случаев проверить справедливость возведения различных явлений тюркских языков к праязыковому состоянию.

Таким образом, овладение лингвистической методикой и дальнейшее совершенствование изучения современных и древних языков — необходимые условия для развертывания сравнительно-исторических исследований в тюркском языкознании.

⁷ Э. А. Макаев. Вопросы построения сравнительной грамматики тюркских языков. — «Советская тюркология», 1971, № 2, стр. 25.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ПАМЯТИ ИМАДЕДИНА НАСИМИ

18 июня 1973 г. в Баку состоялась научная сессия Отделения общественных наук Академии наук Азербайджанской ССР, посвященная 600-летию со дня рождения великого азербайджанского поэта и мыслителя Имадеддина Насими.

Выступивший со вступительным словом вице-президент Академии наук Азербайджанской ССР *М. А. Дадашзаде* кратко охарактеризовал жизненный путь и творчество великого азербайджанского поэта-гуманиста, мужественно выступившего против догм ортодоксального ислама, унижавших человеческое достоинство.

М. А. Дадашзаде сказал, что значение поэзии Насими заключается в возвеличивании человеческого духа, в воспевании человека как творца и созидателя.

М. А. Дадашзаде отметил, что творчество Насими было близким народу, выражало его духовные устремления и чаяния. Именно этим объясняется широкое распространение и популярность на Ближнем и Среднем Востоке бессмертных произведений великого лирика.

С докладом «Историко-литературное значение творчества Имадеддина Насими» выступил *Г. М. Араслы*. Докладчик подробно охарактеризовал влияние, оказанное творчеством Насими на азербайджанскую литературу. Поэты Халили, Сурури, Туфейли и другие, разделявшие хуруфитские воззрения Насими, неоднократно обращались к его темам, использовали его поэтические символы и образы. Другие поэты придерживавшиеся иных взглядов, учились у Насими поэтическому мастерству, часто наполняя образы, символические у Насими, реальным содержанием, используя их не в индикаторном, а в прямом значении.

Говоря о месте, занимаемом творчеством Насими в литературном процессе, *Г. М. Араслы* отметил, что произведения поэта, написанные на родном языке, оказали огромное благотворное влияние на последующее развитие азербайджанской поэзии. Влияние Насими испытали такие выдающиеся художники слова, как Шах Исмаил Хатаи,

Хабиби, Физули, Вагиф и, особенно, поэт XV века Джаханшах Хагиги.

Докладчик подчеркнул, что поэзия Насими оказала также большое влияние и на многих туркменских и узбекских поэтов, в том числе на Лутфи и Алишера Навои. Творчеству Насими посвящено немало тезкире и исторических сочинений восточных авторов. В нашу эпоху имя Насими, одного из корифеев мировой поэзии, благодаря его бессмертным произведениям получило всеобщее признание.

Доклад на тему «Проблема гуманизма в творчестве Имадеддина Насими» сделал *М. Ю. Гулизаде*, отметивший, что Насими горячо любил родной народ и навсегда связал свою судьбу с его судьбою. Поэт открыл совершенно новую и блистательную страницу в истории борьбы за права и достоинство человека, которую вели его выдающиеся предшественники. Идеи гуманизма и преклонение перед человеком пронизывают все творчество Насими.

М. Ю. Гулизаде коротко охарактеризовал ранние произведения Насими, находившегося в молодые годы под определенным влиянием учения суфиев и выступавшего под псевдонимом «Гусейни». Пантеизм молодого Насими составлял основу его гуманизма. Это ввело в заблуждение многих исследователей, считавших Насими суфийским поэтом.

Во второй период творчества поэзия Насими конкретизируется, освобождается от мистицистских символов. Поэт воспевает человека, требует уважения к нему, независимо от его религиозной и расовой принадлежности.

Докладчик отметил, что именно идейное и эстетическое содержание поэзии Насими, ее художественное совершенство прославили поэта и принесли ему глубокую любовь народов.

«Роль Насими в развитии азербайджанского литературного языка» — так назывался доклад *Дж. В. Каграманова*, в котором он остановился на выдающихся заслугах Насими в развитии и обогащении

родного языка, поднявшегося в творчестве поэта до уровня самых литературно разработанных языков своего времени. При этом Насими приблизил литературный язык к народно-разговорному, создав на этом доступном широком массам языке замечательные лирические произведения. Докладчик на ряде примеров показал мастерство Насими в использовании в своих произведениях метких народных выражений, пословиц и поговорок.

Употребляя в тексте своих произведений арабские и персидские слова, поэт, как бы для расшифровки, сопровождал их в пределах одного и того же стиха или строки соответствующими тюркскими эквивалентами. Данный прием позволил Насими ввести в литературный язык много новых слов и выражений, тем самым обогатить лексику азербайджанского языка, а также раскрыть тончайшие оттенки, присущие народному слову.

А. Алиев

* * *

12 сентября 1973 года в Баку состоялась совместная научная сессия Академии наук СССР и Академии наук Азербайджанской ССР, посвященная 600-летию со дня рождения великого азербайджанского поэта Имадеддина Насими. На сессии, помимо азербайджанских ученых, присутствовали гости из Москвы, Ленинграда, братских союзных республик, а также из Ирака и Турции, прибывшие в Баку на празднование юбилея поэта.

Открывая совместную научную сессию, президент Академии наук Азербайджанской ССР, член-корреспондент Академии наук СССР Г. Б. Абдуллаев отметил огромную роль азербайджанской классической литературы в развитии общественной мысли на Ближнем Востоке.

Один из наиболее выдающихся поэтов и мыслителей Азербайджана — Имадеддин Насими своим замечательным поэтическим творчеством и последовательной борьбой с установлениями ортодоксального ислама сделал многое для расцвета азербайджанской поэзии и распространения гуманистических идеалов на Ближнем Востоке. Г. Б. Абдуллаев отметил заслуги азербайджанских ученых в изучении творческого наследия поэта, в частности академика Академии наук Азербайджанской ССР Г. Араслы, д-ра филол. наук, проф. М. Ю. Гулизаде, д-ра филол. наук Дж. В. Каграманова и других, создавших ряд глубоких исследований о творчестве Насими. Г. Б. Абдуллаев указал на необходимость продолжения изучения поэтического наследия Насими, которое до наших дней сохранило свое неувядаемое обаяние и художественное значение.

С докладом «Великий азербайджанский поэт Насими» выступил вице-президент Академии наук Азербайджанской ССР академик М. А. Дадашзаде. Остановившись на идейно-философском значении для своего времени поэзии Насими, пронизанной идеями гуманизма, докладчик подчеркнул, что пафос лирики Насими заключается в воспевании нравственной красоты и творческих возможностей человека.

Насими последовательно выступая против униженного положения простого человека — труженика, создателя всех материальных ценностей. Поэт утверждал право каждого человека на свободу и счастье. Воспевая силу духа и разума человека, Насими призывал познавать окружающий мир, не чуждаться радостей жизни. Поэт славил любовь, считая, что она способствует раскрытию лучших душевных качеств человека, духовному совершенствованию и обогащению его.

Социально-философская концепция Насими, его мятежный дух правоборца находили воплощение в антифеодальной направленности творчества поэта. Насими выступал против господствующих деспотических порядков и установлений ислама, угнетавших и нравственно подавлявших людей, в защиту человека — творца и создателя.

М. А. Дадашзаде отметил также, что идейная концепция Насими представляла собой своеобразный сплав социально-политических и религиозно-этических воззрений. Для достижения высокой ступени духовного и нравственного развития человек должен прежде всего познать себя, стремиться к самоусовершенствованию, возвыситься над религиозным догматизмом и фанатизмом.

Насими считал, что возможности человеческого разума безграничны. Именно об этом прежде всего говорят ставшие крылатыми строки из его известной газели: «В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не вмещусь».

Характерной особенностью поэзии Насими является органическое слияние в ней чисто лирических мотивов с социально-философскими суждениями. Строки, воспевающие женскую красоту, например, могут самым естественным образом сочетаться у него со стихами, прославляющими возвышенность и благородство человеческого духа.

Насими был тесно связан с трудовым народом и выражал его стихийный протест против феодально-клерикальной верхушки.

Стихи поэта поднимали в людях чувство собственного достоинства, призывали к активности.

Докладчик сопоставляет трагическую судьбу Насими с судьбой Яна Гуса и Джордано Бруно. Гуманист и реформатор Ян Гус — создатель чешского литературного языка — был казнен почти в одно время с Насими.

Далее М. А. Дадашзаде остановился на роли Насими в развитии азербайджанского литературного языка. Сочетая традиции восточной классической поэзии с художественно-образительными средствами устного народного творчества, Насими сделал многое для развития и становления азербайджанского литературного языка, заложив своими произведениями основы нового этапа в истории родной литературы.

Докладчик указал также на противоречия в мировоззрении Насими. Поэт жил в эпоху господства феодальной идеологии и засилья религиозных догм, что не могло не отразиться на его мировоззрении и творчестве.

Произведения Насими, пережив почти на шесть столетий самого поэта, стали достоянием всего человечества. Сегодня его поэзия служит идеям мира и дружбы между народами.

Сотрудник Института востоковедения Академии наук СССР д-р филол. наук *Д. С. Комиссаров* в своем выступлении сказал, что гости республики, прибывшие на празднование 600-летия со дня рождения Имадеддина Насими, с большим интересом знакомятся с достижениями Азербайджана в области культуры и экономики. Само празднование юбилея поэта является ярким свидетельством расцвета национальной культуры азербайджанского народа. Оратор отметил большие заслуги азербайджанских ученых в изучении наследия

замечательного поэта. Их исследования глубоко и всесторонне раскрывают художественные особенности творчества Насими, его философские, этические и общественно-политические воззрения.

Турецкий ученый *Ибрагим Олгун* говорил о том, что великий поэт-гуманист Насими всю свою жизнь посвятил борьбе за счастье народа. Этим он заслужил любовь и почтение своих потомков, превративших юбилей поэта во всенародный праздник. «Я счастлив, — заявил оратор, — что мне довелось принять участие в этом празднике».

От Академии наук Узбекской ССР выступил академик *В. Захидов*, подчеркнувший, что идеи замечательного поэта, мыслителя и философа, призывавшего людей к дружбе и братству, восторжествовали в нашей стране. Узбекский народ чтит славного сына Азербайджана Насими так же, как и великих узбекских поэтов.

Сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР проф. *Х. Корголы* говорил о широкой популярности поэзии Насими в Туркмении. Классики туркменской литературы в своих произведениях часто упоминают Насими как выдающегося мастера стиха и выражают свое восхищение его талантом. Высокий гуманизм, которым проникнута поэзия великого Насими, близок и дорог туркменскому народу.

И. Гамидов

* * *

Обе сессии привлекли внимание широкой общественности республики. Помимо сотрудников Академии наук, в числе участников сессий находились преподаватели вузов, аспиранты, студенты, работники учреждений и предприятий г. Баку.

VI ТЮРКОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ЛЕНИНГРАДЕ

5—7 июня 1973 г. в Ленинградском отделении Института востоковедения Академии наук СССР проходила шестая Тюркологическая конференция. В ее работе приняли участие 139 тюркологов из Абакана, Алмата, Ашхабада, Баку, Бийска, Бухары, Еревана, Казани, Ленинграда, Москвы, Нальчика, Новокузнецка, Нукуса, Самарканда, Тарту, Ташкента, Тбилиси, Томска, Уфы, Ферганы, Фрунзе, Чебоксар, Черкесска. На трех пленарных и четырнадцати секционных заседаниях были заслушаны 81 доклад и 114 выступлений.

Конференцию открыл председатель Организационного комитета конференции член-корреспондент Академии наук СССР А. Н. Кононов. В своем вступительном слове он кратко рассказал о жизненном пути А. Н. Самойловича и его заслугах перед отечественной тюркологией.

На первом пленарном заседании ведущий Ленинградским отделением Института востоковедения Академии наук СССР Ю. А. Петросян сообщил участникам конференции, что А. Н. Кононов избран почетным членом Венгерской Академии наук, а проф. А. Ф. Миллер — иностранным членом Болгарской Академии наук.

ПЛЕНАРНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

Первое и заключительное пленарные заседания были посвящены памяти выдающегося советского тюрколога академика Александра Николаевича Самойловича. Его многогранная научная и общественная деятельность была подробно освещена в двенадцати докладах.

А. Н. Кононов (Ленинград) в докладе «А. Н. Самойлович — грамматист»^{*} раскрыл сущность и значение основных работ А. Н. Самойловича в области тюркского языкознания, изложил его позиции по таким вопросам тюркской грамматики, как проблема частей речи, история тюркского грамматического строя, соотношение основного и винительного падежей, определение причастий, деепричастий, модальных конструкций, особенности числительных и др. Докладчик подчеркнул, что кроме известных трудов А. Н. Самойловича, обеспечивших ему почетное место в истории тюркологии, в его архиве осталось большое количество неопубликованных материалов, содержащих много интересных идей, что делает необходимым скорейшее издание собрания его сочинений.

С. М. Абрамзон (Ленинград) выступил с докладом «А. Н. Самойлович — этнограф», в котором рассказал о заслугах А. Н. Самойловича в области изучения этнической

номенклатуры, этнической и материальной истории, культуры, антропологии многих тюркских народов, о его деятельности в организациях и комиссиях, занимавшихся изучением этнографии народов СССР, об обогащении А. Н. Самойловичем соответствующих научных фондов коллекциями и собраниями этнографического материала.

В докладе Б. В. Лунина (Ташкент) «А. Н. Самойлович как историк Средней Азии» было показано, что в ряде трудов А. Н. Самойловича содержится много конкретно-исторических данных о прошлом народов Средней Азии. Сохраняют свое научное значение его публикации по двенадцатилетнему животному циклу у тюркских племен, предложенные им толкования различных слов и терминов в восточных рукописях («сарт», «казак», суждения об эволюции и семантике понятий «богатый» и «бедный» в их социально-исторической динамике на примере тюркских языков и т. д.), переводы отрывков из хивинских хроник XIX века и многое другое.

Значительную ценность представляют также публикации А. Н. Самойловича по истории возникновения драматургии и театра в Средней Азии, о зарождении в до-революционной Бухаре тайной организации младобухарцев, о качестве первых переводов «Манифеста Коммунистической партии» на казахский и узбекский языки.

В своем докладе «А. Н. Самойлович и создание алфавитов в 20-е годы» Ф. Д. Ашнин (Москва) подробно говорил о разработке ученым теоретических основ новой письменности, об активном участии его в обсуждении проектов латинизации, в деятельности Научного совета Всесоюзного центрального комитета нового алфавита.

Совместный доклад П. А. Азимова и Б. Ч. Чарьярова (Ашхабад) «А. Н. Самойлович и туркменское языкознание»^{*} был посвящен заслугам академика А. Н. Самойловича в становлении и развитии туркменского языкознания. Большое место в докладе занимал анализ неопубликованных работ ученого — «Опыт лингвистического исследования текинско-туркменского диалекта» и «Историческое развитие туркменского литературного языка». Докладчики подчеркнули, что становление и развитие туркменского языкознания неразрывно связано с именем А. Н. Самойловича, поэтому изучению филологических трудов А. Н. Самойловича в Туркменистане в настоящее время уделяется большое внимание.

С интересом был заслушан доклад Н. А. Баскакова (Москва) «А. Н. Самойлович в письмах к В. А. Гордлевскому»^{*}. В письмах ученого (1908—1931 гг.) раскрывается его богатая многогранная творческая жизнь.

В докладе «Сравнительно-исторический метод в исследованиях А. Н. Самойловича» В. Д. Аракин (Москва) показал, что А. Н.

^{*} Тексты докладов, помеченных звездочкой, публикуются в настоящем номере журнала.

Самойлович разделял точку зрения на родственный характер тюркских языков, на происхождение всех их от одного языка-основы. Существовавшие тогда классификации тюркских языков В. В. Радлова и Ф. Е. Корша он развил и дополнил. Он признавал существование звуковых законов в языке и постепенное закономерное изменение его звуковой системы и, исходя из этого, делал важные общие выводы.

Э. И. Фазылов (Ташкент) в докладе «А. Н. Самойлович — исследователь тюркских памятников средневековья»* говорил об одном из главных направлений в исследованиях ученого — изучении языка письменных памятников XI—XIX вв., в особенности чагатайского языка.

Докладчик остановился на письменных памятниках, исследованных А. Н. Самойловичем, и указал на те моменты в его работах, которые представляют наибольшую важность для современного специалиста.

Анализу вклада ученого в исследование тюркской лексики и семантической эволюции отдельных лексем был посвящен доклад *К. М. Мусаева* (Москва) «А. Н. Самойлович и сравнительная лексикология тюркских языков»*.

Д. Н. Нуралиев (Ашхабад) в докладе «А. Н. Самойлович — исследователь туркменской литературы и фольклора»* показал заслуги ученого, положившего начало научному изучению в этой области, в разработке вопросов периодизации истории туркменской литературы, в исследовании творчества ряда поэтов и писателей, а также художественной формы произведений различных жанров.

Анализу различных принципов классификации тюркских языков, основанных на достижении сравнительно-исторического изучения последних, и того нового, что дала тюркологии классификация А. Н. Самойловича, был посвящен доклад *Д. М. Насидова* (Ленинград) «А. Н. Самойлович о классификации тюркских языков»*.

С воспоминаниями о своем отце и рассказом о его дипломатической деятельности в 20-е годы перед участниками конференции выступил *П. А. Самойлович*.

Четыре доклада на втором пленарном заседании были посвящены вопросам истории тюркских народов и тюркского языкознания.

Ю. А. Петросян в докладе «Основные этапы развития общественной мысли Турции в новое время» отметил, что XIX век был эпохой становления и развития общественно-политической мысли Турции начиная с периода Танзимата. Докладчик выделил три основных этапа развития общественно-политической мысли Турции в XIX—начале XX в.: первый — годы деятельности турецких конституционалистов (60—70 гг.); второй — от поражения конституционного движения (60—70 гг.) до буржуазной революции 1908 г.; третий — период

формирования идеологии буржуазного национализма после революции 1908 г.

В докладе *Э. Р. Тенциева* (Москва) «О методах и источниках сравнительно-исторических исследований тюркских языков»* была намечена обширная программа работ в области исторической грамматики этих языков на базе комплексного использования современных методов языкознания и широкого круга источников.

Г. А. Абдурахманов (Ташкент) в докладе «О периодизации истории узбекского литературного языка» предложил выделить в истории узбекского языка пять периодов начиная с докараханидской эпохи. Начало формирования староузбекского языка он отнес к XIV в.

В докладе *С. Г. Кляиторного* (Ленинград) «Основные направления историографической интерпретации древнетюркских памятников» были намечены этапы изучения этих памятников, выделены главные аспекты их интерпретации (социальный, источниковедный, историко-культурный) и дана общая характеристика памятников как исторического источника. Докладчик еще раз подчеркнул настоятельную необходимость критического переиздания надписей.

ЗАСЕДАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ

В рамках лингвистической секции одновременно работали два симпозиума. На первом — «Методы и источники сравнительно-исторических исследований в тюркских языках» (руководитель А. Н. Кононов) было заслушано и обсуждено 14 докладов.

В. И. Цинцус (Ленинград), выступившая с докладом «Внутренняя реконструкция и сравнительно-историческое построение в области алтаистики», остановилась на содержании термина «метод внутренней реконструкции» и на убедительных примерах показала продуктивность применения этого метода к алтайскому языковому материалу.

В обстоятельном докладе «Роль методов ареальной лингвистики для истории тюркских языков» *Н. З. Гаджиева* (Москва) обосновала необходимость серьезной разработки на тюркском материале приемов и методов ареальной лингвистики. Докладчик подчеркнула, что приемы ареальной лингвистики способствуют правильной интерпретации многих сложных явлений, возникающих вследствие междialeктивных и межъязыковых контактов или в результате самостоятельного развития родственных языков.

Н. А. Баскаков (Москва) в докладе «Изоморфизм структуры слова и словосочетания» развил идею о «синтаксисе морфем», проведя аналогию между отношениями внутри определенных словосочетаний и взаимоотношением морфем, составляющих слово. В последнем каждая предшествующая морфема, более конкретная по своей семантике, определяет, по мысли докладчи-

ка, последующую морфему, имеющую более общее значение. Изучение семасиологической структуры слова докладчик предложил обозначить термином «морфосемасиология».

В докладе «Проблема реконструкции грамматической системы общетюркского» *И. В. Кормушин* (Ленинград) развил тезисы об относительном характере онтологической реальности праторкского языка, о разных возможностях ближней и дальней реконструкции и т. д. Он изложил свою точку зрения на ядро категории времени в праторкском, рассматривая его как оппозицию претерита на *ды*- и непротеритного времени с нулевым показателем.

Доклад покойного *А. П. Дубьзона* (Томск) «Установление архетипа фонемы по межязыковым рядам альтернатив»* был прочитан *З. П. Демьяченко* (Томск). В докладе на конкретном материале показаны пути восстановления звуковых архетипов. При этом ученый исходит из признания синтетического строя доалтайского состояния и изначальной моносyllабичности слова.

Г. П. Мельников (Москва), выступивший с докладом «Пределы возможностей компаративистики в изучении эволюции языков», утверждал, что преодолеть ограниченность реконструкции языка методами традиционной компаративистики можно путем использования приемов системной лингвистики. В результате может быть выявлено представление о языке, каким он был бы, если бы продолжал развиваться до настоящего времени как целое, а не каким он был перед распадом на отдельные языки. Это позволяет установить направление развития, причины и фазы изменений и, в частности, довести реконструкции до языкового состояния в обычном смысле.

М. Б. Балакаев (Алма-Ата) прочитал доклад «К истории изучения определенности и неопределенности в тюркских языках», в котором содержалась критика существующих точек зрения по данному вопросу.

С докладом «О приемах позиционного анализа тюркского слова» выступил *Т. М. Гарипов* (Уфа), указавший, что в историко-фонетических и сравнительно-фонологических исследованиях важно учитывать не только поведение и распределение звуков в ан-, ин- и ауслaute, но и их позицию в пределах слогов (особенно в непервых), а также в границах слова в целом.

М. З. Закиев (Казань) в докладе «К вопросу о классификации частей речи и аффиксов в тюркских языках» подразделил части речи и аффиксы на три группы по их роли в формировании предложения: на единицы, обозначающие понятия; на единицы, передающие модальные значения; и на единицы, осуществляющие связь между словами и предложениями.

Доклад *Л. Ю. Тугушевой* (Ленинград) «Орхон-тюркский и древнеуйгурский языки, их сходство и различие» был посвящен

обоснованию того, что упомянутые языки можно разграничить, исходя из функциональных особенностей, семантики, продуктивности, контекстуальных значений морфем, а не на основе их состава, который в обоих языках почти идентичен.

Л. С. Левитская (Москва) прочитала доклад «О некоторых источниках для истории тюркских языков с непродолжительной письменной традицией», в котором показала важность использования для исторического изучения чувашского, кумыкского и якутского языков таких источников, как различные виды заимствований, фольклорные и диалектные записи, словарные материалы XVIII—XIX вв. и т. п.

Доклад *Г. Ф. Благовой* (Москва) «Развитие сравнительно-исторического изучения тюркских языков и уровень кандидатских диссертаций» содержал ряд конкретных предложений, направленных на повышение научного уровня кандидатских диссертаций и информативной ценности авторефератов, особенно в области диалектологических исследований — важного источника сравнительно-исторического изучения тюркских языков. Было высказано предложение регулярно публиковать тематику аспирантских работ и статьи теоретического и методического характера в помощь аспирантам.

Доклад *М. И. Трофимов* (Самарканд) «О звуке *ч* в уйгурском языке» был посвящен некоторым свойствам звука *ч* как одного из самых своеобразных звуков современного уйгурского языка, причем основным свойством этого звука докладчик считает его исключительную «эластичность» (в смысле способности менять свою длительность и меру сонорности).

В. Ш. Пеляшин (Уфа) выступил с докладом «Место широких гласных *a, э* в истории тюркских аффиксов как показателей категории неопределенности».

В обсуждении докладов, заслушанных на первом симпозиуме лингвистической секции, приняли участие *Н. Н. Ишбулатов* (Уфа), *В. И. Цинциус*, *Б. А. Серебренников* (Москва), *В. Г. Гузев* (Ленинград), *А. Н. Кононов*, *Н. А. Баскаков*.

На втором симпозиуме «Морфология и лексикология тюркских языков» (руководитель Д. М. Насипов) было заслушано и обсуждено 16 докладов.

В. Г. Кондратьев (Ленинград) в докладе «Отношение языка древнеуйгурских памятников к современным тюркским языкам» выделил черты, объединяющие язык памятников с современными огузскими и якутским языками.

В докладе «О принципах описания морфологии восточнотюркского языка XI—XII вв.» *Х. Г. Нигматов* (Бухара) высказал мнение, что парадигматическое значение формы, вытекающее из ее внутри- и межкатегориальных отношений, богаче и

содержательнее конкретных манифестаций формы и составляет диалектическое единство устойчивых и неустойчивых сем. Поэтому оно внутренне предполагает момент изменения (развития, варьирования) и по отношению к конкретным манифестациям формы выступает как семантическая возможность, в пределах которой допустимы семанτικο-функциональные колебания формы в речи. Докладчик приходит к заключению, что деление форм грамматической категории согласно их парадигматическим значениям носит характер не дихотомии, а трихотомии, так как между двумя взаимно противопоставленными языковыми элементами всегда имеется включенное третье, в котором противопоставление этих элементов снимается.

М. И. Боргояков (Абакан) прочитал доклад «О гидрониме *йул||чул* 'ручей, горная река' в топонимике Южной Сибири», в котором он определил ареал этого гидронима и изложил существующие точки зрения на его этимологию.

С. М. Исхакова (Казань) в докладе «Древнетюркские элементы в народно-разговорном языке сибирских татар» показала на конкретных примерах, что всестороннее изучение древнетюркских элементов в языке западносибирских татар содействует более глубокому раскрытию родственных связей тюркских народов.

М. М. Махматкулов (Самарканд) посвятил свой доклад «Сложные слова в языке древнетюркских текстов» анализу семантических взаимоотношений между компонентами сложных слов в обследованных им памятниках.

З. Г. Ураксин (Уфа) в докладе «Некоторые вопросы сравнительного изучения фразеологии тюркских языков» указал аспекты сравнительного изучения фразеологии тюркских языков: совпадение семантики, лексического состава, структуры и образной основы фразеологических единиц. Путем сопоставительного анализа он выделил две группы фразеологизмов: а) единицы, совпадающие в дальнородственных языках; б) единицы, общие для близкородственных языков (в данном случае для кыпчакских, куда входит и башкирский).

В докладе *С. А. Гоцияевой* (Черкесск) «К проблеме классификации частей речи в тюркских языках (на материале карачаево-балкарского языка)» доказывалось, что роль классификационных признаков при определении каждой части речи и при отнесении к той или иной части речи слов или групп слов неравноценна; была также охарактеризована роль каждого признака в формировании «слабо дифференцированных» именных классов слов.

Доклад *И. К. Кучкартаева* (Ташкент) «Компонентный анализ глаголов говорения в узбекском языке» был посвящен анализу структуры семантического поля этих глаголов.

Л. Л. Викторова (Ленинград) в докладе «К вопросу о сравнительном анализе некоторых данных языка древнетюркских памятников и ранних монгольских источников» затронула ряд спорных проблем, касающихся обозначения понятия *родина* у тюрко-монгольских народов, принципов ориентировки по странам света, различий в системах счета. Докладчик подчеркнула важность привлечения этнографических данных для решения некоторых проблем алтаистики.

В докладе «К вопросу о служебных именах в тюркских языках» *А. Шукюров* (Баку) утверждал, что так называемые имена-последлоги следует считать простыми именами существительными, понимая под последлогами лишь последлоги-частицы.

Текстологическая, лексикологическая и историческая характеристика автографа отца Махтумкули, хранящегося в Секторе рукописей Института языка и литературы Академии наук Туркменской ССР под № 546 Э, содержалась в докладе *З. Б. Мухаммедовой* (Ашхабад) «Автограф Довлетмаммеда Азади как дополнительный источник по истории туркменского языка». При этом особое внимание докладчик уделила имеющимся в рукописи глоссам, написанным на отдельных листах, вклеенных между страницами.

А. Меметов (Ташкент) сделал доклад «О некоторых фонетических изменениях гласных звуков в персидских заимствованных словах в крымско-татарском языке»*, в котором попытался привести в определенную систему разнообразные случаи фонетических изменений гласных звуков в персидских заимствованиях. Докладчик, охарактеризовав гласные звуки персидского и крымско-татарского языков, проследил их фонетические изменения в заимствованных словах и привел соответствия персидских и крымско-татарских гласных.

В докладе *Х. Хамидова* (Нукус) «Памятники письменности XVIII—XIX вв. как источник исторического изучения каракалпакского языка» были приведены сведения о тюркоязычных памятниках, хранящихся в Институте истории, языка и литературы Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР. Особое внимание докладчик уделил собственно каракалпакским дореволюционным памятникам, охарактеризовав их как важный источник для изучения старокаракалпакского литературного письменного языка, являвшегося, по мнению докладчика, одним из локальных вариантов среднеазиатского литературного языка *тюрки*.

Доклад *А. Маггазиева* (Фергана) «Семантическое изменение слов — один из внутренних факторов развития языка» был посвящен анализу таких явлений, как сужение, расширение, переосмысление, специализация и дифференциация значений, омонимизация, полисемантизация и появление новых слов в узбекском языке. Рост словарного состава и увеличение количества слов

докладчик считает выражением абсолютно прогресса в эволюции языка.

М. У. Умаров (Ташкент) в докладе «Вопрос об ассимиляции и сингармонизме в крымско-татарском языке» изложил особенности действия губной и пённой гармонии гласных, ассимиляции соседних согласных по признаку глухости—звонкости, остановился на зависимости орфографических норм языка от этих фонетических особенностей.

М. Зайидий (Ташкент), выступивший на уйгурском языке с докладом «Пятиязычный словарь», рассказал об одном важном лексикографическом источнике материалов по алтайским языкам XVIII в., содержащем 18 000 слов.

В прениях по докладом выступили Д. М. Насилов, А. Д. Шукторов, З. Б. Мухаммедова, З. Г. Ураксин, А. Меметов, М. У. Умаров, С. М. Исхакова, Х. Г. Нигматов, Х. И. Суянович (Черкесск), Х. Хамидов.

ЗАСЕДАНИЯ СЕКЦИИ ИСТОРИИ И ФИЛОЛОГИИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

В рамках секции истории и филологии тюркских народов работали два симпозиума. На первом симпозиуме «Тюркская поэтика» (руководитель З. А. Ахметов) было заслушано и обсуждено 11 докладов.

В докладе «Аруз и тюркская поэзия» Акрем Джафар (Баку) сделал попытку определить основные задачи, стоящие перед отечественным арузоведением, и наметить возможные пути их разрешения, указав на необходимость создания самостоятельной теории тюркского аруза.

Х. Р. Курбатов (Казань) в докладе «Метрика аруз в татарском стихосложении» охарактеризовал основные типы аруза, применявшиеся в татарской поэзии, и, проследив развитие этой метрики от первых опытов до периода расцвета, остановился на тенденции перехода татарского стиха от аруза к силлабической системе.

В докладе Х. Г. Короглы (Москва) «О структуре огузского стиха» рассматривались правомерность существования термина «огузский стих», развитие огузского стиха в народном творчестве XVI—XVII вв. и его связь с древнетюркскими поэтическими текстами.

У. Т. Туйчиев (Ташкент) в докладе «Термин „туркум“ в узбекской стихотворной системе бармак и его значение для аруза» говорил о необходимости ввода понятия «туркум» в арузоведение. По мнению докладчика, «туркум» выявляет те *вазны*, которых нет в том или ином размере (*бахре*), и обогащает ритмику классического стиха.

Выступивший с докладом «Чувашское стихосложение в свете общих проблем теории тюркского стиха» Н. И. Иванов (Чебоксары) говорил о ритмической природе чувашской поэтической речи, структура которой генетически соотносится с системами стихосложения тюркских народов, но имеет

некоторые специфические особенности. Отметив, что в чувашской поэзии в равной степени применяются как силлабический стих, так и силлабо-тонический и свободный, докладчик показал фонологическую базу силлабо-тонического стиха.

В докладе З. А. Ахметова (Алма-Ата) «Национально-характерные черты образного строя языка в казахской народной поэзии» отмечалась зависимость системы образов от этногеографических условий.

З. И. Будагова (Баку) в докладе «Риторическое вопросительное предложение как одна из стилистических фигур в азербайджанской художественной речи», рассмотрев данный поэтический прием с точки зрения его структуры и художественных функций, показала на большом фактическом материале, что интонация является одним из наиболее важных средств достижения экспрессии при риторическом вопросе. В докладе были определены различные экспрессивные оттенки, передающиеся с помощью риторического вопроса.

Э. А. Умаров (Ташкент) в докладе «Поэтический прием *такрор* (повтор) в произведениях Алишера Навои» показал на конкретных примерах различные формы употребления повтора фразеологизмов и отметил высокое мастерство Навои в использовании этого известного приема.

А. Е. Мартынцева (Ленинград) в докладе «Приблизительная рифма в газелях Юнуса Эмре»* охарактеризовал лексико-грамматические разновидности рифмы в творчестве Юнуса Эмре, зависящие от изменений грамматических типов.

В зачитанном на конференции докладе Н. С. Смирновой (Алма-Ата) «Изображение человека в казахском эпосе» говорилось о национально-историческом своеобразии героев казахского эпоса, о традиционном их изображении и об общности героических характеров главных действующих лиц, объединенных главным образом фабулой.

В докладе Л. Н. Сериковой (Ташкент) «О некоторых типах организации рубаи Алишера Навои», также зачитанном на конференции, была выделена группа стихов, имеющих конструкцию типа «подхват», и рассматривались некоторые виды семантических и звуковых повторов, являющихся важным средством художественной выразительности в указанных произведениях Навои.

В обсуждении докладов, заслушанных на первом симпозиуме, приняли участие З. А. Ахметов, Акрем Джафар, Х. Г. Короглы, Х. Р. Курбатов.

На втором симпозиуме «Древнетюркская литература как исторический источник» (руководитель С. Г. Кляшторный) было заслушано 16 докладов.

Доклад И. Г. Добродомова (Москва) «Следы половецкого эпоса в русских источниках и проблема загадочных *хинов* в „Сло-

ве о полку Игореве» был посвящен толкованию некоторых ориентализмов, встречающихся в «Слове» и русских былинах. Термин *хин* (~ *кун*), по мнению докладчика, является одним из названий половцев, а былинное «Соловей-разбойник» восходит к первоначальному «соловей (~ полóвий) разбойник», то есть «половец».

К. М. Максегов (Нукус) в докладе «Элементы героического эпоса в памятнике в честь Кюль-тегина» сделал попытку типологически сблизить некоторые фрагменты памятника с позднейшими каракалпакскими эпическими поэмами.

В докладе «Саяно-алтайские параллели к древнетюркскому обряду жертвоприношения домашних животных» **Л. П. Потапов** (Ленинград), проанализировав этнографически зафиксированные у алтайцев, хакасов и тувинцев обряды, связанные с сакрализацией коня, пришел к заключению о родовой или этнической атрибутивности масти коней у древних кочевников Центральной Азии.

Г. В. Длужневская (Ленинград) в докладе «Еще раз о Кудыргинском валуе (к вопросу об иконографии Умай у древних тюрков)» привела этнографические и фольклорные параллели, свидетельствующие о связи трехрогого головного убора, зафиксированного на Кудыргинском валуе, с культом древнетюркской богини плодородия Умай, которая, по мнению докладчика, была также универсальным женским божеством и покровительницей воинов.

В докладе «Следы древних тюрков в Горной Шории» **А. И. Чудояков** (Горно-Алтайск) сделал попытку установить связь некоторых алтайских топонимов с древнетюркской этнонимикой.

С. В. Иванов (Ленинград) в докладе «О значении сосудов в руках древнетюркских каменных изваяний» показал на археологических и этнографических примерах, что подобные изображения сосудов связаны с представлениями об участии души покойного в ритуальной трапезе, совершаемой перед изваянием.

Д. Д. Васильев (Москва), выступивший с докладом «Графические особенности памятников Хойто-Тамира», показал возможность статистической типизации графем десяти надписей Хойто-Тамира, которая может быть использована для нужд хронологической стратификации памятника в целом.

С. Г. Кляшторный (Ленинград) в докладе «Храм, изваяние и стела в древнетюркском погребальном обряде. Свидетельства рунических текстов» рассмотрел древнетюркскую терминологию, связанную с указанными понятиями, и определил соотношение этих терминов с археологически зафиксированными погребальными сооружениями древних тюрков.

С докладом «Центральная Азия как историко-археологический регион» выступил

А. Д. Грач (Ленинград). Подчеркнув неравномерность объединения понятий «Центральная Азия» и «Средняя Азия», докладчик включил в центральноазиатский регион Внешнюю и Внутреннюю Монголию, Туву, Забайкалье, Южный Алтай, Восточный Туркестан. Археологически Центральная Азия характеризуется им как область распространения следующих культур: эпохи бронзы (в том числе памятники монгун-тайгинского типа), скифского времени (культура плиточных могил, алдыбельская — VIII—VI вв. до н. э. и саглынская — V—III вв. до н. э.), гунно-сарматского времени (улугхемская культура, памятники ноин-улинского и кок-эльского типов), древнетюркского времени (погребения по обряду кремации и ингумации с конем, погребения древних кыргызов); к гунно-сарматской, уйгурской и монгольской эпохам относятся многочисленные центры оседлой цивилизации. Отмечена тесная связь населения Центральной Азии с Сибирью и Средней Азией.

В докладе «Древнетюркские монеты (опыт классификации и характеристики)» **О. И. Смирнова** (Ленинград) охарактеризовала в свете новых археолого-нумизматических данных нумизматические материалы древнетюркских владений Семиречья (Чуйской долины и района Тараза), засырдарьинского Заречья (районов Отрара и Чача) и Ферганы (районов Кувы и Оша). Древнетюркские монеты выделены ею из общей массы согдийских на основе трех признаков: содержания надписей (исключительно согдийских), лицезвех изображений (их антропологический тип) и родовых тамг — руноподобных или рунических знаков (*аш*, *й*, *н*, *р*, *ат* и другие). Хронологически материал доклада охватывает период от второй половины VI в. по VIII в. включительно. Исключение составляют две одинаковые монеты, археологически датированные первой половиной VI в. (с руноподобной тамгой и изображением головы с монголоидными чертами лица). В докладе отмечается, что характерное для засырдарьинских монет изображение хищника, эмблемы или символа божества Фарна в надписях на согдо-тюркских монетах, свидетельствует о том, что это божество почиталось не только согдийцами, но и тюрками.

С. Б. Ашурбейли (Баку) в докладе «О проникновении тюркских племен в Азербайджан» рассмотрела сведения античных и средневековых авторов, относящиеся к указанной теме, и выделила топонимические и археологические свидетельства, связанные с появлением в VII—VIII вв. тюркоязычных племен на территории Азербайджана.

С докладом «Проблема сельджукского искусства в свете изучения архитектурного наследия народов Ближнего и Среднего Востока XI—начала XIII в.» выступил **Л. С. Бреганицкий** (Баку). Результаты изучения памятников архитектуры, стратифицированной эпиграфики и письменных источников, по мнению докладчика, позволяют отметить в про-

цессе архитектурного развития этого региона некоторые общие явления. Подъем городов, как известно, наступивший после сельджуцкого нашествия, резко повысил их значение в хозяйственной, политической и культурной жизни. В ряде городов сосредотачивается обширное и многообразное строительство, в котором значительное место занимает гражданское. Здесь происходит становление новой, местной архитектурной традиции, возникают и развиваются локальные школы зодчества. Этот процесс выдвигает из безымянной массы ремесленного люда зодчего — автора архитектурного замысла и руководителя его осуществления. Данный процесс протекал неравномерно, своеобразно преломляя конкретные особенности исторического развития различных областей региона, и тем не менее это было явление, типичное для своего времени.

В докладе «Уджи — военно-феодальный институт в Малой Азии в XI—XII вв.» Р. А. Гусейнов (Баку) рассмотрел систему уджей как форму пограничных поселений тюркских племен в государстве Сельджукидов, обязанных своим сюзеренам военной службой. Докладчик проследил развитие системы уджей на протяжении нескольких веков, отметив, что в первый период своего существования (XI—XII вв.) она находилась под контролем сельджуцких султанов и отвечала своему прямому назначению, а во второй период (XIII—XIV вв.) вступила в конфликт с государством Сельджукидов (Конийским султанатом), способствовала его распаду и появлению бейликов.

М. А. Урманов (Казань) сделал доклад «Вклад А. Н. Самойловича в изучение актовых источников ханств Джучиева улуса», в котором охарактеризовал работу ученого над золотоордынскими ярлыками.

А. П. Григорьев (Ленинград) в докладе «К составлению конкретных формуляров чингизидских жалованных грамот XIII—XV вв.» предложил сопоставить индивидуальные формуляры золотоордынских грамот с конкретными формулярами жалованных грамот Чингизидов с целью реконструкции полного текста этих плохо сохранившихся документов.

В докладе «Средневековый тюркоязычный памятник „Нахджу-л-фарадис“ и его новые казанские списки» Ш. Ш. Абилов (Казань) охарактеризовал два новых списка этого памятника, которые были обнаружены в 1968 г. в Татарии.

В прениях по докладом приняли участие Л. П. Поганов, С. М. Абрамзон, В. А. Ромодин, А. Д. Грач, М. А. Урманов, Б. В. Лунич, С. Г. Клышторный, И. Г. Добродомов, А. П. Григорьев.

ЗАСЕДАНИЯ СЕКЦИИ ИСТОРИИ И ЛИТЕРАТУРЫ ТУРЦИИ

Работа секции проходила в форме симпозиума на тему «Общественно-политическая мысль Турции в XIX—начале XX в.» (ру-

ководитель Ю. А. Петросян). Было заслушано и обсуждено 7 докладов.

Доклады Э. Ю. Гасановой (Баку) «Женский вопрос в общественной мысли Турции в конце XIX—начале XX века (обзор источников и литературы)» и Н. З. Эфендиевой (Баку) «Младотурецкая революция и вопрос об эмансипации женщин», хотя и были объединены общей темой, но она разрабатывалась с различных позиций. Первый доклад содержал анализ женского вопроса в русле общественно-политической мысли Турции, второй касался истории женского движения 1908—1914 гг. и содержал в основном анализ и перечень конкретных исторических фактов.

С. Утургаури (Москва) посвятила свой доклад «Общественно-историческая концепция романа Кемала Тахира „Девлет ана“» критике отраженных в романе туркофильских тенденций, связанных с так называемым «национальным социализмом», идеологами которого отрицается значение западных институтов в развитии культуры и общественного строя Турции.

В докладе Е. И. Машгаковой (Москва) «Сефаретнаме как жанровая форма турецкой литературы XVIII в.» впервые объектом рассмотрения литературоведа стали записки послов как явления турецкой прозы. Докладчик отметила, что эти записки соединяют в себе качества хроник и мемуаров, дневников путешествий и деловых бумаг. Некоторым сочинениям этого рода в той или иной мере присуща беллетристичность. Сефаретнаме имеют свои существенные структурные и стилистические особенности. Новые идеи и понятия и т. д. несли с собою некоторый новый опыт изображения действительности (сефаретнаме в основном посвящены посольствам в страны Запада), весьма важный для развития турецкой литературы.

Об истории зарождения курдской общественно-политической мысли до младотурецкой революции и воззрениях немногочисленной курдской интеллигенции в Турции и в эмиграции говорилось в докладе Д. Д. Джалиле (Ереван) «Из истории зарождения идеологии курдского национально-освободительного движения в Турции». Докладчик в своих суждениях апеллировал к содержанию сохранившихся тридцати номеров первой курдской газеты «Курдистан», издававшейся за пределами страны (в Каире, Женеве, Лондоне), а также к материалам армянских, курдских, турецких и русских источников.

Доклад Н. А. Дулиной (Ленинград) «Усилия османской дипломатии в урегулировании турецко-египетского конфликта» был посвящен новой османской дипломатии, зарождение и развитие которой в 30-е гг. XIX в. было обусловлено борьбой Османской империи на дипломатическом поприще за сохранение своей целостности. Основным источником доклада явились документы о

жизни и деятельности Мустафы Решид-паша, изданные Решадом Кайнараром.

В своем докладе «Турецкая библиотека XVIII века, основанная Рагыб-пашой» Л. В. Жукова (Ленинград) рассказала об истории создания, рукописном и книжном фонде библиотеки, основанной как вакуфное учреждение в 1763 г. в Стамбуле. В докладе было освещено и современное состояние этого старейшего книгохранилища Турции.

В обсуждении докладов приняли участие Н. А. Айзенштейн, В. С. Гарбузова, Э. Ю. Гасанова, Н. А. Дулина, А. Д. Желтяков, С. Утургаури, В. И. Шеремет, Н. З. Эфендисза.

* * *

Участники конференции высказались за продолжение плодотворных встреч советских тюркологов, отметили активную роль журнала «СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ» в деле координации и объединения тюркологических исследований в СССР, поддержали идею скорейшего создания Советского комитета тюркологов.

Конференция приняла резолюцию (см. ниже).

Выступивший от имени участников конференции президент Академии наук Туркменской ССР П. А. Азимов указал на большое значение постоянной ленинградской конференции тюркологов для развития тюркологических исследований в СССР и решения наиболее актуальных задач тюркологии, отметил прекрасную организацию конференции, строгий стиль ее работы, умелое руководство симпозиумами и высокий научно-методический уровень прочитанных докладов. Он сердечно поблагодарил дирекцию Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР и Оргкомитет за те усилия, которые они прилагают для организации и успешного проведения тюркологических конференций в Ленинграде.

В. Г. Гузев, Н. А. Дулина,
С. Г. Кляшторный, А. Е. Мартынецв,
Д. М. Насилов.

РЕЗОЛЮЦИЯ

VI ТЮРКОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В ЛЕНИНГРАДЕ

ЛЕНИНГРАД, 7 ИЮНЯ 1973 г.

5—7 июня 1973 г. в Ленинградском отделении Института востоковедения Академии наук СССР состоялась шестая Тюркологическая конференция. В работе конференции приняли участие 139 тюркологов из Абакана, Алма-Аты, Ашхабада, Баку, Бийска, Бухары, Еревана, Казани, Ленинграда, Москвы, Нальчика, Новокузнецка, Нукуса, Самарканда, Тарту, Ташкента, Тбилиси, Томска, Уфы, Ферганы, Фрунзе, Чебоксар, Черкесска. На трех пленарных и четырнадцати секционных заседаниях были заслушаны 81 доклад и 114 выступлений.

Два пленарных заседания были посвящены памяти выдающегося советского тюрколога академика Александра Николаевича Самойловича. Двенадцать докладов было посвящено научному наследию А. Н. Самойловича в области тюркского языкознания, литературоведения, истории и этнографии, а также роли А. Н. Самойловича в организации тюркологических исследований в СССР. В докладах, сделанных на третьем пленарном заседании, были освещены основные этапы развития общественной мысли Турции в новое время, методы и источники сравнительно-исторических исследований тюркских языков, периодизация истории узбекского языка, основные направления историографической интерпретации древнетюркских памятников.

На секционных заседаниях работали следующие симпозиумы: «Методы и источники сравнительно-исторических исследований в тюркских языках» (руководитель — А. Н. Кононов); «Морфология и лексикология тюркских языков» (руководитель — Д. М. Насилов); «Общественно-политическая мысль Турции в XIX — начале XX в.» (руководитель — Ю. А. Петросян); «Тюркская поэтика» (руководитель — З. А. Ахметов); «Древнетюркская литература как исторический источник» (руководитель — С. Г. Кляшторный). Всего на четырнадцати секционных заседаниях было сделано 69 докладов и более 100 выступлений.

Особое внимание участников конференции привлекла работа лингвистических симпозиумов, на которых состоялся весьма полезный обмен мнениями по затронутым вопросам. На заседаниях секции истории и литературы Турции были заслушаны доклады, посвященные важным проблемам политической, идеологической и культурной жизни Османской империи в новое время. Симпозиум по вопросам тюркской поэтики был посвящен некоторым общим и частным проблемам теории тюркского стиха. На симпозиуме по древнетюркской литературе обсуждались проблемы, касающиеся разработки эпиграфических и документальных источников на тюркских языках.

Работа конференции и повседневная исследовательская практика вновь подтвердили важность объединения усилий для разработки кардинальных научных проблем тюркологии, а также необходимость периодических встреч ученых для их обсуждения. Конференция отметила также активную роль журнала «СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ» в деле координации и объединения тюркологических исследований, осуществляемых в СССР. Вместе с тем конференция поддерживает идею скорейшего образования Советского комитета тюркологов*, который в качестве организующего центра мог бы оказать решающее влияние на целенаправленность исследовательской работы в области тюркологии.

РЕШЕНИЕ:

1. Заслушав доклады о научной деятельности А. Н. Самойловича и отмечая непреходящую ценность его трудов, конференция считает необходимым издание собрания сочинений А. Н. Самойловича, включая многие его неопубликованные работы, а также подготовку «Тюркологического сборника» памяти А. Н. Самойловича.

2. Выражая особое удовлетворение активным и плодотворным обменом мнений по затронутым лингвистическим проблемам, конференция считает необходимым: а) дальнейшее развертывание сравнительно-исторических исследований и разработку круга проблем, связанных с этими исследованиями, таких, как соотношение языкового и исторического процесса, совершенствование методик, всестороннее изучение источников; б) предложить тюркологам-диалектологам выработать рекомендации для регистрации и описания тюркских языков; в) созвать симпозиум по проблемам тюркской лексикографии.

3. Отмечая общий рост исследований по истории и истории культуры Турции, конференция рекомендует организовать симпозиум по общим

* Постановлением Президиума Академии наук СССР от 11 октября 1973 года Советский комитет тюркологов уже организован при Отделении литературы и языка. В одном из первых номеров журнала «Советская тюркология» за 1974 год будут опубликованы Положение о Советском комитете тюркологов, персональный состав Комитета и его Бюро (прим. ред.).

проблемам истории культуры Турции в эпоху средневековья и в новое время, изучив при этом возможность привлечения к работе симпозиума ученых смежных специальностей, в частности балканистов.

4. Считая полезным учреждение специальной секции, посвященной вопросам тюркской поэтики, конференция указывает на необходимость продолжать работу этой секции, расширяя ее проблематику, и рекомендует обсуждать кардинальные проблемы теории тюркского стиха в рамках региональных совещаний.

5. Придавая большое значение изучению древнетюркских исторических и литературных памятников, конференция рекомендует приступить к подготовке свода древнетюркской эпиграфики «Корпуса рунических надписей».

СОДЕРЖАНИЕ

К 600-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИМАДЕДДИНА НАСИМИ

<i>М. Ю. Гулизаде</i> (Баку). Имадеддин Насими — великий поэт и мыслитель	5
<i>В. И. Асланов</i> (Баку). К вопросу об изучении творческого наследия Имадеддина Насими	15
<i>С. Н. Иванов</i> (Ленинград). Лирика Насими и вопросы ее переводческого истолкования	22
<i>Дж. В. Каграманов</i> (Баку). О рукописях произведений Имадеддина Насими	31

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

<i>А. Н. Кононов</i> (Ленинград). А. Н. Самойлович — грамматист	37
<i>К. М. Мусаев</i> (Москва). А. Н. Самойлович и сравнительная лексикология тюркских языков	49
<i>Э. И. Фазылов</i> (Ташкент). А. Н. Самойлович — исследователь тюркских памятников средневековья	58
<i>Д. Нуралиев</i> (Ашхабад). А. Н. Самойлович — исследователь туркменской литературы и фольклора	66
<i>П. Азимов, Б. Чарыяров</i> (Ашхабад). А. Н. Самойлович и туркменское языкознание	71
<i>Д. М. Насилов</i> (Ленинград). А. Н. Самойлович о классификации тюркских языков	76
<i>Н. А. Баскаков</i> (Москва). А. Н. Самойлович в письмах к В. А. Гордлевскому	84

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

А. П. Дульзон (Томск). Установление архетипа фонемы по межъязыковым рядам альтернатив	93
--	----

ПУБЛИКАЦИИ

<i>А. Н. Самойлович</i> . Общий взгляд на возникновение и развитие мусульманско-тюркских литературных языков в связи с разговорными наречиями	105
---	-----

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

<i>А. Меметов</i> (Ташкент). Некоторые фонетические изменения гласных звуков в персидских лексических заимствованиях в крымско-татарском языке	111
--	-----

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

<i>А. Е. Мартынец</i> (Ленинград). Приблизительная рифма в газелях Юнуса Эмре	115
---	-----

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

<i>Э. Р. Тенишев</i> (Москва). О методах и источниках сравнительно-исторических исследований тюркских языков	119
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>А. Алиев, И. Гамидов</i> (Баку). Памяти Имадеддина Насими	125
<i>В. Г. Гузев, Н. А. Дулина, С. Г. Кляшторный, А. Е. Мартынец, Д. М. Насилов</i> (Ленинград). VI Тюркологическая конференция в Ленинграде	128
Резолюция VI Тюркологической конференции в Ленинграде	135

CONTENTS

TOWARDS THE 600th ANNIVERSARY OF NESIMI'S BIRTH

<i>M. Y. Gulizade</i> (Baku). Imadeddin Nesimi — great poet and thinker	5
<i>V. I. Aslanov</i> (Baku). Towards the problem of study of Imadeddin Nesimi's creative legacy	15
<i>S. N. Ivanov</i> (Leningrad). Nesimi's lyrics and problems of its interpretation by translator	22
<i>J. V. Kagramanov</i> (Baku). On manuscripts of Imadeddin Nesimi's works	31

HISTORY OF NATIVE TURKOLOGY

<i>A. N. Kononov</i> (Leningrad). <i>A. N. Samoylovich</i> — grammatist	37
<i>K. M. Masayev</i> (Moscow). <i>A. N. Samoylovich</i> and comparative lexicology of turkic languages	49
<i>E. I. Fazylov</i> (Tashkent). <i>A. N. Samoylovich</i> — investigator of turkic manuscripts of the Middle Ages	58
<i>D. Nuraliyev</i> (Ashkhabad). <i>A. N. Samoylovich</i> — investigator of turkmen literature and folk-lore	66
<i>F. Azimov, B. Chariyarov</i> (Ashkhabad). <i>A. N. Samoylovich</i> and turkmen linguistics	71
<i>D. M. Nasikov</i> (Leningrad). <i>A. N. Samoylovich</i> about classification of turkic languages	76
<i>N. A. Baskakov</i> (Moscow). <i>A. N. Samoylovich</i> in letters to <i>V. A. Gordlevsky</i>	84

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

<i>A. P. Dulzon</i> (Tomsk). Determination of phoneme's archetype by interlanguage series of alternation	93
--	----

PUBLICATIONS

<i>A. N. Samoylovich</i> . General view on origin and development of moslem-turkic literary languages in connection with colloquial dialects	105
--	-----

LANGUAGES IN CONTACT

<i>A. Memetov</i> (Tashkent). Some phonetic changes of vowels in persian lexical borrowings in the Crimea-tatar language	111
--	-----

PROBLEMS OF LITERARY CRITICS

<i>A. E. Martynisev</i> (Leningrad). Approximate rhyme in ghazals of Yunus Emre	115
---	-----

DISCUSSIONS

<i>E. R. Tenishev</i> (Moscow). On methods and sources of comparative-historical studies of turkic languages	119
--	-----

SCIENTIFIC LIVE

<i>A. Aliyev, I. Gamidov</i> (Baku). Commemorating Imadeddin Nesimi	125
<i>V. G. Guzev, N. A. Dulina, S. G. Klashtorny, A. E. Martynisev, D. M. Nasikov</i> (Leningrad). The VIth Turkological conference in Leningrad	128
The resolution of VIth Turkological conference in Leningrad	135